РУССКАЯ БЕСѢДА

НОЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

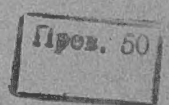
СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ БЕСѢДА

НОЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 ноября 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Зарубежное Славянство.

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ.** Ноябрь 1895 г.

Содержаніе: „Жизнеописаніе Св. Преподобномученика Макарія, Переяславскаго чудотворца“, Свящ. *Стеф. Недѣльскаго.*

Рисунки: Подпись Прдмч. Макарія; надпись его на книгѣ; подпись архим. Іова Заіончковскаго.

Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ.

Профессора Генриха Друммонда.

(Продолженіе).

ГЛАВА VII.

Среда.

«Чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всѣмъ, что̀ угодно Богу (Колосс. IV, 12).

Количество силы, затрачиваемое организмомъ на какую бы то ни было работу, всегда соотвѣтствуетъ и равно количеству силы, заимствованной извнѣ.

Гербертъ Спенсеръ.

Люди, занимающіеся изученіемъ жизнеописаній, могутъ замѣтить, что въ первыхъ главахъ всѣхъ хорошо составленныхъ жизнеописаній вниманіе сосредоточивается на двухъ вещахъ. Прежде всего насъ знакомятъ съ семьей, къ которой принадлежитъ описываемое лицо. Дѣлается краткая характеристика его дѣдушекъ и бабушекъ или даже самыхъ отдаленныхъ предковъ, при чемъ выставляются на видъ ихъ выдающіяся черты. Далѣе изображаются родители съ фотографическими подробностями. Подвергаются критическому разбору ихъ наружный видъ, лицо, нравъ, склонности и умственныя способности. Наконецъ, намъ указываютъ, какъ отразилось на данномъ лицѣ взаимодѣйствіе природныхъ особенностей его отца и матери. Все болѣе и болѣе яркими красками рисуетъ намъ жизнеописатель до какой степени черты предковъ вѣрно воспроизведены въ послѣднемъ отпрыскѣ, въ какомъ таинственномъ смѣшеніи представляются ихъ соединенныя особенности духовныя и тѣлесныя и насколько вытекающее отсюда новое сочетаніе кажется неожиданнымъ, хотя и естественнымъ такъ что, наконецъ, намъ становится понятнымъ,

что мы имѣемъ дѣло, скорѣе съ воспроизведеніемъ и преобразованіемъ того, что казалось погребеннымъ въ могилѣ, чѣмъ съ самостоятельною особью. Во-вторыхъ, намъ предлагаютъ обратить вниманіе на другія, болѣе внѣшнія вліянія—школъ, учителей, сосѣдей, обстановки, денежныхъ средствъ, мѣстности, наконецъ, политической и религіозной атмосферы даннаго времени. Насъ увѣряютъ, что все это также имѣло значеніе и способствовало личности сложиться такою, какова она есть. Мы не могли бы приписывать большой важности вліяніямъ этого рода во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ, если бы мы не видѣли, съ какою силою они отражаются на умѣ и нравѣ и съ какою точностью опредѣляютъ теченіе дальнѣйшей жизни изображаемаго лица.

Двойная связь особи—съ предками и съ окружающею средой—свойственна не однимъ только людямъ. Отъ этихъ двухъ условій зависятъ тѣ или другія особенности всѣхъ живыхъ существъ. Когда естествоиспытатель хочетъ прослѣдить исторію жизни какого нибудь животнаго, онъ также разсматриваетъ эти условія. Дѣйствительно, жизнеописаніе (біографія) есть ничто иное, какъ одинъ изъ отдѣловъ Естественной исторіи, и жизнеописатель, видящій въ своемъ героѣ какъ бы равнодѣйствующую двухъ вышеозначенныхъ силъ, слѣдуетъ такому же научному способу, какъ Дарвинъ въ своей книгѣ „О прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растеніяхъ“.

Дарвинъ, какъ и Вейсманъ, уже давно доказали, что все развитіе зиждется на двухъ дѣятеляхъ: природѣ организма и природѣ окружающихъ его условій. Мы взяли нашъ примѣръ изъ среды самаго высшаго или человѣческаго рода, чтобы яснѣе указать на значеніе этихъ дѣятелей, но слѣдуетъ помнить, что развитіе человѣка, предоставленнаго ихъ направляющему вліянію, совершенно таково же, какъ развитіе всякаго другого существа въ природѣ. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ всеобщимъ закономъ. Если-же, вмѣсто опредѣленій, которыми мы пользовались при описаніи дѣятелей, подставить болѣе точную научную терминологію, то основная мысль общаго правила будетъ выражена полнѣе. Такимъ образомъ то, что біографія описываетъ подъ именемъ вліянія предковъ, — біологія называетъ *наслѣдственностью*, а то, что признается вторымъ дѣятелемъ, т.-е. дѣйствіемъ внѣшнихъ условій и обстановки, — естествоиспытатель обозначаетъ однимъ словомъ: *среда*. Наслѣдственность и среда — вотъ два господствующія вліянія органическаго міра. Это онѣ сдѣлали насъ тѣмъ, что мы есть. Во все время нашего существованія мы испытываемъ на себѣ дѣйствіе этихъ двухъ силъ. И тотъ, кто вѣрно понимаетъ эти вліянія, и рѣшилъ, насколько онъ долженъ подчиняться каждому изъ нихъ; кто

умѣетъ управлять новыми силами по мѣрѣ ихъ возникновенія или приспособлять ихъ къ прежнимъ и управлять ими, то возбуждая ихъ совмѣстное дѣйствіе, то заставляя ихъ дѣйствовать другъ на друга,—тотъ понимаетъ разумность личнаго развитія. Постоянно пользоваться случаями болѣе и болѣе совершеннаго приспособленія къ лучшимъ и высшимъ условіямъ, уравновѣшивать какое нибудь внутреннее зло очищающимъ внѣшнимъ вліяніемъ, однимъ словомъ, создавать свою среду въ то самое время, когда она насъ создаетъ,—вотъ въ чемъ заключается тайна правильной и успѣшной жизни.

Въ духовномъ мірѣ также наслѣдственность и среда оказываютъ незамѣтное вліяніе на образованіе и преобразованіе души. И здѣсь-то особенно, гдѣ все не видимо, гдѣ многое изъ того, что мы чувствуемъ какъ дѣйствительное, еще такъ мало опредѣленно,—становится жизненно важнымъ по возможности очистить атмосферу понятіями, заимствованными ихъ жизни природы. Съ очень немногими вещами мы такъ-мало знакомы, какъ съ условіями духовной жизни. Печальная несостоятельность, чувствуемая большинствомъ изъ насъ при попыткѣ выработать нашу духовную опытность, быть можетъ менѣе зависитъ отъ болѣзни воли, которой мы обыкновенно приписываемъ проступки, чѣмъ отъ недостаточнаго знанія истинныхъ условій жизни. Мы не имѣемъ малѣйшаго понятія о томъ, насколько духовное естественно. Мы дѣлаемъ усилія, чтобы постичь что-то странное и трансцедентное, мы стараемся развивать жизнь при помощи методовъ настолько же неестественныхъ, насколько и неудачныхъ, между тѣмъ только полное непониманіе всей области жизни мѣшаетъ намъ видѣть вполнѣ то, что мы наполовину подозрѣваемъ, а именно, что мы идемъ по ложному пути. Между тѣмъ жизнь духовнаго міра такъ-же проста, какъ жизнь міра естественнаго, и простота эта однородна, такъ какъ оба міра однородны. Нѣтъ двухъ различныхъ міровъ. Условія жизни въ одномъ соотвѣтствуютъ условіямъ жизни въ другомъ. И до тѣхъ поръ, пока люди не сознаютъ ясно этихъ условій, какъ условій всякой жизни, всѣ личныя стремленія къ высшей жизни будутъ только слѣпою борьбой, полной безплодной горечи и униженія.

Здѣсь нѣтъ надобности взвѣшивать относительную важность этихъ всеобщихъ условій (факторовъ): наслѣдственности и среды. Главное вліяніе безспорно слѣдуетъ приписать первому. Между тѣмъ, въ дѣйствительности второй болѣе привлекаетъ наше вниманіе и не безъ основанія. Вліяніе наслѣдственности не отъ насъ зависитъ. Никто не можетъ выбирать себѣ родителей. Но каждый до извѣстной степени можетъ выбирать себѣ среду. Его отношеніе къ ней, какъ бы сильно оно вначалѣ

ни было обусловлено наслѣдственностью, всегда можетъ быть подвергнуто измѣненію. И контроль человѣка надъ средой такъ великъ, его вліяніе на нее такъ существенно, что онъ, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, въ состояніи передѣлать, измѣнить, продолжить или сдѣлать болѣе глубокими и постоянными раннія вліянія наслѣдственности. Но та точка зрѣнія, съ которой мы теперь будемъ разсматривать среду, не приводитъ насъ къ такимъ сложнымъ вопросамъ. Точно такъ-же намъ нѣтъ теперь надобности описывать, въ какомъ высшемъ мистическомъ смыслѣ наслѣдственность примѣняется къ духовному организму. Мы найдемъ достаточно обширное и плодотворное поле для изученія въ простѣйшихъ отношеніяхъ наиболѣе внѣшняго условія (фактора).

Вліяніе среды можно разсматривать съ двухъ главныхъ сторонъ. Прежде всего можно бы разобрать любопытный современный вопросъ о власти среды надъ организмомъ и вывести заключеніе о явленіи, которое въ новѣйшей наукѣ извѣстно подъ именемъ видоизмѣненій.

Теперь вполнѣ извѣстно, что измѣненіе въ обстановкѣ животнаго можетъ такъ на него подѣйствовать, что произойдетъ измѣненіе въ немъ самомъ. Всякое сознательное или безсознательное стремленіе приспособиться къ новымъ условіямъ постепенно производитъ настоящее физіологическое измѣненіе организма. Напримѣръ Гунтеръ въ классическомъ опытѣ измѣнилъ среду, свойственную чайкѣ, содержа послѣднюю такимъ образомъ, что она могла питаться только зерномъ. Послѣдствіемъ этого было такое измѣненіе желудка птицы, природою приспособленной къ питанію рыбой, что съ теченіемъ времени онъ сталъ походить по устройству на зобъ обыкновенныхъ зерноядныхъ птицъ, вродѣ голубя. Хольмгренъ сдѣлалъ наоборотъ: онъ долго кормилъ голубей мясомъ, и получилось перерожденіе зоба въ желудокъ, свойственный плотояднымъ. Альфредъ Руссель Іэласъ разсказываетъ о бразильскомъ попугаѣ, который измѣняетъ свой зеленый цвѣтъ на красный и желтый, когда питается жиромъ нѣкоторыхъ рыбъ. Не только перемѣна пищи, но также перемѣна климата и температуры, измѣненія окружающихъ организмовъ; для морскихъ животныхъ—измѣненія атмосфернаго давленія, океаническихъ теченій, свѣта и множества другихъ обстоятельствъ производятъ, какъ извѣстно, могущественную перемѣну въ живыхъ организмахъ. Относительное дѣйствіе этихъ вліяній еще изучаютъ въ различныхъ направленіяхъ, но вліяніе среды, какъ первенствующаго условія при измѣненіи видовъ, теперь признано наукой. Даже обыкновенные, ненаучные умы, были поражены любопытнымъ приспособленіемъ почти всѣхъ животныхъ къ ихъ мѣстопребыванію, напр. относительно цвѣта. Песчаный оттѣнокъ палтуса и камбалы, бѣлизна полярнаго медвѣдя, соотвѣтствующая арк-

тическому снѣгу, полосы бенгальскаго тигра, имѣющія такой видъ, какъ будто-бы тростникъ его родного логовища отпечатался на его кожѣ— всѣ эти факты и сотни другихъ, которые могутъ припомниться каждому, представляютъ замѣчательные примѣры приспособленія къ средѣ, полученнаго путемъ естественнаго подбора или инымъ способомъ, но, во всякомъ случаѣ, съ цѣлью охраненія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ примѣрахъ, которые мы только-что привели.

Дальнѣйшее изслѣдованіе измѣняющаго вліянія среды на нравственную и умственную сферу привело бы насъ къ изслѣдованію внушеній и чаръ. Можно бы было показать, какъ нравственное существо человѣка мѣняется въ зависимости отъ тайныхъ и явныхъ вліяній его обстановки, свѣтскаго тона, посѣщаемаго имъ общества, занятій, книгъ, природы, однимъ словомъ всего того, что составляетъ обычную атмосферу его мыслей и избраннаго имъ обыденнаго мірка. Можно было бы проникнуть еще дальше и показать, какимъ образомъ внѣшніе источники вліяютъ на измѣненіе духовной жизни, такъ какъ ея здоровье и болѣзнь, ростъ и упадокъ, всѣ ея измѣненія къ лучшему или къ худшему опредѣляются разнообразными и послѣдовательными обстоятельствами, которыми воспитываются религіозныя привычки. Но лучше обратиться къ другой сторонѣ вліянія среды, быть можетъ не столь заманчивой, но зато болѣе важной.

Современные споры о средѣ такъ вертятся вокругъ простого вопроса о видоизмѣненіи, что вошло въ обыкновеніе пренебрегать вопросомъ болѣе важнымъ. Значеніе среды, какъ жизненнаго дѣятеля еще не исчерпывается, установленіемъ ея измѣняющаго вліянія. Этимъ оно только едва затронуто. Не измѣненіе, а поддержаніе жизни составляетъ великую задачу среды. Правда, поддерживая жизнь, среда ее измѣняетъ, но это послѣднее вліяніе случайно, между тѣмъ какъ первое—обычно.

Наша среда—это то, въ чемъ мы живемъ и двигаемся. Безъ нея у насъ не было бы ни жизни, ни движенія, никакого существованія. Начало жизни существуетъ въ организмѣ, но условія ея заключаются въ средѣ. Безъ выполненія этихъ условій, всецѣло выставляемыхъ средой, не можетъ быть никакой жизни. Организмъ самъ по себѣ только часть цѣлаго; природа его дополненіе. Одинъ, отдѣленный отъ своей среды, онъ не существуетъ. Одинъ, безъ моего окружающаго, я не существую,— я лишенъ физическаго бытія. Я существую только въ той степени, въ какой нахожу въ немъ поддержку. Я продолжаю жить только по мѣрѣ того, что я получаю изъ среды. Моя среда можетъ измѣнять меня, но прежде ей нужно меня поддерживать. И во все время, пока ея тайная образующая сила косвенно образуетъ мое тѣло и духъ, ея прямое

дѣйствіе выполняетъ болѣе обширную задачу удовлетворенія моихъ безчисленныхъ нуждъ, ежечасно поддерживая саму мою жизнь.

Чтобы понять охранительное вліяніе среды въ животномъ мірѣ, стоитъ только припомнить, что біологъ называетъ существенными или вспомогательными условіями жизненности. Все живущее требуетъ для правильнаго развитія среду, заключающую въ себѣ воздухъ, свѣтъ, теплоту и воду. Кромѣ того, если жизненность должна сохраниться на нѣкоторое время и при этомъ сопровождаться ростомъ и тратой силы,—среда еще должна имѣть постоянный запасъ пищи. Если мы только припомнимъ, какъ необходима пища для роста и работы, и если мы не будемъ терять изъ виду, что пищевой запасъ доставляется исключительно средой, то мы оцѣнимъ значеніе и справедливость предположенія, что безъ среды не можетъ быть жизни. Тѣло человѣческое содержитъ въ себѣ по крайней мѣрѣ 70% воды, остальное составляютъ газы и минеральныя соли. Все это получилось изъ среды. Каждый здоровый взрослый человѣкъ ежедневно выдѣляетъ порами своего тѣла килограммъ воды. Запасъ этотъ поддерживается средой. Въ дѣйствительности среда — это неприсвоенная намъ часть насъ самихъ. Отъ нея постоянно отнимаются опредѣленныя частицы, которыя и присоединяются къ организму. И пока организмъ продолжаетъ рости, дѣйствовать, думать, говорить, работать или исполнять какія-нибудь другія отправленія, требующія извѣстнаго количества силы — онъ всегда находитъ въ окружающей его средѣ постоянный запасъ соотвѣтствующій затратамъ. Эта истина, справедливая какъ по отношенію къ физическому, такъ и по отношенію къ духовному міру, имѣетъ такое громадное значеніе, что для вящаго подтвержденія не безполезно будетъ прослѣдить ее и въ другой области естествознанія. Ея значеніе въ біологіи очевидно, обратимся теперь къ химіи.

Если мы бросаемъ кусокъ угля въ огонь, то онъ испускаетъ извѣстное количество теплоты. Это тепло по обычному пониманію, заключается въ углѣ и выдѣляется при горѣніи. Въ дѣйствительности же тепловая сила только частью заключается въ углѣ, а частью въ средѣ, окружающей уголь, т.-е. въ кислородѣ воздуха. Атомы углерода, образующіе уголь, имѣютъ сильное сродство съ кислородомъ воздуха. Приходя въ извѣстное соприкосновеніе другъ съ другомъ при содѣйствіи тепла, они соединяются съ неимовѣрной силой. Проявляющаяся при этомъ теплота происходитъ не отъ одного угля и не отъ одного кислорода. Въ дѣйствительности ни тотъ ни другой отдѣльно не сгораемы и продолжаютъ существовать по ихъ соединеніи въ видѣ угольной кислоты. Теплота происходитъ вслѣдствіе силы, проявляемой химическимъ сліяніемъ частицъ углерода съ частицами кислорода, и потому отчасти при-

надлежитъ углю, отчасти же его средѣ. Уголь самъ по себѣ никогда не произвелъ бы теплоты, какъ и окружающая его среда. Оба они въ зависимости другъ отъ друга. И хотя мы всегда склонны приписывать всѣ свойства тому веществу, которое можемъ взвѣшивать и осязать, однакожъ въ большинствѣ случаевъ такое же, если не большее, значеніе имѣетъ и невидимая среда.

Это одно изъ тѣхъ важныхъ общихъ мѣстъ, которыя ускользаютъ отъ нашихъ разсчетовъ по причинѣ ихъ общности и простоты. И однако-жъ мы сейчасъ увидимъ, какъ важны послѣдствія, зависящія отъ этой простѣйшей истины. Во всѣхъ областяхъ знанія въ настоящее время важнѣе всего пересмотръ общихъ истинъ. Въ духовномъ мірѣ особенно важно внимательно ознакомиться съ самыми обыкновенными и наглядными явленіями природы; и, полагая основы религіозной жизни, слѣдуетъ начать съ внимательнаго разбора той важной истины, которая гласитъ, что безъ окружающей среды не можетъ быть никакой жизни.

Чему же это соотвѣтствуетъ въ духовномъ мірѣ? Развѣ это не просто научное подтвержденіе часто повторяемыхъ словъ Спасителя: „безъ Меня не можете дѣлать ничего“. Въ духовномъ организмѣ существуетъ начало жизни, но оно не можетъ существовать само по себѣ. Оно требуетъ другого условія, въ которомъ оно могло бы и жить и двигаться и существовать, словомъ ему необходима среда. Безъ нея оно не можетъ ни жить, ни двигаться, ни существовать. Безъ среды душа подобна углю безъ кислорода, рыбѣ внѣ воды, животному остову безъ внѣшнихъ жизненныхъ условій.

А что составляетъ нашу духовную среду?

Богъ—наша духовная среда. Поэтому безъ Него нѣтъ ни жизни, ни мысли, ни силы,—ничего. „Безъ Меня вы не можете дѣлать ничего“.

Существенное заблужденіе въ духовной жизни состоитъ въ постоянныхъ попыткахъ жить безъ среды. Духовный опытъ занимается, если не слишкомъ много, то слишкомъ исключительно однимъ дѣятелемъ — душой. Мы находимъ наслажденіе въ томъ, чтобы отъ времени до времени копаться въ этой измученной душѣ, ища въ ней то, что мы называемъ нашей вѣрой, забывая, что вѣра есть только извѣстное положеніе, пустая рука протянутая для того, чтобъ схватить окружающую насъ сущность. И когда мы чувствуемъ потребность въ силѣ, чтобы превозмочь міръ, какъ часто стараемся мы создать ее въ себѣ какимъ-нибудь искусственнымъ способомъ, какимъ-нибудь новымъ обузданіемъ воли, какими-нибудь усиліями, которыя только еще больше терзаютъ душу. Всматриваться въ себя хорошо, но безполезно, если мы вмѣстѣ съ тѣмъ не вникаемъ въ нашу среду. Печалиться о нашей слабости спра-

ведливо, но это не поможетъ ничему. Надо изслѣдовать какъ причину, такъ и слѣдствіе. Но мы никогда не видѣли другой половины задачи, и потому даже наши ошибки не научаютъ насъ ничему. Послѣ каждаго новаго паденія мы начинаемъ жизнь съизнова, но на старыхъ условіяхъ, и эта попытка, какъ и всякое повтореніе — а при тѣхъ же условіяхъ повтореніе неизбѣжно—кончается по-прежнему печально. Нельзя сказать, чтобы порой насъ не озаряли проблески, освѣщающіе истинное положеніе дѣлъ. Послѣ сильныхъ разочарованій, съ горькимъ чувствомъ нашей неизлѣчимой слабости, мы, вглядываяся внутрь себя, въ тысячный разъ повторяемъ: „душа моя, все свое упованіе возлагай на Бога“. Но урокъ скоро забытъ. Силу дарованную, мы скоро приписываемъ нашимъ собственнымъ усиліямъ и даже временный успѣхъ ошибочно принимаемъ за признакъ неиспытанной внутренней живучести. И еще разъ мы хотимъ жить сами по себѣ, безъ окружающей насъ среды. И еще разъ послѣ дней печали безъ пріобрѣтенія новыхъ силъ, послѣ увяданія безъ разсвѣта, мы, погибая отъ жажды, обращаемся наконецъ къ Богу, какъ къ послѣднему нашему прибѣжищу.

Но почему же мы такъ поступаемъ? Почему мы силимся дышать безъ воздуха, пить, удаляясь отъ источника? Отчего эта ненаучная попытка поддержать жизнь въ теченіе цѣлыхъ недѣль внѣ окружающей насъ среды. Все оттого, что мы никогда истинно не понимали всей необходимости среды. Мы дѣйствовали всегда внѣ согласія съ правиломъ. Намъ ясно говорятъ: „возлагай свое упованіе только на Бога“, но мы не знаемъ почему. Намъ никогда не было вполнѣ ясно, что безъ Бога душа погибнетъ, какъ тѣло безъ пищи. Словомъ, мы никогда не понимали ученія о „превращеніи силы“. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться превращеніемъ силы, мы пытались создать ее.

Законъ природы здѣсь такъ ясенъ, какъ только можетъ это сдѣлать наука. Вотъ слова Герберта Спенсера: „Изъ главной истины, лежащей въ основѣ всѣхъ второстепенныхъ, слѣдуетъ, что количество силы, затрачиваемое организмомъ на какую бы то ни было работу, всегда соотвѣтствуетъ и равно количеству силы, заимствованной извнѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ вопросомъ динамики. Какую бы силу ни проявила душа, она неизбѣжно предварительно заимствовала ее извнѣ“. Мы не создатели, а созданія; Богъ намъ прибѣжище и сила. Поэтому общеніе съ Богомъ есть научная необходимость, и ничто такъ не поможетъ ослабѣвшему духу, борющемуся среди развалинъ своей духовной жизни, какъ общее понятіе о простомъ біологическомъ правилѣ, гласящемъ, что безъ среды человѣкъ безсиленъ совершить что бы то ни было. Онъ нуждается не въ случайной точкѣ зрѣнія, но въ правилѣ

(принципѣ), — основномъ началѣ, обширномъ какъ вселенная и непоколебимомъ какъ природа. Въ естественномъ мірѣ мы безсознательно слѣдуемъ этому закону. Мы поглощаемъ теплоту, вдыхаемъ воздухъ, невольно обращаемся къ окружающей насъ средѣ за ѣдой и питьемъ, за пищей для нашихъ чувствъ, за умственными возбудителями, за всѣмъ, что, проникая въ насъ извнѣ, можетъ продолжить, обогатить и возвысить нашу жизнь. Но въ духовномъ мірѣ намъ предстоитъ изучать все это.

Мы новыя твари и должны добывать даже самое простое существованіе.

Теперь существенный вопросъ въ этомъ изученіи жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить естественно. Нужно, по возможности не отступая, слѣдовать по широкому, ясному пути естественной жизни. При этомъ намъ необходимо постоянно имѣть въ виду три вещи. Первое, что организмъ заключаетъ въ себѣ только половину того, что существенно необходимо для жизни; второе, что другая половина заключается въ окружающей его средѣ; и третье, что условіе воспріятія состоитъ въ простомъ единеніи организма со средой.

Въ переводѣ на языкъ религіи, эти три положенія представляютъ и утверждаютъ на научномъ основаніи истины имѣющія громадное жизненное значеніе. Говорить, что организмъ заключаетъ въ себѣ только половину того, что существенно необходимо для жизни, значитъ повторять часто упоминаемую и безусловно вѣрную евангельскую истину о полнѣйшей безпомощности человѣка. Кто не пришелъ къ тому заключенію, что онъ представляетъ собою только часть, обрывокъ громаднаго цѣлаго? Человѣкъ знаетъ, что онъ только часть цѣлаго, потому что чувствуетъ, что въ немъ чего-то не достаетъ. Онъ чувствуетъ, что Богъ есть цѣлое, потому что испытываетъ иногда Его помощь въ нуждѣ. Кто не трепещетъ отъ этого мучительнаго признака своей неполноты при недостаткѣ духовной силы, при безпомощности избавиться отъ грѣха? Но теперь онъ понимаетъ и то и другое; пустоту своей жизни и безсиліе своей воли. Онъ понимаетъ, что духовная сила, какъ и другія силы, заключается въ средѣ. Онъ находитъ въ ней наконецъ истинный корень человѣческой слабости, ничтожества, пустоты, грѣха. Вотъ почему Христосъ сказалъ: „безъ Меня вы не можете дѣлать ничего“. Безсиліе есть естественное состояніе не только духовнаго, но и всякаго организма, отдѣляющагося отъ своей среды.

Полная зависимость души отъ Бога не есть исключительная тайна, и безпомощность человѣка не представляетъ собою случайнаго, безпримѣрнаго явленія. Нѣтъ, это—законъ природы, и духовный человѣкъ

только подчиняется ему. Онъ не преднамѣренно стѣсненъ особенными ограниченіями или необыкновенными немощами. Богъ не преднамѣренно сдѣлалъ духовную жизнь по возможности тяжелой. Нѣтъ, правила для духовной жизни тѣ же, что и для вещественной. Когда въ минуты невѣрія люди сѣтуютъ на Создателя за то, что Онъ слабость человѣческую ставитъ препятствіемъ къ достиженію ими высшаго развитія, они выражаютъ только недовольство существующими законами природы. Они жалуются на то, что солнце, а не машины служатъ источникомъ силы, на то, что углеродъ находится въ воздухѣ, а не въ растеніи! Они охотно снабдили бы каждый организмъ особенной атмосферой, каждый мозгъ особеннымъ запасомъ силы, они охотно заставили бы рожь расти внутри тѣла и дѣлали бы хлѣбъ при помощи особеннаго приспособленія въ пищеварительныхъ органахъ. Словомъ, они желали бы, чтобы созданіе превратилось въ Создателя. Организмъ долженъ или зависѣть отъ своей среды или самъ вполнѣ удовлетворять себя. Но кто же не склоненъ скорѣе одобрить тотъ порядокъ вещей, въ силу котораго человѣкъ въ своей жизни, какъ твореніе, можетъ имѣть непрерывный доступъ къ безконечной силѣ. Чья душа будетъ домогаться самостоятельнаго свѣта, когда она знаетъ, что „Господь Богъ есть источникъ свѣта". Кто не смѣняетъ охотно свою плоскодонную чашу на источникъ живой воды Христа? Если бы даже организмъ подобно кораблю, выходящему въ открытое море, былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ, то и тогда его малый запасъ скоро пришелъ бы къ концу. Но въ связи съ безпредѣльною средой его запасъ безграниченъ. Его средства во всѣхъ отношеніяхъ неограниченны.

Существуетъ новѣйшая школа, возражающая противъ ученія о человѣческомъ безсиліи, признавая его безсердечнымъ измышленіемъ отжившей теологіи. Въ то время какъ извѣстная доля этого ученія для всѣхъ, знающихъ человѣка, не можетъ быть защищаема, другая доля, для всѣхъ, изучившихъ природу, несомнѣнна. Люди, противящіеся этому ученію изъ ревностной защиты правъ человѣка, надѣляютъ организмъ свойствами среды. Всякая же истинная теологія съ другой стороны остается вѣрна по крайней мѣрѣ основной чертѣ этой истины. Новый Завѣтъ ни на чемъ такъ торжественно не настаиваетъ, какъ на этой зависимости человѣка. Съ его точки зрѣнія первая ступень религіозной жизни состоитъ въ чувствѣ своей безпомощности. Первая заповѣдь блаженства обращена къ нищимъ духомъ. Чтобы войти въ царство духа необходимо имѣть душу ребенка, то состояніе души, при которомъ глубочайшая безпомощность соединена съ безыскусственнымъ чувствомъ зависимости. По существу та же мысль лежитъ въ основѣ многихъ мѣстъ евангелія, въ которыхъ

Христосъ утверждаетъ, что Онъ пришелъ не праведниковъ спасти, а грѣшниковъ призвать къ покаянію. И въ прощальной бесѣдѣ, когда великій Учитель излагалъ самыя глубокія истины Свои, Онъ съ усиленнымъ удареніемъ останавливался на этомъ ученіи. Никакія слова не могутъ быть болѣе торжественны или поразительны, чѣмъ тѣ, въ которыхъ Онъ иносказательно излагаетъ эту истину: „Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ“. Замѣтьте, что тутъ опять употреблено слово „не можете“, т. е. высказывается невозможность противная естественнымъ законамъ. Приносить плодъ безъ Христа не есть нѣчто невѣроятное, а просто невозможное. Это то же, что ожидать, чтобы плодъ развивался безъ воздуха и тепла, безъ почвы и солнечнаго свѣта.

Теперь перейдемъ ко второму изъ трехъ положеній, которыя мы старались выяснить. Мы видѣли, что организмъ содержитъ въ себѣ только половину существенно необходимаго для жизни. Разсмотримъ же какимъ образомъ другая половина заключается въ окружающей средѣ.

Первымъ послѣдствіемъ должной оцѣнки нашей личной безпомощности будетъ то, что мы не будемъ болѣе тратить времени на невыполнимую задачу создавать силу въ насъ самихъ. Научное пониманіе рѣзко положитъ конецъ длинному ряду упорныхъ попытокъ, при которыхъ мы безплодно лелѣяли надежду отыскать perpetuum mobile. Когда мы рѣшимъ это разъ навсегда, нашъ первый шагъ въ поискахъ за лучшимъ положеніемъ вещей долженъ состоять въ томъ, чтобы отыскать новый источникъ силы. Слѣдуя тому, что мы видимъ въ природѣ, такимъ источникомъ только и можетъ быть окружающая насъ среда, къ которой мы и должны обратиться. Естественная жизнь находится всецѣло въ зависимости отъ среды, то же самое должно быть и относительно духовной. Но среда духовной жизни—Богъ. И какъ природа составляетъ дополненіе вещественной жизни, такъ Богъ—восполняетъ духовную.

Природа не болѣе естественна для моего тѣла, чѣмъ Богъ для моей души, вотъ первое положеніе. У каждаго растенія и животнаго есть своя среда. И чѣмъ глубже мы вникаемъ въ отношенія различныхъ существъ къ своей средѣ, тѣмъ болѣе мы поражаемся дивной сложностью и красотой этихъ приспособленій. Чудесны эти приспособленія каждаго организма къ своей средѣ—рыбы къ водѣ, орла къ воздуху, насѣкомаго къ своей лѣсной обители; и даже каждой части организма: плавниковъ рыбъ, глазъ орла, дыхательныхъ трубочекъ насѣкомыхъ. Древнее ученіе о цѣлесообразности рисовало намъ ихъ съ большимъ одушевленіемъ и онѣ продолжаютъ и до сихъ поръ восхищать насъ безпредѣльнымъ богатствомъ и ловкостью природы въ усовершен-

ствованіи ея пріуготовленій для каждой отдѣльной жизни. Вплоть до самыхъ мельчайшихъ подробностей міръ созданъ для всего, что въ немъ есть, и какимъ бы все ни создалось, во всякомъ случаѣ всѣ организмы находятъ въ окружающей природѣ полнѣйшее дополненіе себя. И человѣкъ тоже находитъ въ окружающей его средѣ пищу для всѣхъ своихъ наклонностей, поприще для упражненія всѣхъ своихъ способностей, просторъ и полный избытокъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній и нуждъ. Такъ и духовный человѣкъ на вершинѣ пирамиды жизни находитъ въ высшей сферѣ окружающей его среды пищу, настолько же болѣе возвышенную, насколько и самъ онъ стоитъ выше, но вмѣстѣ съ тѣмъ и также искусно приспособленную къ его разнообразнымъ нуждамъ. И все это какъ и низшимъ организмамъ менѣе возвышенной средой, доставляется ему тѣмъ же простымъ путемъ, въ томъ же постоянномъ порядкѣ, такъ же цѣлесообразно и изобильно. Мы не достаточно прославляемъ непрестанную заботливость великаго неодушевленнаго міра, окружающаго насъ, только потому, что его щедрость не навязчива. Природа всегда не криклива. Всѣ свои величайшіе дары она расточаетъ втайнѣ.

И мы забываемъ насколько истинно то, что всякій добрый и совершенный даръ приходитъ извнѣ и свыше, потому что никакая пріостановка въ неизмѣнной щедрости природы не подаетъ намъ грустныхъ уроковъ лишенія.

Поэтому для души неудивительно находить свою жизнь въ Богѣ. Это ея природная сфера. Всѣ глубочайшіе религіозные мыслители съ древнѣйшихъ временъ признавали Бога средой души. И еврейская поэзія глубоко проникнута этой высокой мыслью. Истинная поэзія есть та же наука только въ иномъ видѣ. И задолго до того, какъ религія могла дать научное выраженіе своимъ величайшимъ истинамъ, люди изливали душу свою въ псалмахъ, которые были вѣрны природѣ, какъ будто новѣйшій свѣтъ науки руководилъ ихъ вдохновеніемъ. Слова псалмопѣвца: „Богъ наше прибѣжище и сила“, являются только болѣе раннимъ, менѣе опредѣленнымъ и житейски важнымъ, но столь же возвышеннымъ выраженіемъ словъ Спасителя: „Пріидите ко Мнѣ и Я успокою васъ“.

У апостола Павла мы встрѣчаемъ краткое выраженіе, которое почти съ научной точностью опредѣляетъ эти отношенія: „Вы совершенны въ Немъ“. Въ этихъ словахъ выражена вся библейская антропологія— совершенство человѣка въ Богѣ и его несовершенство отдѣльно отъ Бога.

Вопросъ о томъ, въ чемъ человѣкъ совершененъ или въ чемъ Богъ восполняетъ его, вопросъ обширный, но мы можемъ, по крайней мѣрѣ, указать то направленіе, въ какомъ божественная среда восполняетъ че-

ловѣческую жизнь, если мы еще разъ спросимъ себя: въ чемъ же наша жизнь несовершенна и нуждается въ дополненіи? При этомъ вопросѣ мы получимъ многозначительный отвѣтъ, что неполнота и несовершенство являются только въ высшихъ областяхъ нашей жизни, всѣ же низшія довольно совершенны. Міръ самъ по себѣ такъ хорошъ, какъ только можетъ быть. Онъ долго развивался, но въ немъ все есть, его законы дѣйствуютъ въ полномъ порядкѣ; и хотя мудрые люди въ разныя времена жаждали лучшаго, тѣмъ не менѣе, по общему почти единодушному мнѣнію, міръ—каковъ онъ есть—внушаетъ полное довѣріе. Божественной средѣ остается очень мало сдѣлать на этой планетѣ, насколько мы это можемъ видѣть и насколько это касается современнаго ея состоянія. Изъ этого слѣдуетъ, что низшая органическая жизнь въ мірѣ довольно совершенна. Развитіемъ или другимъ путемъ Богъ можетъ прибавить окончательные штрихи кое-гдѣ, но въ общемъ міръ „весьма хорошъ“. Трудно вообразить себѣ что нибудь въ своемъ родѣ лучше лиліи или кедра, муравья или муравьѣда. Эти организмы, насколько мы можемъ судить, не нуждаются ни въ чемъ. О нихъ можно сказать, что они „совершенны въ природѣ“. И о человѣкѣ, о человѣкѣ, какъ животномъ, можно тоже утверждать, что его среда вполнѣ удовлетворяетъ его. У него есть и пища и питье, и притомъ хорошая пища и хорошее питье. И нѣтъ въ немъ ни малѣйшей животной потребности, объ удовлетвореніи которой природа не озаботилась бы и при томъ самымъ удачнымъ образомъ.

Но какъ только мы переступаемъ за предѣлы чисто животной жизни, мы тотчасъ же встрѣчаемъ неполноту. Признаки вначалѣ слабы и выдаютъ себя какимъ-то необъяснимымъ безпокойствомъ или смутнымъ чувствомъ неудовлетворенности. Затѣмъ лихорадочность усиливается, становится болѣе опредѣленной и постепенно переходитъ въ постоянное мучительное состояніе. У нѣкоторыхъ являются болѣе мрачныя минуты, когда безпокойство обращается въ духовную агонію, при чемъ всѣ земныя печали кажутся насмѣшкой; минуты, когда осиротѣлая душа можетъ только съ ужасомъ взывать о живомъ Богѣ. Вплоть до извѣстной черты естественная среда удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ человѣка; за этою же чертой она только смѣется надъ нимъ. А сколько въ человѣкѣ свыше этой черты? Много, очень много, почти все, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Первое чаяніе грозной истины—назовемъ ее такъ на время—пробуждается съ проблескомъ умственной жизни. Это торжественный мигъ, когда слабо развивающійся умъ достигаетъ, наконецъ, границы своего кругозора и, оглядываясь кругомъ, ничего болѣе не видитъ. Усилія ведутъ только къ тому, что пропасть становится глубже. Его крики замираютъ

безъ отклика. Гдѣ та среда, которая восполнила бы его разумную душу? Люди или находятъ ее въ Богѣ или проводятъ весь остатокъ жизни въ попыткахъ закрывать свои глаза. Альтернатива разумной жизни: или христіанство, или агностицизмъ. Агностики правы, когда громко вопіютъ о своемъ несовершенствѣ и неполнотѣ. Кто не совершененъ въ Немъ, тотъ остается навсегда несовершеннымъ. Еще болѣе важно становится положеніе человѣка, когда онъ глубже изслѣдуетъ свою нравственную и общественную природу. Задачи сердца и совѣсти гораздо сложнѣе задачъ ума. Развѣ у любви нѣтъ будущности, а у права побѣды? Развѣ несовершенному „я" такъ и суждено оставаться несовершеннымъ? Опять два исхода: или христіанство или пессимизмъ. Но когда мы поднимаемся до еще большей высоты духовной природы, наступаетъ кризисъ. Здѣсь безъ среды мракъ ужасенъ. Люди доходятъ до такого безумія отъ этой таинственности, что принуждены устраивать для себя среду. Отсутствіе всякой среды здѣсь немыслимо. Какой-нибудь алтарь нуженъ людямъ: если не Богъ, то природа, законъ. Но ужасъ атеизма служитъ только отрицательнымъ доказательствомъ несовершенства человѣка. Болѣе поразительнымъ свидѣтельствомъ является молитва христіанина. Молитва въ глазахъ многихъ людей является чѣмъ-то страннымъ. Она символъ и ничтожества и величія человѣка. Въ ней проявляется чувство несовершенства, сознанное и затаенное въ глубинѣ его существа. Оно должно проявиться. Чувство неудовлетворенности до того живо, потребность среды до того сильна, что онъ взываетъ къ ней на своемъ членораздѣльномъ языкѣ и умоляетъ ее удовлетворить его нуждамъ. Конечно, ничего нѣтъ въ природѣ болѣе трогательнаго. Человѣкъ никогда не могъ бы такъ проявить себя, нарушить всѣ преграды, еслибъ не суровая необходимость. Непредумышленность и неожиданность молитвы придаетъ ей особое значеніе въ дѣлѣ оправданія ея.

Человѣкъ обращается къ своей средѣ съ тремя вопросами, тремя символами его несовершенства, проистекающими изъ трехъ различныхъ центровъ его бытія. Первый есть вопросъ разума. Что такое истина? Естественная среда отвѣчаетъ: „Увеличеніе знанія усиливаетъ печаль и обиліе знаній утомляетъ. Христосъ говоритъ: „научитесь отъ Меня и найдете покой". Мірское слово „утѣшеніе" противопоставьте слову Христа о „покоѣ". Ни одинъ учитель со времени начала міра не соединялъ слово ученія съ понятіемъ о покоѣ. Научитесь отъ меня, говоритъ философъ, и вы познаете волненіе. Научитесь отъ Меня, говоритъ Христосъ, и вы найдете покой. Мысль, преданная проклятію людьми, чуждыми Богу, этотъ вѣчно жаждущій и вѣчно живой призракъ находитъ свою неувядающую славу. Мысль совершенна въ Немъ. Второй вопросъ

шлется нравственной природой. Кто покажетъ намъ доброе? И снова мы встрѣчаемъ полную противоположность. Приговоръ свѣта говоритъ: „нѣтъ никого дѣлающаго добро, никого“, а Христосъ говоритъ: „Никто не благъ, какъ только одинъ Богъ“. И наконецъ третій вопросъ есть вопль одинокой души, самый трогательный и глубокій изъ всѣхъ. Гдѣ тотъ, кого жаждетъ моя душа“. И въ отвѣтъ на этотъ вопль мы слышимъ: „Смотрю на правую сторону и вижу, что никто не признаетъ меня; не стало для меня убѣжища, никто не заботится о душѣ моей. Я воззвалъ къ Тебѣ, Господи, я сказалъ: Ты прибѣжище мое и часть моя на землѣ живыхъ“.

Въ этомъ ли направленіи люди въ наши дни ищутъ усовершенствованія своей жизни? Усовершенствованіе жизни является именно въ настоящее время главнымъ вопросомъ, а потому далеко не безполезно прослѣдить какъ на него отвѣчаютъ. Если мы обратимся за отвѣтомъ къ наукѣ или философіи, то они укажутъ на „эволюцію“.

Борьба за существованіе, увѣряютъ они, тщательно упраздняетъ всѣ несовершенные виды, и такъ какъ выживаютъ наиболѣе приспособленные, то постепенно получается усовершенствованіе существъ. Значитъ усовершенстоованія нужно будетъ искать въ организмѣ, и мы будемъ совершенны въ природѣ и въ самихъ себѣ. Конечно, всѣ люди обратятся къ эволюціи за дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ жизни. Но это должна быть эволюція, включающая всѣ условія. Цивилизація, говорятъ, будетъ разсматривать второе условіе. Она будетъ шагъ за шагомъ совершенствовать среду, какъ совершенствуетъ организмъ или наоборотъ. Отлично! Дѣйствительно она будетъ совершенствовать жизнь до извѣстнаго предѣла, но дальше она не поведетъ насъ. По мѣрѣ того, какъ все возможное для естественной жизни станетъ болѣе опредѣленнымъ, все невозможное для него станетъ ужаснѣе. Самая совершенная цивилизація оставитъ лучшую часть въ насъ неполной и несовершенной. Людямъ придется отказаться отъ попытокъ достигнуть возможности жить въ половинѣ среды. Но половина среды даетъ только половинную жизнь. Половина среды? Кто находится въ соотношеніи только съ этимъ міромъ, тотъ имѣетъ только тысячную часть, обрывокъ, край и тѣнь среды и обрывокъ жизни. Сколько времени понадобится еще наукѣ, чтобы увѣровать въ свой собственный символъ вѣры, въ то, что вещественная вселенная, видима нами вокругъ насъ, есть только ничтожная частица міра, невидимаго нами. Даже выраженіе, „вещественный міръ“, говорятъ намъ, указываетъ на признаніе нашего невѣрія и невѣжества, такъ какъ вещество есть самая малозначащая половина физическаго міра.

Нужно стремиться къ созданію организма не самодовлѣющаго и самодовольнаго, какъ бы высоко онъ ни стоялъ въ ряду существъ, а организма совершеннаго по отношенію ко всей средѣ. Каждому, конечно, можно стремиться къ жизни вполнѣ себѣ удовлетворяющей, но онъ не встрѣтитъ поощренія въ природѣ. Тѣлесная жизнь чувствъ, возвышенныхъ и низкихъ, можетъ совершенствоваться въ природѣ. Даже жизнь мысли можетъ сильно восполняться окружающими ее предметами. Но высшій разумъ, совѣсть и религіозная жизнь могутъ совершенствоваться только въ Богѣ. Ограничить вліяніе среды только естественнымъ міромъ значило бы осудить на смерть всю духовную природу. Такъ какъ душа, подобно тѣлу, никогда не можетъ совершенствоваться въ отчужденіи, то законъ, имѣющій одинаковое значеніе для обѣихъ, состоитъ въ томъ чтобы совершенствоваться въ соотвѣтствующей средѣ. И совершенствованіе, которое предстоитъ искать въ духовномъ мірѣ, есть совершенство соотношеній, полное приспособленіе и согласіе совершенствуемаго съ совершеннымъ.

Третья задача, упрощенная теперь до нельзя въ концѣ концовъ представляется такъ: гдѣ встрѣчаются организмъ и среда? Какъ пользуется совершенствуемое средой, совершенствующею его? Отвѣтъ тотъ же, что и въ природѣ. Необходимое для этого условіе заключается въ простой воспріимчивости. А между тѣмъ это можетъ быть одно изъ наименѣе простыхъ условій. Оно такъ просто, что мы не можемъ воздѣйствовать на него. Но другого исхода нѣтъ. Христосъ выразилъ всю эту истину въ одномъ замѣчательномъ изрѣченіи: „Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ“, и наконецъ, положительно утверждалъ это, говоря: „Кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ обильный плодъ“.

(Продолженіе будетъ).

Изъ воспоминаній графини Потоцкой-Вонсовичъ о пребываніи Наполеона въ Варшавѣ въ 1806 году.

Послѣ того какъ надежды, возбужденныя въ полякахъ пребываніемъ императора Александра I въ Пулавахъ, рушились, а вслѣдъ за сраженіемъ при Аустерлицѣ произошелъ переворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи, и вліяніе Чарторижскаго ослабло, всѣ упованія польскихъ патріотовъ, ободренныхъ блестящими побѣдами французскихъ войскъ надъ пруссаками, сосредоточились на Наполеонѣ.

Для лучшей характеристики настроенія, охватившаго польское общество въ исходѣ 1806 года, мы приведемъ здѣсь выдержки изъ только что напечатанныхъ отрывковъ изъ воспоминаній о томъ времени графини Потоцкой-Вонсовичъ.

„Никто ни одно мгновеніе не сомнѣвался въ счастливой звѣздѣ Наполеона. Всѣ были увѣрены, что онъ вернется изъ этого похода, какъ и изо всѣхъ остальныхъ, побѣдоноснымъ, но никто не ожидалъ той быстроты, съ которою онъ восторжествовалъ надъ арміей, еще гордившейся своею дисциплиной и своими, правда, не очень свѣжими побѣдами. Съ этихъ поръ даже въ глазахъ самыхъ благоразумныхъ людей возстановленіе Польши казалось вѣроятнымъ слѣдствіемъ войны.

„Всѣ такъ мало стѣснялись въ выраженіи своихъ чувствъ и своихъ надеждъ, что пруссаки, ненавидимые властители страны, которая не была завоевана ими, а досталась имъ вслѣдствіе раздѣла (1795), не могли обманываться на счетъ симпатій, пробуждавшихся подъ вліяніемъ событій. И однако, надо сознаться въ этомъ, никто не былъ встревоженъ; прусскія власти довольствовались тѣмъ, что, на сколько возможно, перехватывали всѣ извѣстія: газеты были пріостановлены, письма сжигались, отъ насъ тщательно скрывали побѣдоносное шествіе французской арміи, но не на долго могли заглушить славные отголоски широкой извѣстности, которую получили сраженіе при Іенѣ и вступленіе Наполеона въ Берлинъ.

„Съ этого мгновенія головы у всѣхъ пошли кругомъ и уже никто не скрывалъ своей радости. Рестораны были переполнены пылкой

молодежью, распѣвавшей, подъ звонъ стакановъ, патріотическія пѣсни и громко призывавшей „освободителей“ и „братьевъ“.

„Генералъ Калькрейтъ, комендантъ города, узнавъ тайнымъ образомъ, что императоръ покинулъ Берлинъ и направился къ Познани, поспѣшно отправилъ курьера, чтобы получить, наконецъ, хотя какія-нибудь инструкціи, такъ какъ забытый, при всеобщей сумятицѣ, онъ почувствовалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи. Только и помышляя о своемъ отступленіи, онъ съумѣлъ, однако, окружить движенія Великой арміи такою глубокою тайною, что мы почти въ одинъ и тотъ же день узнали и объ отъѣздѣ Наполеона изъ Берлина и о его вступленіи въ Познань.

„Это послужило сигналомъ къ бѣгству прусскихъ властей, оставившихъ Варшаву при насмѣшливыхъ крикахъ уличныхъ мальчишекъ и отправившихся соединиться съ русскими, стоявшими по ту сторону Вислы. Прусскій король написалъ Понятовскому, что назначаетъ его губернаторомъ города и начальникомъ несуществовавшей національной гвардіи. Онъ просилъ его наблюдать за безопасностью жителей, утверждая, что не знаетъ болѣе достойнаго человѣка, которому могъ бы ввѣрить столь важное дѣло. Но пруссаки не оставили ни одного ружья, и князь увидѣлъ себя вынужденнымъ вооружить чѣмъ попало съ сотню человѣкъ, которые съ ихъ пиками и окованными желѣзомъ палками размѣстились по гауптвахтамъ. Подобное положеніе вещей продлилось лишь нѣсколько дней.

„21 ноября, утромъ, стало извѣстно о прибытіи французскаго полка.

„Какъ выразить восторгъ, съ которымъ онъ былъ принятъ?! Чтобы понять хорошенько подобныя чувства, нужно, какъ мы, потерять все и вѣрить въ возможность надѣяться на все. Эта горсть храбрецовъ, ступившихъ на нашу землю, представилась намъ залогомъ независимости, которой мы ждали отъ великаго человѣка, ни въ чемъ не встрѣчавшаго сопротивленія.

„Всеобщій восторгъ достигъ высшей степени своего развитія; весь городъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, освѣтился иллюминаціей. Безспорно, въ этотъ день властямъ не пришлось заботиться о томъ, какъ размѣстить по квартирамъ вновь прибывшихъ — всѣ оспаривали ихъ. Тѣ изъ горожанъ, которые не говорили по французски, пользовались безмолвнымъ языкомъ, доступнымъ всѣмъ странамъ, и знаками радости, рукопожатіями, взрывами веселья давали понять своимъ гостямъ, что они отъ всего сердца предлагаютъ имъ все, что только есть лучшаго въ ихъ домѣ, не исключая погреба.

„Столы были накрыты даже на улицахъ, на площадяхъ. Сколько тостовъ было выпито за будущую независимость, за храбрую армію, за Наполеона!.. Обнимались, братались и чокались даже слишкомъ много, потому что солдаты, въ концѣ-концовъ, стали предаваться излишествамъ, на время охладившимъ восторгъ, съ которымъ они были встрѣчены.

. . . .

„Какъ только узнали, что императоръ прибылъ въ Познань, было рѣшено послать на встрѣчу къ нему депутацію. Это было дѣло не легкое. Всѣ болѣе или менѣе выдающіеся люди страны находились у себя въ имѣніяхъ, выжидая развязки событій. Кромѣ того лица, состояніе которыхъ находилось во власти русскаго императора, тоже держались въ сторонѣ; они были научены опытомъ прошлаго и знали, что указъ о конфискаціи былъ бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неблагоразумнаго поступка.

„Выпутались изъ затрудненія, составивъ депутацію изъ трехъ довольно незначительныхъ лицъ, которую и послали на встрѣчу побѣдителю. Его орлиный взглядъ быстро далъ ему возможность оцѣнить все значеніе этой депутаціи, къ которой онъ обратился съ совершенно безцвѣтными словами, отнюдь не способными поддержать надежды, пробужденныя его приближеніемъ. Мюратъ далъ понять властямъ, что императору было бы пріятно совершить свой въѣздъ съ извѣстною торжественностью, хотя бы для того только, чтобы послать въ „Moniteur“ блестящую статью. Поспѣшно были воздвигнуты тріумфальныя арки, приготовлены иллюминація, привѣтствія въ стихахъ, сплетены вѣнки. Всѣ эти сборы оказались напрасными; Наполеонъ обманулъ ожиданія и пріѣхалъ въ четыре часа утра на скверной лошади, взятой на послѣдней станціи [1]).

„Легко представить себѣ волненіе, которое его прибытіе произвело въ замкѣ, гдѣ всѣ были погружены въ глубокій сонъ. Императоръ самъ отправился въ караулку и разбудилъ часового, подавшаго условленный сигналъ. Вызванное этимъ смятеніе было тѣмъ сильнѣе, что починки, которыя пришлось начать въ замкѣ, нѣсколько лѣтъ стоявшемъ пустымъ, не были окончены.

„Къ счастью, апартаменты послѣдняго короля, оставшіеся нетронутыми, казалось, ожидали этого новаго гостя. Постройкамъ, начатымъ въ царствованіе Станислава-Августа, свойственenъ тотъ отпечатокъ совершенства, который ускальзываетъ и отъ вліянія времени, и отъ всевластія моды.

---

[1]) Наполеонъ въѣхалъ въ Варшаву въ ночь съ 6 (18) на 7 (19) декабря 1806 г. *Н. Ш.*

„Императоръ приказалъ сопровождать себя лишь своему мамелюку Рустану. Экипажи остались завязшими въ грязи,—тогда еще не было шоссе и, проселочныя дороги въ такое время года были непроходимы.

„Тотчасъ по своемъ прибытіи императоръ велѣлъ объявить, что вечеромъ онъ приметъ начальствующихъ лицъ и всѣхъ, кто имѣлъ право быть представленнымъ ему.

„Я до сихъ поръ испытываю волненіе при воспоминаніи о томъ нетерпѣніи, съ какимъ мы ожидали возвращенія тѣхъ, которые были допущены въ замокъ. Мой отецъ былъ во главѣ офиціальной депутаціи. Онъ вернулся въ десять часовъ вечера, менѣе восхищенный и болѣе пораженный, чѣмъ я въ состояніи выразить это“.

О пріемѣ Наполеономъ депутаціи и произнесенной имъ рѣчи сохранилось нѣсколько разсказовъ. Мы приведемъ здѣсь разсказъ объ этомъ событіи графа Сегюра, представляющійся намъ болѣе точнымъ и подробнымъ, какъ записанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ лицомъ, близкимъ къ императору [1]).

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Сегюръ передаетъ рѣчь Наполеона *):

---

*) Вотъ французскій текстъ приводимаго нами отрывка изъ дневника Сегюра:

„Pour qu'un contrat se passe entre deux nations, il faut que chacune y apporte de son côté et je ne vois pas dans votre pays une armée, des impots, un assentiment général, qui me réponde d'être secondé. Je suis ici tout-à-fait désintéressé. Je ne désire même pas que ce soit un prince de ma maison qui règne ici. Vous devez le croire. J'ai assez d'établissements à leur donner. Rome, la Prusse, la Westphalie, les plus belles, les meilleures contrées sont à ma disposition. Mais je désire le retablissement de la Pologne, je n'ai aucun intérêt à vous déguiser mes motifs. J'y suis porté comme honnête homme sans doute par l'indignation qu'excite une pareille spoliation. Mais les na-

[1]) Графъ Филиппъ Сегюръ, одинъ изъ генераловъ Великой арміи, заслужившій европейскую извѣстность, какъ военный писатель, внукъ маршала Сегюра, одного изъ лучшихъ военныхъ министровъ Людовика XVI, и сынъ выдающагося дипломата, долгое время бывшаго представителемъ Франціи при дворѣ Екатерины II, состоялъ въ то время, въ декабрѣ 1806 года, при Наполеонѣ, почти не разставаясь съ нимъ съ 1802 г. Сообщаемыя нами свѣдѣнія, относящіяся къ пріему Наполеономъ польской депутаціи 7 (19) декабря 1806 г., заимствованы нами изъ записной книжки Сегюра, уцѣлѣвшей и дошедшей до нашихъ дней, благодаря какой-то счастливой случайности: она находилась въ платьѣ, снятомъ съ Сегюра казаками, взявшими его въ плѣнъ подъ Насельскомъ 12 (24) декабря 1806 года. Полный драматизма разсказъ о плѣненіи графа Сегюра мы находимъ въ его воспоминаніяхъ (Histoire et mémoires par le générale comte de Ségur, membre de l'Académie française. 7 v. Paris 1873).

Ш. Н.

„Для того, чтобы между двумя народами могъ быть заключенъ договоръ, необходимо, чтобы каждый изъ нихъ вносилъ въ него что-либо свое, а я не вижу въ вашей странѣ ни арміи, ни податей, ни всеобщаго единодушія, которыя служили бы для меня залогомъ того, что мнѣ будетъ оказана помощь съ вашей стороны. Я дѣйствую въ этомъ случаѣ совершенно безкорыстно. Я не желаю даже, чтобы здѣсь воцарился принцъ изъ моего дома. Будьте увѣрены въ этомъ. У меня есть куда пристроить ихъ: Римъ, Пруссія, Вестфалія; въ моемъ распоряженіи самыя прекрасныя, самыя лучшія земли. Но я желаю возстановленія Польши и не имѣю никакой надобности скрывать отъ васъ побужденій, руководящихъ мною. Я, какъ честный человѣкъ, склоняюсь къ этому, конечно, подъ вліяніемъ негодованія, возбуждаемаго подобнымъ насиліемъ. Но народы себялюбивы и своекорыстны, и я, какъ монархъ, не долженъ проливать кровь своихъ подданныхъ изъ-за чувства великодушія. Нѣтъ, ни одной капли этой крови не должно быть пролито иначе, какъ на пользу и на благо моей имперіи; но для этой цѣли я не пощажу ея, и мои собственныя выгоды служатъ вамъ ручательствомъ моихъ намѣреній.

„Никогда ни Франція, ни даже Англія не признавали раздѣла

---

tions sont égoistes, intéressées, et comme souverain ce n'est pas par un sentiment généreux que je dois répandre le sang de mes sujets. Non, pas une goutte ne doit en être perdue si ce n'est pour l'utilité et l'intérêt de mon Empire; dans cette vue je ne l'épargnerai pas et c'est mon intérêt qui vous répond de mes dispositions.

Jamais la France, l'Angleterre même n'a reconnu le partage de la Pologne qui s'est fait avec la même atroce injustice que trois brigands qui se partageraient au coin d'un bois les dépouilles d'un voyageur. Mes alliés naturels d'après la position des choses et l'intérêt de ma politique sont la Porte et la Pologne. Je vous le répète je n'y mets pas de vues particulières. Choisissez pour Roi qui vous voudrez, donnez-vous la constitution qui doit rendre à la Pologne la force d'un Empire. Pourvu que la Pologne se rétablisse je serai content et mes vues seront remplies. Le Roi que vous choisirez sentira toujours assez que son intérêt est d'être mon allié. J'espère que vos malheurs vous auront corrigés. Mais je vous l'ai déjà dit, quand on contracte on s'engage des deux côtés, et sur quoi puis-je compter? qu'apportez-vous de votre côté? Quels sont, quels seront les résultats de votre ardeur? Serez vous corrigés? Je vois les Radziwils qui doivent être Prussiens par leurs alliances, les Sapicha, les Czartoryski, qui seront peut-être Russes".

Польши, который былъ произведенъ съ такою же жестокою несправедливостью, какую могли бы проявить только три разбойника, дѣлящіе между собою въ лѣсной чащѣ имущество путешественника.

„По самому положенію дѣлъ и въ интересахъ моей политики, моими естественными союзниками являются Порта и Польша. Повторяю вамъ, я не руковожусь въ этомъ какими-либо личными видами. Изберите королемъ кого хотите, выработайте себѣ конституцію, которая вернула бы Польшѣ могущество самостоятельнаго государства. Лишь бы только Польша была возстановлена, и я буду доволенъ, и моя цѣль будетъ достигнута. Король, котораго вы изберете, всегда будетъ достаточно сознавать, что быть моимъ союзникомъ въ его же выгодахъ. Надѣюсь, что несчастія исправили васъ. Но я уже сказалъ вамъ, что, заключая договоръ, обѣ стороны связываютъ себя взаимными обязательствами, а на что же я могу разсчитывать? что приносите вы съ своей стороны? Каковы въ настоящее время и чѣмъ окажутся въ будущемъ послѣдствія вашей пылкости? Исправитесь ли вы? Я вижу Радзивиловъ, которые должны быть пруссаками въ силу ихъ брачныхъ союзовъ, вижу Сапѣгъ, вижу Чарторижскихъ, которые, быть можетъ, станутъ русскими".

„При этихъ словахъ, кн. Сапѣга, только что прибывшій изъ Россіи,

---

Ici le Prince Sapieha présent et qui arrive de Russie à ses risques et périls s'avance et mettant un genou en terre: „Sire, s'écria-t-il, je réponds du patriotisme de ma famille et j'offre ma tête comme garant".

Sa Majesté continua:

„Ce que vous dites est touchant, mais qui me répondra de l'accord de vos magnats, créerez-vous des impots, seront-ils perçus, l'accord sera-t-il unanime, ne serai-je pas obligé en laissant un Prince ou français ou d'une autre nation sur ce trône, d'y entretenir une armée, de vous donner encore des subsides. Sais-je enfin à quoi je m'engage avec vous.— Vous voyez donc que je ne puis autoriser la diète à se rassembler publiquement et légalement. Qui représenteriez vous? Je me trouve ici dans le palais du Roi de Pologne que je n'ai jamais regardé comme déchu; je l'y crois encore. Je ne vous empêche pas de vous rassembler. Donnez l'impulsion, réunissez les principaux de la nation, qu'il n'y ait plus de divisions, que chacun tende au même but. J'entends que la classe des paysans est nulle ici, mais l'impulsion doit se donner à la noblesse. Pourquoi n'est-elle pas sous les armes? Pourquoi les Polonais de l'armée Russe ne désertent-ils pas? C'est à vous, Messieurs, qui êtes réunis à voir entre vous aux moyens d'exciter le patriotisme. Ma na-

на свой собственный страхъ выступаетъ впередъ и, преклонивъ колѣно говоритъ:

„Ваше Величество, я отвѣчаю за патріотизмъ моего рода и ручаюсь за него головою“.

„Ваши слова весьма трогательны, но кто поручится мнѣ за единодушіе магнатовъ? Создадите ли вы налоги, будутъ ли они взиматься, будетъ ли ваше единодушіе всеобщимъ, не придется ли мнѣ, оставивъ на этомъ престолѣ принца, француза или принадлежащаго къ иной народности, содержать здѣсь армію и, чего добраго, давать вамъ еще субсидіи? Наконецъ, могу ли я предвидѣть, какія обязательства принимаю на себя изъ-за васъ? Вы видите, слѣдовательно, что я не могу уполномочить сеймъ собираться публично и на законномъ основаніи. Чьими представителями вы явитесь? Я нахожусь здѣсь во дворцѣ короля Польскаго, котораго я никогда не признавалъ свергнутымъ съ престола и котораго продолжаю считать царствующимъ здѣсь. Я не препятствую вамъ собираться. Дайте толчокъ, созовите главныхъ представителей народа, устройте, чтобы не было болѣе раздоровъ, чтобы всѣ стремились къ одной и той же цѣли. Я понимаю, что крестьянское сословіе не имѣетъ здѣсь никакого значенія, но толчокъ долженъ быть данъ дворянамъ. Почему же они

---

tion est plus grande que la vôtre, j'en suis à 400 lieues, je suis plus maître d'elle ici qu'à Paris. J'ai dans ma poche le patriotisme, le zèle, l'ardeur, l'esprit de tous les Français. Je les fais tous quitter leurs foyers pour venir ici chercher la guerre et les fatigues et ses privations. Il faut savoir s'y prendre et c'est à vous d'en chercher les moyens. „Je dois vous dire que nos principes, si un Prince français était sur votre trône, tendraient à donner la liberté à vos paysans. Enfin Messieurs, je vous parle sans déguisance. Mon armée est là, quand on a battu les Autrichiens, les Prussiens on peut espérer avec l'aide de Dieu et l'aide du destin d'être vainqueur des Russes. C'est à vous de profiter de l'occasion“.

Le Maréchal Malachowski président de la Diète, le général d'artillerie Potocki et le chambellan Linewski, nonce de Cracovie, Gurgynski, général lieutenant, répondirent que sa Majesté ne devait pas douter du zèle de la nation, mais que beaucoup de seigneurs avaient les mains liés par la position de leur fortune chez l'ennemi, ce qui les forçait à des ménagements; qu'il ne fallait plus croire à la puissance des magnats; que depuis vingt et trente ans elle n'existait plus, que plusieurs d'entre eux avaient voulu donner inutilement la liberté aux paysans, que ceux-ci s'y étaient refusés.— Que ce qui déciderait du sort

не подъ ружьемъ? Почему поляки, служащіе въ рядахъ русскихъ войскъ, не дезертируютъ? Ваше дѣло, господа, собравшіеся здѣсь, рѣшить, какими средствами можно поднять чувство любви къ отечеству. Мой народъ многочисленнѣе вашего, я нахожусь отъ него на разстояніи 400 миль, а между тѣмъ я болѣе властенъ надъ нимъ здѣсь, чѣмъ въ Парижѣ [1]). У меня въ карманѣ патріотизмъ, горячность, рвеніе, умъ всѣхъ французовъ. Я всѣхъ ихъ заставляю покидать свой домашній очагъ, чтобы вести здѣсь войну и переносить всѣ труды и лишенія. Надобно умѣть, какъ взяться за дѣло, и уже вамъ слѣдуетъ изыскать средства къ тому.

„Я долженъ сказать вамъ, что, если бы на вашемъ престолѣ явился французскій принцъ, то, въ силу нашихъ убѣжденій, пришлось бы освободить вашихъ крестьянъ. Словомъ, господа, я говорю съ вами безъ лицемѣрія. Моя армія здѣсь; побивъ австрійцевъ, пруссаковъ, я могу надѣяться, съ помощью Божіей и по волѣ судьбы, восторжествовать и надъ русскими. Ваше дѣло воспользоваться случаемъ“...

„Предсѣдатель сейма, маршалъ Малаховскій, генералъ Потоцкій и камергеръ Липовскій, земскій депутатъ г. Кракова, Гургужинскій, ген. лейт., отвѣтили, что его величество не долженъ сомнѣваться въ рвеніи

---

de la Pologne et la ferait soulever entièrement serait le gain d'une bataille et ses suites, qu'ils l'attendaient avec confiance. Que les familles citées par Sa Majesté étaient intérieurement patriotes. Qu'on ne devait compter que sur une bataille parce qu'on ignorait encore dans la Pologne Russe l'arrivée de l'Empereur à Varsovie, tant le pays était environné et impénétrable. Potocki cita une lettre toute récente dans laquelle on marquait qu'on venait d'apprendre la mort du Prince Louis.

Sa Majesté ajouta pour prouver le partage des opinions et les divisions de la noblesse qu'un envoyé de Czartoryski avait persuadé à Kosciusko de ne pas venir. Potocki répondit que ce n'était pas un malheur qu'il ne fut pas en Pologne.

„Quel que soit le sort de la guerre“, dit Napoléon, „il assurait les Polonais compromis de sa protection et de tous les dédomagements possibles“.

J'ai causé le lendemain avec le Prince Sapieha. Il dit qu'il est riche d'un million; je lui ai répondu que Czartoryski, qui en avait 4 et 5, devait en avoir 4 et cinq fois plus que lui. Il me repliqua que l'influence n'était pas en Pologne en raison des richesses, mais en

[1]) По словамъ графини Потоцкой-Вонсовичъ, онъ сказалъ: «Властвуя надъ воображеніемъ французовъ, я дѣлаю съ ними все, что хочу». *Н. Ш.*

народа, но что у многихъ помѣщиковъ свобода дѣйствій связана тѣмъ, что ихъ имущество находится въ рукахъ непріятеля и это обстоятельство вынуждаетъ ихъ къ осмотрительности, что не слѣдуетъ болѣе вѣрить въ могущество магнатовъ, что его не существуетъ уже лѣтъ 20 или 30, что многіе изъ нихъ тщетно хотѣли дать свободу крестьянамъ, такъ какъ послѣдніе отказывались отъ нея, что только выигранное сраженіе и его послѣдствія рѣшатъ судьбу Польши и могутъ вызвать возстаніе всей страны, что мы съ упованіемъ ожидали его, что перечисленные его величествомъ роды въ душѣ патріоты, что должно разсчитывать лишь на одно сраженіе, потому что страна до того замкнута со всѣхъ сторонъ и недоступна для извѣстій извнѣ, что въ русской Польшѣ еще не знаютъ о прибытіи императора въ Варшаву. Потоцкій сослался на полученное имъ письмо, въ которомъ сообщали, что только что узнали о смерти принца Луи.

„Его величество въ доказательство несогласій и розни, существующихъ между дворянами, указалъ на то, что посланный Чарторижскаго убѣдилъ Костюшку не являться въ Польшу. Потоцкій отвѣчалъ на это, что если его нѣтъ въ Польшѣ, то это еще не бѣда.

---

raison de la conduite qu'on tenait de la popularité des manières et de ce qu'on avait fait pendant la révolution. Que les gentilhommes formaient la nation et avaient des prétentions qu'il fallait flatter.

Il me dit que les magnats n'existaient plus, parce que les fortunes étaient divisés par le partage égal entre les enfants.

Du Prince J. Poniatowski il me dit qu'il n'aimait à être entouré que d'actrices, de..... [1]) dont les gouts étaient contraires à la nature et par lesquelles il se laisse mener étant sans le moindre caractère et sacrifiant son pays aux opinions qu'on lui donne.

Quand au Prince Czartoryski je suis (ajouta-t-il) son ennemi personnel pour affaires de famille et d'opinions. Je conviens avec vous que j'ai été dans les commencements trop démocrate; plusieurs de nous ont été emportés par leur patriotisme, mais nous sommes corrigés; cela a brouillé quelques familles.

Pour Kosciusko la vérité est que les Czartoryski l'empéchèrent de venir, ainsi que la parole qu'il a donnée à Paul I-er de ne servir en rien contre la Russie et ses principes. Il voit qu'on veut établir ici une monarchie, et ami et admirateur de Waschington, qu'il a pris pour

---

[1]) Не разобрано.

„Каковъ бы ни былъ исходъ войны, сказалъ Наполеонъ, онъ обѣщаетъ скомпрометированнымъ полякамъ свое покровительство и возможное удовлетвореніе за понесенные убытки.

„На слѣдующій день я бесѣдовалъ съ княземъ Сапѣгою. Онъ сказалъ мнѣ, что обладаетъ милліоннымъ состояніемъ. Я отвѣчалъ ему, что въ такомъ случаѣ Чарторижскій, у котораго 4 или 5 милліоновъ, въ 3 или 5 разъ богаче его.

„Онъ возразилъ, что въ Польшѣ вліяніе зависитъ не отъ богатства, а отъ того, какъ человѣкъ поставилъ себя, отъ популярности его обращенія и отъ того, какъ онъ держалъ себя во время революціи, что собственно дворяне составляютъ народъ, и что имъ свойственны нѣкоторыя притязанія, съ которыми надобно считаться.

„Онъ утверждалъ, что магнатовъ теперь не существуетъ, потому что состоянія раздробились путемъ раздѣла ихъ равными частями между дѣтьми.

„О князѣ I. Понятовскомъ онъ сказалъ, что тотъ любитъ лишь одно—окружать себя актрисами... [1]), вкусы которыхъ извращены, и которыя руководятъ имъ; что это человѣкъ совершенно безхарактерный и приносящій свою страну въ жертву тѣмъ взглядамъ, которые внушаютъ ему.

„Что касается кн. Чарторижскаго (прибавилъ онъ),—я его личный врагъ по семейнымъ обстоятельствамъ и въ силу моихъ убѣжденій. Я согласенъ съ вами, что первоначально я былъ слишкомъ демократиченъ; нѣкоторые изъ насъ были увлечены своимъ патріотизмомъ, но мы

---

modèle, il ne veut pas se prêter à ce qu'il appellera l'asservissement de son pays.

Potocki a dit qu'il était heureux pour la Pologne qu'il soit resté à Paris, et c'est cette opinion de Kosciousko qui en est la raison, et en effet de quoi servent ces levées en masse, à détruire en un instant et sans effet les moyens, avec lesquels on pourrait créer une force moins nombreuse, mais suffisante, mais durable. Quel a été le fruit de levées de Cracovie? Ces paysans auxquels on disait: vous ne payerez plus d'impots, ces terres que vous cultivez pour d'autres vous appartiendront en partie, vous ne ferez plus de corvées.—Qu-ont-ils fait? Ils ont pris leurs faulx, se sont battu sur leur territoire et n'ont pas voulu en passer les limites, parce qu'ils ne se battaient que pour ce qui leur appartenait.

[1]) Не разобрано во французскомъ подлинникѣ.

исправились; это-то и внесло раздоръ въ нѣсколько семействъ. Правда относительно Костюшки заключается въ томъ, что ему помѣшали пріѣхать какъ Чарторижскіе, такъ и слово, данное имъ Павлу I: никогда не дѣйствовать противъ Россіи, и его личныя убѣжденія. Онъ видитъ, что здѣсь хотятъ создать монархическое государство, и, какъ другъ и поклонникъ Вашингтона, принятаго имъ за образецъ, не хочетъ содѣйствовать установленію того, что онъ назоветъ порабощеніемъ своего отечества.

„Потоцкій сказалъ, что, въ виду подобныхъ взглядовъ Костюшки, слѣдуетъ считать счастьемъ для Польши, что онъ остался въ Парижѣ. И, дѣйствительно, къ чему служатъ эти поголовныя ополченія? они истребляютъ въ одно мгновеніе и безо всякой пользы тѣ средства, съ коими можно было бы создать менѣе многочисленную, на зато достаточную и постоянную вооруженную силу. Къ чему привело Краковское повстаніе? Что же сдѣлали эти крестьяне, которымъ говорили: „вы не будете болѣе платить податей; земли, которыя вы обрабатываете для другихъ, будутъ частью принадлежать вамъ самимъ, вы не будете болѣе ходить на барщину? Они взяли свои косы, дрались на своей землѣ и не хотѣли переступать ея границъ, потому что они дрались только за то, что принадлежало имъ“.

Очень вѣроятно, что Сегюръ, относившійся къ полякамъ въ высшей степени сочувственно, невольно нѣсколько смягчилъ нѣкоторыя выраженія Наполеона. По крайней мѣрѣ, въ донесеніи прусскаго агента, посланномъ въ тотъ же день Фридриху Вильгельму III, отрывокъ изъ этой рѣчи переданъ въ несравненно болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, причемъ указано, что Наполеонъ говорилъ „съ запальчивостью“. Для сравненія мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь.

„Предупреждаю васъ, сказалъ Наполеонъ,—что ни я, ни кто-либо другой изъ французскихъ принцевъ и не думаемъ о вашемъ польскомъ престолѣ. У меня есть короны для раздачи, и я не знаю, куда дѣвать ихъ. А вы прежде всего позаботьтесь дать хлѣба моимъ солдатамъ. Хлѣба, хлѣба, хлѣба! У меня милліоны, я дамъ вамъ денегъ, но только вы съ вашей стороны доставьте мнѣ продовольствіе“.

„Депутатъ Кохановскій отвѣчалъ на это, что только вывозъ изъ Галиціи могъ бы помочь этому, но императоръ въ гнѣвѣ повернулся къ нему спиною и продолжалъ:

„Это относится къ политикѣ и не касается васъ вовсе. Какъ! (ударяя себя при этомъ по карманамъ), я управляю при посредствѣ ихъ Франціею и не въ состояніи прокормить своихъ войскъ въ этой странѣ, гдѣ кромѣ дворянъ и жалкихъ крестьянъ и нѣтъ никого? Гдѣ-же ваши

знатныя фамиліи, ваши Потоцкіе, ваши Чарторыжскіе, ваши Сапѣги? Всѣ они продали себя Россіи. Никто иной, какъ князь Чарторыжскій, написалъ Костюшкѣ не возвращаться въ Польшу".

„Одинъ галиційскій депутатъ началъ говорить съ цѣлью узнать о судьбѣ, ожидающей эту область. Наполеонъ отвѣтилъ:

„Развѣ вы воображаете, что ради одной провинціи, я захочу навлечь на себя новыхъ враговъ?" *).

. . . .

Во время своего вторичнаго посѣщенія Варшавы, послѣ сраженія при Пултускѣ, Наполеонъ, всегда смотрѣвшій на Польшу лишь „какъ на средство" („j'ai toujours regardé la Pologne comme un moyen, mais pas comme une affaire principale), съумѣлъ загладить впечатлѣніе, произведенное его рѣчью $^7/_{19}$ декабря, и убаюкать варшавское общество любезностями и балами....

Николай Шильдеръ.

*) Сообщаемъ также французскій текстъ приведеннаго только-что отрывка изъ Наполеоновской рѣчи.

„Je vous préviens que ni moi, ni aucun Prince français ne nous souçions de votre trone de Pologne. J'ai des couronnes à donner et je ne sais qu'en faire. Songez premièrement à donner du pain à mes soldats. Du pain, du pain, du pain! J'ai des millions, je vous donnerai de l'argent, mais quant à vous, fournissez toutes mes provisions"...

„Ceci est de la politique et ne vous regarde pas. Comment! (en secouant ses poches) je gouverne la France avec mes poches et je ne puis faire vivre mes troupes dans ce pays, où il n'y a que des nobles et des paysans misérables.—Ou sont vos grandes familles, vos Potocky, vos Czartorisky, vos Sapieha? Ces gens sont tous vendus à la Russie. C'est le Prince Czartorisky, qui a écrit à Kosciusko de ne pas revenir en Pologne"...

„Croyez Vous que pour une province j'irai m'attirer de nouveaux ennemis sur les bras"?

МАРТА.

Повѣсть Елизы Ожешковой.

Переводъ съ польскаго, съ разрѣшенія автора, А. Г. Сахаровой.

На слѣдующій день, по переѣздѣ своемъ на чердакъ, Марта въ 10 часовъ утра была уже въ городѣ.

Видно она спѣшила дойти до цѣли, какая то жгучая мысль, тревожная надежда—подталкивали ее впередъ, потому что она шла быстро и замедлила шагъ только тогда, когда очутилась на улицѣ Долгой. Тутъ, однако, она шла все медленнѣе, слабый румянецъ выступилъ на ея щекахъ, дыханіе стало порывистѣе, какъ это бываетъ обыкновенно при приближеніи минуты желанной и въ то же время страшной, взывающей къ усиліямъ всѣхъ умственныхъ способностей и воли, возбуждающей надежду, робость, кто знаетъ? можетъ быть и невольное смущеніе, обусловливаемое привычками цѣлой жизни, суровой новизной положенія. — У воротъ одного изъ самыхъ щеголеватыхъ каменныхъ домовъ она остановилась, взглянула на номеръ дома, видно онъ былъ тѣмъ самымъ, который ей былъ нуженъ, потому что, вздохнувъ нѣсколько продолжительнѣе и глубже, она медленно стала подниматься по свѣтлой и широкой лѣстницѣ.

Едва прошла она нѣсколько ступеней, какъ увидѣла двухъ женщинъ, спускающихся внизъ. Одна изъ нихъ была одѣта прилично, даже съ нѣкоторымъ изяществомъ, походка у нея была самоувѣренная, выраженіе лица болѣе чѣмъ спокойное, самодовольное. Другая помоложе, очень молодая, въ темномъ, шерстяномъ платьѣ, въ нѣсколько поношенной шали на плечахъ, въ шляпѣ, которая очевидно пережила уже не одну осень, шла опустивъ руки и вперивъ глаза въ землю. Слегка покраснѣвшія вѣки, блѣдный цвѣтъ лица и худоба стана придавали всей фигурѣ этой молоденькой и недурненькой дѣвушки выраженіе печали, слабости

и изнеможенія. Эти двѣ женщины видно были близко знакомы между собой, потому что вели интимный разговоръ.

— Боже мой, Боже! говорила младшая тихо и нѣсколько плаксиво, — что мнѣ теперь дѣлать несчастной? Послѣдняя надежда меня обманула! Какъ я скажу матери, что и сегодня еще не получила урока, она еще хуже расхворается, да и дома почти что ѣсть нечего...

— Ну, ну, отвѣтила старшая, тономъ, въ которомъ на ряду съ сочувствіемъ звучало сильное сознаніе собственнаго превосходства — не огорчайся такъ сильно! поработай еще чуточку надъ музыкой...

— Ахъ! если бы я могла играть такъ какъ вы, пани! воскликнула младшая, но — не могу...

— Таланта у тебя нѣтъ, голубушка! проговорила старшая, — что же дѣлать? таланта нѣтъ!

Обмѣниваясь этими словами, двѣ женщины прошли мимо Марты, и были такъ заняты одна своей радостью, другая своей печалью, что не обратили ни малѣйшаго вниманія на женщину, траурное платье которой мелькнуло подлѣ нихъ. Но она внезапно остановилась и повела за ними взглядомъ. Онѣ, очевидно, были учительницами, покидавшими то мѣсто, куда она направлялась. Одна изъ нихъ правда удалялась съ сіяющимъ лицомъ, но другая со слезами. Черезъ полчаса — черезъ четверть, можетъ быть, она также будетъ спускаться съ этой лѣстницы, на которую теперь поднимается. Радость или слезы выпадутъ ей на долю? Сердце ея билось сильно, когда она дернула за колокольчикъ у дверей, на которыхъ блестѣла мѣдная дощечка съ надписью: „Справочная контора для учителей и учительницъ, Людвики Жминской“.

Изъ маленькой передней, двери которой открылись при звукѣ колокольчика, Марта вошла въ просторную комнату, освѣщенную двумя большими окнами, выходящими на красивую улицу, обставленную красивой мебелью, среди которой выдѣлялось и сразу бросалось въ глаза каждому входящему новенькое, очень красивое и дорогое фортепіано.

Въ комнатѣ находились три особы, изъ которыхъ одна встала и пошла навстрѣчу Мартѣ. Это была женщина средняго возраста, съ волосами неопредѣленнаго цвѣта, гладко причесанными подъ щеголеватымъ бѣлымъ чепчикомъ, съ манерами слегка чопорными. Лицо ея съ довольно правильными чертами не имѣло въ себѣ никакого характеристическаго выраженія и точно такъ же, какъ сѣрое платье, лишенное всякихъ украшеній и застегнутое на груди рядомъ однообразныхъ пуговицъ, не поражало ничѣмъ и ничѣмъ не привлекало. Это была фигура, съ ногъ до головы облеченная въ выраженіе оффиціальности. Эта женщина умѣла можетъ быть въ другую пору и въ другомъ мѣстѣ улыбаться непри-

нужденно, смотрѣть съ нѣжностью, съ сердечнымъ движеніемъ пожимать и протягивать руку; но тутъ, въ гостиной, въ которой она принимала личностей, взывающихъ къ ея совѣту и помощи, она выступала въ качествѣ оффиціальной посредницы между этими личностями и обществомъ, была такой, какой конечно она должна была быть, вѣжливой и приличной, но сдержанной и осторожной. Эта гостиная имѣла только видъ гостиной, въ сущности же она была мѣстомъ торговли, такимъ же, какимъ бываютъ всякія другія мѣста торговли; его хозяйка предлагала свои совѣты, указанія, связи тѣмъ, которыя ихъ желали, взамѣнъ взаимной услуги, выражающейся въ платѣ извѣстной суммы денегъ. Это было также чистилище, черезъ которое проходили души человѣческія, вступая изъ него или въ рай добытаго труда, или же спускаясь въ адъ вынужденной безработицы.

Марта остановилась на минуту у дверей и окинула взглядомъ лицо и фигуру идущей къ ней навстрѣчу женщины, глаза ея, вчера ежеминутно наполнявшіеся слезами, сегодня сухіе и блестящіе, стали необычайно быстрыми, чуть ли не проницательными. Въ нихъ, очевидно, сосредоточились всѣ умственныя способности молодой женщины и усиливались сквозь внѣшнюю оболочку проникнуть до глубины души существа, уста котораго должны были рѣшить предстоитъ ли ей въ будущемъ горе или спокойствіе. Марта вѣдь первый разъ въ жизни приходила къ кому нибудь по дѣлу, а это дѣло было однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ бѣдняковъ, потребностью заработка.

— Вы, пани, навѣрно въ справочную контору? проговорила хозяйка квартиры.

— Да, пани, отвѣтила пришедшая и прибавила:—Марта Свицкая.

— Садитесь пожалуйста, пани, и подождите минуту, пока я окончу разговоръ съ этими двумя дамами, которыя пришли раньше.

Марта усѣлась на указанное ей кресло и только теперь обратила вниманіе на двухъ другихъ личностей, находившихся въ комнатѣ.

Эти особы неизмѣримо отличались другъ отъ друга возрастомъ, нарядомъ и наружностью. Одна изъ нихъ была барышня, лѣтъ двадцати, можетъ быть, очень красивая, съ улыбкой на розовыхъ губахъ, съ голубыми глазами, смотрящими ясно, почти весело, въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ и въ крошечной шляпочкѣ, изящно украшающей свѣтлорусые волосы. Съ ней-то именно, должно быть, разговаривала Людвика Жминская передъ входомъ Марты, потому что къ ней она обратилась сейчасъ послѣ того, какъ поздоровалась съ пришедшей. Она говорила по-англійски, и сейчасъ же съ первыхъ словъ отвѣта молодой дѣвушки можно было угадать въ ней англичанку. Марта не понимала разговора

двухъ женщинъ, потому что не знала языка, на которомъ онъ велся; она видѣла только, что непринужденная улыбка не исчезала съ губъ красивой англичанки, что лицо ея, поза и манера говорить выражали смѣлость личности, привыкшей къ удачѣ, увѣренной въ себѣ и въ участи, ожидающей ее.

Послѣ краткаго разговора, хозяйка квартиры взяла листъ почтовой бумаги и стала быстро писать на немъ.

Марта, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившая за подробностями этой сцены, имѣвшей близкую связь съ ея собственнымъ положеніемъ, видѣла, что Людвика Жминская писала письмо по-французски, обозначила въ немъ цифру 600 рублей, на конвертѣ же написала одну изъ мѣстныхъ графскихъ фамилій и прибавила къ ней названіе прекраснѣйшей улицы въ Варшавѣ. Сдѣлавъ все это, она съ вѣжливой улыбкой вручила письмо англичанкѣ, которая встала, поклонилась и вышла изъ комнаты легкой поступью, съ откинутой головой и радостной улыбкой на губахъ.

Шестьсотъ рублей въ годъ,—думала Марта, какое же это богатство, Боже мой! какое счастье имѣть возможность столько заработать! Если бы мнѣ обѣщали хоть половину этой суммы, я была бы спокойна за Янтю и за себя.

Думая такъ, молодая женщина съ любопытствомъ и невольнымъ состраданіемъ смотрѣла на ту особу, съ которою хозяйка начала разговоръ по уходѣ англичанки.

Это была женщина, которой могло быть лѣтъ около шестидесяти, маленькая, худая, съ увядшимъ, лицомъ, покрытымъ множествомъ морщинъ, съ почти совершенно бѣлыми волосами, причесанными въ гладкія пряди подъ черной, смятой и очень старомодной шляпкой. Черное шерстяное платье и шелковая, старомодная мантилька висѣли на худомъ тѣлѣ старушки; ея руки, прозрачныя, бѣлыя и миніатюрныя, тревожнымъ движеніемъ постоянно мяли и вертѣли лежавшій на колѣняхъ бѣлый, полотняный платокъ. Такая же тревога отражалась въ голубыхъ когда-то, но теперь выцвѣтшихъ и тусклыхъ глазахъ ея, которые то поднимались на хозяйку квартиры, то закрывались покраснѣвшими вѣками, то перебѣгали съ предмета на предметъ, отражая этимъ частью тревогу и горькія терзанія измученной души, ищущей для себя какъ бы какой-нибудь точки опоры, какого-нибудь убѣжища и успокоенья.

— Были ли вы, пани, уже когда-нибудь учительницей?—проговорила по-французски Людвига Жминская, обращаясь къ старушкѣ. Бѣдная женщина заметалась на креслѣ, пробѣжала глазами вдоль и поперекъ противоположной стѣны, судорожнымъ движеніемъ сжала пальцы около свернутаго въ комокъ платка и начала тихо.

— Non madame, c'est le premier fois que je... Она запнулась; очевидно, она искала иностранныхъ словъ, которыми она могла бы высказать свои мысли, но онѣ ускользали изъ ея утомленной памяти.

— J'avais...—начала она минуту спустя,—j'avais la fortune... mon fils j'avai le malheur de le perdre...

Хозяйка квартиры сидѣла на диванѣ, выпрямившись и хладнокровно. Ошибки въ языкѣ, которыя дѣлала старушка, трудно и непріятно звучащій выговоръ, не вызывали на ея губы улыбки, точно также, какъ уныніе и болѣзненная тревога, казалось ей, не возбуждали въ ней сочувствія.

— Это грустно,—сказала она,—и у васъ, пани, только одинъ этотъ сынъ?

— У меня его уже нѣтъ!—воскликнула по-польски старушка, но внезапно, припоминая обязанность выказать умѣнье владѣть иностраннымъ языкомъ, прибавила: il est mourru par desespoir!

Выцвѣтшіе глаза старушки не увлажились слезой, не засверкали ни малѣйшимъ отблескомъ, когда она произносила послѣднія слова, но блѣдныя, узкія губы ея дрогнули среди окружающихъ ихъ морщинъ, и впалая грудь задрожала подъ старосвѣтской накидкой.

— Вы знаете музыку, пани?—спросила хозяйка квартиры по-польски, точно изъ нѣсколькихъ словъ, которыми они обмѣнялись, она уже достаточно ознакомилась съ познаніями старушки во французскомъ языкѣ.

— Я играла когда-то, но... очень уже давно; не знаю, право, могла ли бы я уже теперь...

— Такъ значитъ, можетъ быть, нѣмецкій языкъ...

Вмѣсто всякаго отвѣта старушка отрицательно покачала головой.

— Слѣдовательно чему же вы, сударыня, можете учить?

Этотъ вопросъ былъ заданъ тономъ, вѣжливымъ, правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ сухимъ и холоднымъ, что имѣлъ значеніе яснаго отказа. Старушка однако не понимала, или усиливалась не понять. Французскій языкъ былъ видно тѣмъ изъ ея познаній, на которое она болѣе всего разсчитывала, съ помощью котораго она надѣялась заполучить кусокъ хлѣба, долженствующій охранить отъ нищеты послѣдніе дни ея страдальческой жизни. Чувствуя, что почва ускользаетъ изъ-подъ ея ногъ, что хозяйка справочной конторы намѣревается окончить разговоръ съ нею, не сообщивъ ей никакихъ свѣдѣній, она ухватилась за эту единственную, послѣднюю, по ея мнѣнію, доску спасенія, и все сильнѣе комкая полотняный платокъ въ дрожащихъ пальцахъ, поспѣшно начала: La geographie, la histoire, les commencements de l'arithmetique...

Вдругъ она умолкла и устремила недоумѣвающій взглядъ на противоположную стѣну, потому что Людвика Жминская встала.

— Мнѣ очень, очень непріятно,—начала медленно хозяйка квартиры,—но въ настоящее время у меня нѣтъ въ виду никакого мѣста, которое было бы подходящимъ для васъ, сударыня.

Она окончила и стояла съ руками, сложенными на строгомъ лифѣ сѣраго платья, ясно ожидая, что съ нею попрощаются. Но старушка сидѣла, какъ прикованная къ мѣсту, до тѣхъ поръ безпокойно движущіяся руки и глаза ея замерли, зато блѣдныя губы раскрылись и нервно дрожали.

— Никакого!—прошептала она минуту спустя — никакого!—повторила и, движимая неопреодолимой, точно не зависящей отъ нея силой, медленно поднялась со стула.

Однако она не уходила. Теперь только вѣки ея опухали, блѣдные зрачки покрылись стеклянной оболочкой. Она оперлась о спинку стула дрожащей рукой и проговорила тихо:

— Можетъ быть, потомъ... можетъ быть, когда-нибудь потомъ... найдется какое-нибудь мѣсто.

— Нѣтъ, пани; обѣщать не могу,—все также вѣжливо и чопорно отвѣтила хозяйка квартиры.

Секунды двѣ въ комнатѣ царило полнѣйшее молчаніе. Вдругъ по морщинистымъ щекамъ старушки заструились крупныя и обильныя слезы. Однако она не испустила ни одного звука, не произнесла ни единаго слова, поклонилась хозяйкѣ и быстро вышла изъ комнаты. Можетъ быть, она стыдилась своихъ слезъ и желала какъ можно скорѣе скрыть ихъ, или, можетъ быть, она спѣшила въ другое, подобное этому мѣсто съ новой надеждой, за новымъ разочарованіемъ. Теперь Марта осталась наединѣ съ женщиной, которая должна была рѣшить, осуществятся ли, или рушатся самыя дорогія ея желанія, самыя сильныя стремленія. Она не оробѣла, а только чувствовала глубокую грусть.

Сцены, мелькавшія передъ ея глазами въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, произвели сильное впечатлѣніе на ея умъ, тѣмъ болѣе сильное, что оно было совершенно новымъ. Она не привыкла видѣть людей, ищущихъ заработка, гоняющихся за кускомъ хлѣба; не угадывала, не предчувствовала никогда, чтобы въ этой погонѣ заключалось столько тревогъ, огорченій, разочарованій. Трудъ являлся въ воображеніи Марты до сихъ поръ, всякій разъ, когда она думала о немъ, въ образѣ чего то, за чѣмъ стоитъ только наклониться, чтобы получить желаемое. Тутъ, на первой же станціи этого невѣдомаго пути, она начала угадывать страшныя вещи, тѣмъ не менѣе однако она не дрожала, увѣряя себя

мысленно, что ее, молодую и здоровую женщину, когда-то заботливо воспитанную лучшими изъ родителей, ее, подругу человѣка разсудительнаго и умственнымъ трудомъ зарабатывавшаго себѣ хлѣбъ, не можетъ постигнуть судьба, подобная той, какая постигла эту бѣдную, грустную дѣвушку, которую она видѣла на лѣстницѣ, и эту, въ сто разъ еще болѣе несчастную старушку, ушедшую за минуту съ двумя ручьями слезъ, струившимися по морщинистымъ щекамъ.

Людвика Жминская начала съ вопроса, съ котораго видно обыкновенно начинала съ являющимися кандидатками на мѣста учительницъ.

— Вы уже занимались преподаваніемъ, пани?

— Нѣтъ, пани; я вдова чиновника, умершаго нѣсколько дней тому назадъ. Теперь только въ первый разъ я желаю избрать профессію учительницы.

— А! значитъ, можетъ быть, у васъ есть, пани, свидѣтельство объ окончаніи курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній?

— Нѣтъ, пани; я воспитывалась дома.

Этими словами двѣ женщины обмѣнялись по-французски: Марта говорила на этомъ языкѣ правильно и бѣгло, произношенье ея не было совершеннымъ, но не поражало никакими особенными недостатками.

— Какіе же предметы вы можете и желаете преподавать, пани?

Марта отвѣтила не сейчасъ. Странное дѣло! она пришла сюда съ намѣреніемъ добиться мѣста учительницы, но не знала хорошенько, чему собственно она могла и хотѣла учить. Она не была пріучена обдумывать, какими запасами знанія она обладаетъ; она сознавала только то, что то, что она знала, было вполнѣ достаточнымъ для женщины, занимающей тѣ положенія, какія занимала она: для дочери помѣщика, для жены чиновника. Однако не время было долго раздумывать; разумѣется, Мартѣ припомнились тѣ предметы, надъ которыми она болѣе всего трудилась въ дѣтствѣ, которые являлись основой образованія ея и ея сверстницъ.

— Я могла бы давать уроки музыки и французскаго языка,— сказала она.

— Что касается до второго,—отвѣтила хозяйка квартиры,—я замѣчаю, что вы довольно правильно и бѣгло говорите по-французски, и хоть это еще не все, что нужно для того, чтобы быть въ состояніи учить, однако я увѣрена, что вамъ не чужды и грамматика, и, можетъ быть, отчасти и французская литература. Что же касается до музыки... извините, пани... но я должна знать уровень вашего музыкальнаго образованія, чтобы найти соотвѣтствующій способъ извлечь изъ него пользу.

На блѣдныхъ щекахъ Марты выступилъ румянецъ. Она воспитывалась дома, никогда не сдавала никакихъ экзаменовъ ни передъ кѣмъ,

даже не играла при обществѣ, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, заперевъ купленное ей мужемъ фортепіано, едва ли открывала его раза два и то всегда въ то время, когда игру ея слушали только четыре стѣны ея хорошенькой гостинной и крохотныя ушки Янти, скакавшей на колѣняхъ няньки подъ мамину музыку. Однако же въ требованіи хозяйки справочной конторы не было ничего обиднаго, оно основывалось на томъ простомъ и повсемѣстно принятомъ въ мірѣ трудящихся правилѣ, что для того, чтобы что-нибудь сказать о цѣнѣ и свойствахъ предмета, надо прежде осмотрѣть его, взвѣсить и примѣнить тамъ, гдѣ онъ окажется нужнымъ и подходящимъ. Марта поняла это, поднялась съ кресла и, снявъ перчатки, подошла къ фортепіано. Тутъ она стояла съ минуту; опустивъ глаза на клавіатуру, она припоминала свой дѣвичій музыкальный репертуаръ и колебалась между пьесами, за которыя когда-то надѣляли ее учительницы похвалой и родители объятіями. Она усѣлась и еще бесѣдовала со своею памятью, когда двери растворились съ шумомъ, и съ порога послышался рѣзкій и пронзительный голосъ женщины.

— Eh bien! madame! La comtesse arrive-t-elle à Varsovie? — Съ этими словами скорѣе ворвалась, нежели вошла въ комнату, женщина бойкая, красивая, смуглая, средняго роста, въ оригинальной шинелькѣ съ пунсовымъ капюшономъ, ярко отдѣлявшимся отъ черныхъ, какъ смоль, волосъ и смуглаго лица. Черные блестящіе глаза пришедшей окинули комнату и натолкнулись на фигуру женщины, сидящей за фортепіано.

— Ah, vouz avez du monde, madame,—воскликнула она,—continuez, continuez, je puis attendre! Говоря это, она бросилась на кресло, оперлась головой о спинку, скрестила ноги и благодаря этому показала стройныя ножки, обутыя въ хорошенькіе сапожки, и, сложивъ руки на груди, вперила любопытный, проницательный взглядъ въ лицо Марты.

На щекахъ молодой вдовы румянецъ еще болѣе сгустился, новый свидѣтель ея пробной игры не облегчилъ тяжести ея положенія. Но Людвика Жминская обернулась къ ней съ тѣмъ особеннымъ любопытствомъ и выраженьемъ лица, которыя, кажется, говорятъ:

— Мы ждемъ.

Марта начала играть. Она играла la prière d'une vierge. Въ ту пору, когда она училась музыкѣ, молодыя барышни поголовно играли la prière d'une vierge, эту чувствительную пьесу, звуки которой сливались въ одно меланхолическое цѣлое съ проникающими въ окна лучами мѣсяца и вылетающими изъ груди дѣвичьими вздохами. Но пріемная справочной конторы была освѣщена яснымъ, трезвымъ дневнымъ свѣтомъ; вздохи женщины, играющей la prière d'une vierge, не были такими „вздо-

хами, которые летятъ въ „неземныя страны“, или на ту зеленую лужайку по которой мчится вороной конь, но такими, которые подавленные, оттолкнутые на дно груди, однако непрерывно поднимаются, нашептывая уху женщины-матери простое, земное, обыденное, пошлое, однако-же трагическое, грозное, настойчивое, разрывающее душу восклицаніе: хлѣба! заработка!

Узкія брови Людвики Жминской очень незначительно сдвинулись. благодаря этому однако лицо ея стало еще суровѣе и холоднѣе, чѣмъ прежде; по смуглому лицу, развалившейся на креслѣ француженки, мелькнула веселая плутовская улыбка. Марта сама чувствовала, что она плохо играетъ. Она теперь уже не понимала той смѣси чувствительныхъ звуковъ, которые ей казались когда-то ангельской мелодіей; пальцы ея утратили бѣглость и заплетались на клавишахъ, не всегда попадая куда слѣдуетъ; она ошибалась въ пассажахъ, слишкомъ нажимала педаль, пропускала цѣлые такты, останавливалась и искала на клавіатурѣ потеряннаго ею пути—Mais c'est une petite horreur, qu'elle joue là! воскликнула француженка, вполголоса правда; но она услыхала ея восклицаніе.—Chut mademoiselle Delphine! шепнула хозяйка квартиры. Марта ударила послѣдній аккордъ чувствительной пьесы и тотчасъ, не отнимая рукъ и не отводя глазъ отъ фортепіано, начала играть ноктюрнъ Зентерскаго. Она чувствовала какое неблагопріятное для нея впечатлѣніе произвела ея игра на женщину, отъ которой зависѣло осуществленіе самыхъ дорогихъ надеждъ ея; чувствовала, что, неловко прикасаясь къ клавишамъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ роняетъ изъ рукъ одно изъ немногихъ орудій заработка, на которыя она разсчитывала, что съ каждымъ фальшивымъ тономъ, выходящимъ изъ-подъ ея пальцевъ, рвется и перерѣзывается одна изъ немногимъ нитей, на которыхъ повисло существованіе ея и ея ребенка.

— Я должна сыграть лучше! сказала она себѣ мысленно и, не раздумывая ни минуты, начала играть грустный ноктюрнъ. Однако же, она играла не лучше прежняго, играла даже хуже; пьеса была труднѣе, въ отвыкшихъ отъ игры рукахъ она начала чувствовать боль и оцѣпененье. — Elle touche piano M-ame! he! He! comme elle touche piano—снова воскликнула француженка, стрѣляя глазами и опираясь стройными ножками о сосѣднее кресло.—Chut je vous en prie Mademoiselle Delphine! повторила хозяйка, пожимая плечами съ легкимъ неудовольствіемъ.

Марта встала изъ-за фортепіано. Ея румянецъ, сначала легкій, превратился въ багровыя пятна, глаза сверкали огнемъ сильнаго волненія. Свершилось! Изъ ея рукъ выпало одно изъ орудій, на которыя она разсчитывала; одна изъ нитей, могущихъ вести ее къ заработку,

порвалась окончательно. Теперь она уже знала, что не можетъ получить уроковъ музыки; она не опустила глазъ и увѣреннымъ шагомъ подошла къ столу, у котораго сидѣли обѣ женщины, находящіяся въ комнатѣ.

У меня никогда не было способности къ музыкѣ — начала она голосомъ довольно тихимъ, но не подавленнымъ и не дрожащимъ, — однако-же я училась девять лѣтъ; но къ чему нѣтъ способностей, то легко забывается. Притомъ послѣ замужества въ теченіи пяти лѣтъ я совсѣмъ не играла.

Она говорила это съ легкой улыбкою. Устремленный на нее взглядъ быстрыхъ, черныхъ глазъ француженки, видимо ее тяготилъ; она боялась увидѣть въ нихъ состраданіе или насмѣшку. Но француженка, не понявъ словъ Марты, произнесенныхъ по-польски, зѣвнула широко и громко.

— Eh bien. M-ame! обратилась она къ хозяйкѣ,—покончите со мной; мнѣ сказать только нѣсколько словъ. Когда графиня пріѣдетъ?

— Черезъ нѣсколько дней.

— Вы ей писали, пани, объ условіяхъ, которыя я предложила.

— Да, и графиня согласилась на нихъ.

— Значитъ мои четыреста рублей обезпечены?

— Вполнѣ.

— И я могу имѣть при себѣ мою маленькую племянницу?

— Да.

— И у меня будетъ отдѣльная комната, отдѣльная служанка, лошади для катанья, когда мнѣ вздумается, и два мѣсяца вакаціи.

— Графиня согласилась на всѣ эти условія.

— Хорошо, сказала француженка вставая,—черезъ нѣсколько дней я опять пріѣду навѣдаться о пріѣздѣ графини. Если однако черезъ недѣлю она не пріѣдетъ, или не пришлетъ за мной, я нарушу договоръ. Ждать дольше я не могу и мнѣ не надо. Я могу имѣть десять такихъ мѣстъ. Bon jour Madame.

Она кивнула головой хозяйкѣ, Мартѣ и ушла. У порога она накинула на голову пунсовый капюшонъ и фальшиво затянула французскую пѣсенку. Марта первый разъ въ жизни почувствовала нѣчто вродѣ зависти. Слушая разговоръ француженки гувернанки съ содержательницей справочной конторы, она думала:—четыреста рублей, позволеніе держать при себѣ маленькую племянницу, отдѣльная комната, прислуга, лошади, длинныя вакаціи. Боже мой! Сколько же это условій! Какое счастливое, блестящее положеніе у этой женщины, которая, однако, не кажется ни очень образованной, ни очень привлекательной. Если бы мнѣ обѣщали четыреста рублей и позволили держать Янтю при себѣ...

— Пани!—проговорила она вслухъ. Я была бы рада получить какое-нибудь постоянное мѣсто.

Жминская задумалась съ минуту.

Это нельзя считать совершенно невозможнымъ, но это и не легко, да и къ тому же я сомнѣваюсь, что бы это было выгодно для васъ, пани.

Я полагаю, что вы сознаете, пани, что откровенность, по отношенію къ личностямъ, обращающимся ко мнѣ, моя обязанность. Съ вашимъ французскимъ языкомъ, пани, недурнымъ, но не совсѣмъ парижскимъ, съ почти полнымъ отсутствіемъ музыкальнаго образованія, вы, пани, могли бы занять только мѣсто гувернантки для первоначальнаго обученія.

— Что это значитъ? съ бьющимся сердцемъ спросила Марта.

— Это значитъ, что вы бы получали 500, 600 никакъ не болѣе 800 рублей въ годъ.

Марта не раздумывала ни минуты.

— Я бы согласилась на такое вознагражденіе, — сказала она— если бы меня взяли вмѣстѣ съ моей маленькой дочуркой.

Глаза Людвики Жминской, выражавшіе за минуту раздумье, возбуждавшіе надежду, стали холоднѣе.—А, проговорила она, значитъ вы, пани, не одиноки, у васъ есть ребенокъ?

— Четырехлѣтняя дѣвочка, кроткая, спокойная, которая никогда не причинитъ ни малѣйшей непріятности...

— Вѣрю, сказала Жминская,—однако же, не могу подать вамъ ни малѣйшей надежды получить мѣсто съ ребенкомъ.

Марта глядѣла съ удивленіемъ на говорящую.

— Пани, проговорила она съ минуту спустя — особу, только что вышедшую отсюда, однако же приняли съ ея маленькой родственницей... и столькими... другими условіями. Развѣ она такъ высоко образована?

— Нѣтъ, отвѣчала Жминская, — образованіе ея не заходитъ за предѣлы посредственности, но она иностранка.

По губамъ суровой хозяйки конторы первый разъ въ теченіе разговора промелькнула улыбка, а холодные глаза ея заглянули въ лицо Марты съ выраженіемъ, казалось, говорившимъ, „какъ это? значитъ ты не знала этого? откуда же ты явилась?“

Марта явилась изъ родимой деревни, гдѣ цвѣли розы и распѣвали соловьи, изъ хорошенькой квартирки, находившейся въ Граничной улицѣ, гдѣ четыре стѣны, красиво обставленныя, отопленныя, заслоняли міръ отъ ея глазъ, она явилась изъ среды, въ которой царятъ сначала наивность и невѣдѣніе дѣвушки, потомъ веселость и невѣдѣніе молодой замужней женщины; она явилась изъ того круга, гдѣ женщина опускаетъ глаза,

слѣдовательно ничего не видитъ, ни о чемъ не спрашиваетъ, слѣдовательно ничего не знаетъ. Она не знала или мимоходомъ, мимолетно едва слышала, что-то о томъ, что то, что дозволено Юпитеру, не дозволено волу; глаза Людвики Жминской, холодные, но умные, поглядывавшіе на нее въ эту минуту съ мелькавшей въ нихъ ироніей, говорили ей: „та женщина въ пунсовомъ капюшонѣ, говорящая рѣзко, кричащая громко, кладущая ноги на стулъ,—Юпитеръ, ты, бѣдняжка,—обыденно родившаяся въ той же самой странѣ, гдѣ родятся всѣ матери всѣхъ нашихъ дѣтей, ты—волъ".

— Если бы вы могли, пани, разстаться съ вашей дочкой, если бы вы помѣстили ее куда-нибудь, очень можетъ быть, что вы нашли бы себѣ мѣсто въ тысячу гульденовъ въ годъ.

— Никогда! сложивъ руки воскликнула Марта—никогда не разстанусь я со своимъ ребенкомъ, не отдамъ его въ чужія руки... Это все, что осталось мнѣ на землѣ...

Это восклицаніе силой вырвалось изъ груди матери, но Марта быстро поняла, что оно было не подходящимъ и безполезнымъ. Она сдѣлала надъ собой усиліе и заговорила спокойно:

Если я не могу надѣяться получить постояннаго мѣста, то будьте такъ добры, пани, достать мнѣ частныхъ уроковъ...

— Уроковъ французскаго языка, вставила хозяйка.

— Да пани... и другихъ предметовъ такъ же: изъ географіи, всеобщей исторіи, исторіи литературы польской...

— Я когда-то училась всему этому, потомъ читала, не особенно много, правда, однако, все-таки же читала. Работая надъ собой, я бы пополнила мои знанія...

— Это было бы совершенно непригоднымъ для васъ, пани,—прибавила Жминская.

— Какъ это, пани?

— Да, потому что ни я, ни одна изъ содержательницъ справочныхъ конторъ, не могли бы добросовѣстно обѣщать вамъ уроковъ упомянутыхъ вами предметовъ...

Марта широко открытыми глазами смотрѣла на говорящую; та, послѣ минутнаго перерыва, прибавила:

— Такъ какъ ими занимаются почти исключительно мужчины.

— Мужчины? пролепетала Марта — почему исключительно мужчины?

Жминская подняла на молодую женщину глаза, говорившіе опять:— откуда же ты являешься? вслухъ же она сказала:

— Вѣроятно потому, что мужчины—мужчины.

Марта являлась изъ области блаженнаго женскаго невѣдѣнія, такъ

что она задумалась надъ словами хозяйки конторы. Первый разъ въ жизни общественныя осложненія и загадки предстали передъ ея глазами смутныя, неясныя; запутанныя очертанія ихъ, производя на нее безсознательно мучительное впечатлѣніе, однако, не научили ее ничему.

— Пани, проговорила она минуту спустя, — мнѣ кажется, что я поняла, почему мужчины являются болѣе желательными тамъ, гдѣ дѣло идетъ о преподаваніи; они обладаютъ образованіемъ болѣе широкимъ и основательнымъ, нежели женщины; да, но это соображеніе можетъ быть примѣнено только тамъ, гдѣ преподаваніе принимаетъ уже широкіе размѣры, гдѣ познанія учителя должны быть такъ обширны и основательны, чтобы соотвѣтствовать потребностямъ созрѣвающаго уже ума ученика. Но я не такъ притязательна, пани.—Я хотѣла бы заняться первоначальнымъ обученіемъ исторіи, географіи, исторіи литературы нашей...

— Этимъ первоначальнымъ обученіемъ занимаются обыкновенно также мужчины... прервала Жминская.

— Конечно, тогда, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы давать уроки мальчикамъ.

— И дѣвочкамъ также, окончила содержательница справочной конторы.

Марта опять задумалась.

— Слѣдовательно, сказала она минуту спустя,—что же въ области преподаванія предоставлено женщинамъ?..

— Языки, искусства...

Глаза Марты заблестѣли надеждой. Послѣднее слово Жминской напомнило ей еще одно орудіе пріобрѣтенія, о которомъ она до сихъ поръ не думала.

— Искусства, проговорила она поспѣшно — а значитъ не одна музыка только... я училась рисовать... мои рисунки даже хвалили когда-то.

На лицѣ Жминской опять появилось выраженіе ободряющаго раздумья.

— Конечно, сказала она,—знаніе рисованія можетъ на что-нибудь пригодиться вамъ, пани, однако, гораздо менѣе нежели пригодилось бы знаніе музыки...

— Почему, пани?

— Потому, навѣрно, что рисованіе безмолвно, а музыка громка... Во всякомъ случаѣ, прибавила Жминская,—принесите мнѣ, пани, свои опыты въ рисованіи. Если вы очень искусны въ немъ, пани, если вамъ удастся нарисовать что нибудь изобличающее крупный и серьезно выработанный талантъ, то я могу найти для васъ, пани, одинъ или два урока...

— Я не очень искусна въ рисованіи,—отвѣтила Марта, — я не думаю также, что у меня крупный талантъ, выработка же, которой я обладаю, вовсе не можетъ считаться серьезной. Однако, я настолько знаю рисованіе, что могла бы обучать первоначальнымъ его основамъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не обѣщаю вамъ уроковъ рисованія,— спокойно, скрестивъ руки на груди, сказала Жминская. Но ладони Марты сжимались все крѣпче подъ вліяніемъ все болѣе непріятнаго чувства.

— Почему, пани? пролепетала молодая женщина.

— Потому, что ихъ даютъ мужчины.

Марта склонила голову на грудь и на этотъ разъ просидѣла двѣ минуты, погруженная въ глубокое раздумье.

— Простите, пани, проговорила она минуту спустя, поднявъ лицо, на которомъ выражалась мучительная тревога, — простите пани, что я такъ долго занимаю васъ своимъ разговоромъ. Я женщина неопытная, до сихъ поръ я можетъ быть обращала слишкомъ мало вниманія на человѣческія отношенія, на теченіе дѣлъ, которыя не касались меня лично. Я не понимаю всего, о чемъ вы говорите мнѣ, пани; мой разумъ (а мнѣ казалось, что онъ у меня есть) не соглашается съ этими многочисленными препятствіями, какія вы мнѣ указываете, пани, потому что я не могу подмѣтить, какія могли бы они имѣть причины; получить работу, какъ можно больше работы для меня болѣе нежели вопросъ жизни и смерти, потому что это вопросъ жизни, а потомъ и воспитанія моего ребенка... мысли мои путаются... я хотѣла бы справедливо судить о фактахъ... но... не могу... не понимаю...

Когда Марта говорила это, содержательница конторы смотрѣла на нее сначала равнодушно, потомъ пристально и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, потомъ еще холодные глаза ея согрѣлись болѣе теплымъ отблескомъ. Она быстро опустила глаза и молчала съ минуту; по суровому лбу ея промелькнули двѣ три подвижныя морщины, печальная улыбка на минуту заиграла ма обыкновенно равнодушныхъ губахъ, Оффиціальная оболочка, которою прикрывалась содержательница справочной конторы несовсѣмъ свалилась съ нея, но стала прозрачной; теперь въ ней можно было разглядѣть женщину, которая припоминала не одну страницу изъ собственной жизни, не одну картину изъ жизни другихъ женщинъ. Она медленно подняла голову и встрѣтилась съ устремленными на нее, глубокими въ эту минуту, блестящими и тревожными глазами Марты.

— Не вы первая, пани, начала она голосомъ менѣе сухимъ, нежели говорила до тѣхъ поръ,—не вы первая, пани, обращаетесь ко мнѣ съ такими словами. Лѣтъ восемь, т. е. съ того времени, какъ я стала во главѣ этого учрежденія, сюда приходятъ постоянно женщины различ-

наго возраста, сословій, способностей, бесѣдуютъ со мною и говорятъ: не понимаемъ! Я понимаю то, чего онѣ не понимаютъ потому, что многое видѣла и не меньше испытала сама. Однако, объяснять факты, непонятные для неопытныхъ и непонимающихъ, я не берусь; ихъ достаточно объяснятъ каждому неизбѣжныя борьба, разочарованія,—факты ясные, какъ день и вмѣстѣ съ тѣмъ угрюмые, какъ ночь.

Какая-то горькая иронія звучала въ голосѣ немолодой женщины съ суровыми чертами лица, когда она произносила эти слова. Глаза ея продолжали покоиться уже на блѣдномъ теперь лицѣ Марты; въ ихъ глубинѣ была доля того сочувствія, съ какимъ человѣкъ зрѣлый, знающій хорошо темныя стороны жизни, поглядываетъ на невиннаго ребенка, совсѣмъ не извѣдавшаго ихъ. Марта молчала. Она сказала правду за минуту: мысли путались въ ея головѣ, она не могла никакимъ словомъ выразить того, что внезапно представилось ея воображенію, охватило ея размышленье. Одинъ только фактъ она подмѣтила ясно и толково: она подмѣтила, что работа вовсе не такой предметъ, за которымъ человѣку, за которымъ именно женщинѣ—стоитъ только нагнуться, чтобы обладать имъ. И еще одну вещь она видѣла ясно: блѣдное личико Янти и большіе черные дѣтскіе глаза, взглядъ которыхъ кололъ ей сердце, какъ непрерывное, назойливое напоминаніе о какой то великой, жгучей, неутолимой потребности...

— Напрасно, вы пани, боретесь съ вашими мыслями, продолжала минуту спустя Людвика Жминская,—ничего онѣ вамъ не скажутъ, потому что вы не жили до сихъ поръ въ мірѣ дѣйствительности; у васъ былъ свой міръ дѣвичьихъ мечтаній сначала, семейныхъ привязанностей потомъ, все что было за предѣлами этого, не касалось васъ; вы не знаете свѣта, хотя уже прожили на немъ двадцать лѣтъ слишкомъ, точно также, какъ не умѣете играть, хотя учились музыкѣ лѣтъ девять. И вотъ факты, которые окружатъ васъ, пани, со всѣхъ сторонъ, и будутъ управлять всей вашей жизнью, научатъ васъ, что такое свѣтъ, люди и общество. Что касается до меня, то я хочу, могу и должна сказать только то: въ нашемъ обществѣ, пани, можетъ добыть себѣ заработокъ, достаточный для жизни, и охранить себя отъ великихъ страданій и нужды только такая женщина, которая достигла высокаго совершенства въ какомъ нибудь знаніи, или обладаетъ несомнѣннымъ и рѣшительнымъ дарованьемъ.

Всякія первоначальныя познанія и посредственныя способности не добываютъ ничего, или же въ крайнемъ случаѣ добываютъ сухой и черствый кусокъ хлѣба, размоченный развѣ только слезами и приправленный униженіями. Средины тутъ нѣтъ, женщина должна въ какой

нибудь отрасли труда достичь совершенства; этимъ совершенствомъ пріобрѣсти себѣ имя, славу, а слѣдовательно и спросъ. Стоя одной, двумя степенями ниже въ искусствѣ, въ дарованіи, она имѣетъ противъ себя все, за себя—ничего.

Марта слушала эти слова съ алчностью, но чѣмъ дольше она слушала, тѣмъ болѣе очевиднымъ становилось, что и ей въ голову приходятъ разныя мысли, съ губъ срываются слова.

— Пани! проговорила она, — неужели же всѣ мужчины должны также достигнуть совершенства въ какой нибудь области знанія, чтобы обезпечить свое существованіе отъ всякихъ страданій и нужды?

Жминская тихо засмѣялась.

— Развѣ же, сказала она—достигли совершенства въ какой нибудь отрасли знанія канцелярскіе чиновники, переписывающіе въ канцеляріяхъ чужія бумаги, приказчики въ лавкахъ, учители, занимающіеся первоначальнымъ обученіемъ географіи, исторіи, рисованія и т. д.?

— А слѣдовательно! воскликнула Марта съ несвойственнымъ ей увлеченіемъ,—а слѣдовательно, простите, пани, что я еще разъ повторю: почему, почему арена труда, открытая для однихъ съ одного конца до другого, отмѣривается другимъ пядями и дюймами? Почему, братъ мой, если бы я его имѣла, могъ бы давать уроки рисованія, имѣя столько же способностей и подготовки, сколько я, а я не могу? Почему онъ могъ бы въ конторахъ переписывать чужія бумаги, а я не могу? Почему ему было бы дозволено воспользоваться для себя и своихъ всѣми умственными запасами, которыми онъ обладалъ, а я не могу воспользоваться ничѣмъ больше, кромѣ игры на фортепіяно, къ которой не имѣю способности, и знанія иностранныхъ языковъ, которыми я обладаю въ низкой степени?

Марта говорила это дрожащими губами, глаза и щеки ея впали. Она не была блестящей дамой, на бархатномъ диванѣ гостиной, ведущей остроумную бесѣду о равноправности женщинъ, ни теоретикомъ въ четырехъ стѣнахъ, взвѣшивающимъ и измѣряющимъ мужской и женскій мозгъ, съ цѣлью найти между ними сходства и различія. Вопросы навертывавшіеся на ея уста, были вопросами, раздиравшими сердце матери, разжигали голову бѣдной женщины, выдвигались передъ ней, какъ щитъ, защищающій отъ голодной смерти.

Жминская слегка пожала плечами и сказала медленно:

— Вы, пани, многократно повторили: почему? На это скажу вамъ, пани, что навѣрно болѣе всего и прежде всего—потому, что мужчины—главы домовъ, отцы семействъ.

Марта засмотрѣлась на говорящую женщину, какъ на картину.

Сильный блескъ ея глазъ, вызванный за минуту любознательностью и порывомъ чувствъ, затуманился двумя слезами, выкатившимися изъ подъ вѣкъ и подернувшими стекломъ ея зрачки. Руки ея сплелись, какъ бы невольно.

— Пани, проговорила она,—и я также мать.

Людвика Жминская поднялась. Въ передней послышался звонокъ, возвѣщавшій о приходѣ какой-то новой посѣтительницы; содержательница конторы намѣревалась окончить разговоръ съ молодою вдовой.

— Я сдѣлаю все что могу, чтобы найти соотвѣтствующее для васъ занятіе, пани; однако, не ожидайте, что вы его получите скоро. Вообще въ области преподаванія предложеніе труда значительно превышаетъ спросъ на него. Учительницы, обладающія широкими и основательными знаніями языковъ и артистическими дарованіями, являются желанными и получаютъ сравнительно блестящія мѣста; однако, такихъ всего меньше, слишкомъ мало даже сравнительно съ спросомъ. Что же касается до первоначальнаго обученія, то имъ занимается, или желаетъ заняться такое множество женщинъ, что эта непомѣрная конкурренція не только низводитъ до самой низкой цифры заработную плату, но затрудняетъ, дѣлаетъ для большинства невозможнымъ полученіе труда.

Повторяю, однако, что сдѣлаю все, что въ состояніи, чтобы найти уроки для васъ, пани; впрочемъ, это столько же выгодно для меня, какъ и для васъ, пани. Черезъ нѣсколько дней, черезъ недѣлю, зайдите сюда опять, пани, и, можетъ быть, что-нибудь и навернется.

Говоря это, содержательница конторы была уже съ головы до ногъ облечена покровомъ холодной оффиціальности и чопорности, потому что въ комнатѣ появилась новая посѣтительница.

Марта ушла. Она медленно спускалась съ лѣстницы. Она не плакала такъ, какъ та молодая дѣвушка, которая часъ тому назадъ совершала тотъ же самый путь, но глубоко задумалась; только выйдя на улицу, она подняла взглядъ отъ земли и ускорила шагъ. Сегодня ей надо было еще многое сдѣлать.

Въ каменномъ домѣ, сосѣднемъ съ тѣмъ, въ которомъ находилась ея квартира, была кухмистерская. Марта вошла въ это заведеніе и просила приносить ей обѣды. Благодаря близости и съ условіемъ небольшой приплаты согласились присылать ей обѣды на чердакъ съ маленькимъ слугою. Потребовали только, чтобы она заплатила впередъ за недѣлю десять рублей, сумму—значительную для Марты, все имущество которой равнялось не полнымъ двумъ стамъ рублямъ.

Открывая бумажникъ, вмѣщавшій въ себѣ это имущество, Марта почувствовала какую-то неопредѣленную, мучительную тревогу. Это чув-

ство еще усилилось въ ней, когда, зайдя въ квартиру управляющаго домомъ, она вручила ему пятнадцать рублей мѣсячной платы за комнату и находившуюся въ ней мебель. Сначала еще она купила въ лавкѣ, торгующей съѣстными припасами, немного сахара, чаю, нѣсколько булокъ, маленькую лампочку и немного керосина. Все это на четверть уменьшило ея имущество.

Янтя, запертая цѣлое утро въ комнатѣ, испустила крикъ радости, услыхавъ повертывающійся въ замкѣ ключъ. Она бросилась на шею входящей матери и осыпала ея лицо поцѣлуями.

Впечатлѣніе минуты, единственная сила, вліяющая сильно на дѣтскіе организмы. Будущее не существуетъ въ ихъ мысли, прошлое быстро изглаживается изъ ихъ памяти. Вчерашній день является для ребенка уже отдаленнымъ прошлымъ; то, что было, происходило, или свершилось нѣсколько дней тому назадъ, исчезаетъ и разсѣевается передъ ихъ глазами въ туманѣ забвенья; Янтя была весела.

Узкій лучъ солнца, проникающій въ комнату на чердакѣ изъ маленькаго оконца, радовалъ ее; печка съ закоптѣвшимъ отверстіемъ изумляла и занимала; она знакомилась съ новой мебелью, смѣялась надъ двумя стульями, у которыхъ одна нога была короче трехъ другихъ и сравнивала ихъ съ калѣками-стариками, которыхъ она встрѣчала на улицахъ города. Одиночество, въ которомъ она провела цѣлое утро, создало въ ея головкѣ запасъ мыслей, которыя ея жаждущій разговора язычекъ съ поспѣшнымъ и громкимъ щебетомъ передавалъ матери.

Первый разъ веселость ребенка произвела тяжелое впечатлѣніе на душу Марты. Вчера, когда Янтя еще лучше помнила объ исчезнувшемъ у нея изъ глазъ образѣ отца, когда она, опечаленная утратой стѣнъ, среди которыхъ она жила до сихъ поръ, и всѣхъ прекрасныхъ вещей, видѣть которыя она привыкла, съ плачемъ отказывалась отъ пищи, поднимала свои большіе, черные глаза на мать, съ выраженіемъ страдальческой мольбы и безсознательнаго ужаса,—Марта отдала бы все, что у нея еще осталось за то, чтобы вызвать улыбку на ея крохотный ротикъ, румянецъ здоровья на поблѣднѣвшія щечки. Сегодня же серебристый смѣхъ ребенка возбуждалъ въ ней неопредѣленную, но тяжелую тревогу. Что же измѣнилось въ ея положеніи? Она была одинока, какъ вчера, бѣдна, какъ вчера, но между вчера и сегодня встало это утро испытанія, когда она, первый разъ, вступивъ въ невѣдомый міръ, точнѣе, нежели когда-нибудь, свела счеты сама съ собой. Вчера она была увѣрена, что не пройдетъ и сутокъ, и у нея уже будетъ въ рукахъ возможность работать и подвести итогъ ожидаемому заработку,

долженствующему придать извѣстныя опредѣленныя очертанія ея будущему.

Сутки протекли, а будущее осталось неопредѣленнымъ. Ей велѣли ждать, не назначая даже срока ожиданію, ждать чего-то, что во всякомъ случаѣ должно было быть очень незначительнымъ.

— Какъ же я была неопытна, думая, что мнѣ не понадобится ждать! Какъ же я была неблагоразумна, ожидая отъ себя самой великихъ подвиговъ! Такъ думала Марта, стоя вечеромъ у окна, за которымъ нависло черное осеннее небо и большой городъ шумѣлъ непрерывно.

— Что за наплывъ! Всѣ сословія, возрасты, національности тѣснятся туда, куда я замышляла итти! Проложу-ли я себѣ путь среди этой толпы и чѣмъ проложу, если у меня такъ мало орудій для борьбы! А если меня вовсе не впустятъ на этотъ путь, если пройдетъ недѣля, двѣ, мѣсяцъ, а я не найду заработка?...

При этой мысли холодная дрожь пробѣжала по тѣлу Марты. Она быстро отвернулась отъ окна и окинула головку спящей Янти такимъ взглядомъ, точно она внезапно испугалась за нее, точно она внезапно увидѣла нависшую надъ ней какую-то грозную опасность.

* *
*

Былъ скверный, сѣрый, дождливый, грязный ноябрьскій день, когда Марта очень поспѣшнымъ шагомъ направлялась изъ улицы Долгой на Пивную, изъ справочной конторы домой. Облака плакали, но лицо молодой женщины сіяло. Люди защищались отъ дождя зонтиками, отъ холода шинелями, но она, не защищаясь ничѣмъ, равнодушная къ невзгодамъ природы, точно такъ же, какъ она, навѣрно, была бы сегодня равнодушна къ ея ласкамъ, легко бѣжала по троттуарамъ, поднявъ голову, съ блистающими глазами.

Никогда еще, съ той поры какъ она поселилась на чердакѣ подъ небесами, она не проходила такъ легко по узкой, грязной, темной лѣстницѣ; она улыбалась, вынимая изъ кармана тяжелый и ржавый ключъ, съ улыбкой перешагнула, чуть-ли не перескочила черезъ порогъ комнаты, опустилась на колѣни и молча, крѣпко прижала къ груди черноглазую дѣвочку, которая съ крикомъ радости бросилась ей на встрѣчу. Она прижалась губами ко лбу малютки.

— Славу Богу, слава Богу, Янтя! прошептала она; она хотѣла сказать еще что-то, но не могла; двѣ слезы скатились на ея улыбающіяся губы.

— Чему ты, мама, смѣешься? Отчего ты плачешь? защебетала Янтя, гладя крохотными рученками разгорѣвшіяся щеки матери.

Марта не отвѣчала; она вскочила съ полу и заглянула въ черную глубину печи. Теперь только почувствовала она, что промокла, что въ комнатѣ было холодно.

— Мы можемъ сегодня развести огонь подъ плитой, сказала она,—взявъ изъ-за печки единственную, находившуюся тамъ охапку дровъ.

Янтя подскочила отъ радости.

— Огонь! огонь! воскликнула она,—я люблю огонь, мама! Ты такъ давно не разводила его уже въ печкѣ.

Когда желтое пламя пробилось вверхъ, жгучимъ блескомъ наполнило черную глубину печи, и волны пріятной теплоты разлились по комнатѣ, Марта усѣлась у печки и взяла ребенка на колѣни.

— Янтя! сказала она, склоняясь къ блѣдному личику,—ты еще маленькій ребенокъ, но ты уже должна понять то, что я тебѣ скажу.

— Мамѣ твоей было очень, очень горько, очень грустно. Она истратила всѣ свои деньги и черезъ нѣсколько дней ей было бы уже не на что купить ни обѣда для тебя и для себя, ни дровъ, чтобы истопить печку. Сегодня твоей мамѣ дали работу, за которую ей заплатятъ... И потому-то, придя домой, я говорила тебѣ, чтобы ты поблагодарила Бога, потому-то я и развела этотъ славный огонь, чтобы намъ сегодня было тепло и весело...

Марта дѣйствительно получила работу. Черезъ мѣсяцъ ожиданья, послѣ того, какъ она нѣсколько разъ безплодно заходила въ справочную контору, Людвика Жминская заявила молодой женщинѣ, что она достала ей урокъ французскаго языка. Этотъ заработокъ, долженствующій приносить ей полтинникъ въ день, показался Мартѣ открывшейся передъ нею сокровищницей богатствъ. Въ этой комнатѣ, въ которой она жила теперь, также бережливо, можетъ быть, бережливѣе, нежели до сихъ поръ, удовлетворяя свои потребности, она могла жить на эту сумму съ ребенкомъ. Могла жить. Эти два слова много значили для женщины, которая еще наканунѣ полученія этого удачнаго извѣстія разузнавала, гдѣ и кому можно продать часть необходимой одежды.

Къ тому же еще первый проблескъ удачи освѣтилъ перспективу съ лучшимъ будущимъ въ концѣ.

— Если, сказала Жминская,—въ домѣ, въ который я васъ ввожу, вы пріобрѣтете себѣ репутацію учительницы добросовѣстной и умѣлой, очень можетъ быть, что многіе другіе предложатъ вамъ уроки; тогда вы получите право не только выбирать, но и требовать условій болѣе выгодныхъ нежели тѣ, которыя вамъ предложили теперь.

Это были слова, которыми Людвика Жминская закончила разговоръ съ молодою вдовой. Въ головѣ Марты глубоко застряли два выраженія: добросовѣстная и умѣлая.

Первое изъ этихъ двухъ выраженій не возбуждало въ ней ни малѣйшаго опасенія, ни малѣйшаго сомнѣнія; второе, сама не сознавая почему, она отталкивала отъ себя, жаждала забыть о немъ, какъ о чемъ-то такомъ, что могло смутить первую минуту, успокоенія выпавшую ей на долю послѣ долгихъ дней.

Въ назначенный часъ Марта входила въ одну изъ квартиръ, находившихся на улицѣ Св. Георгія. Въ красивой, со вкусомъ и довольно дорого обставленной гостиной ее встрѣтила женщина еще молодая, очень красивая, очень изящно одѣтая, настоящій типъ варшавянки, съ манерами живыми и граціозными, съ лицомъ, освѣщеннымъ выраженіемъ смѣтливости, чуткости, съ рѣчью быстрой, оживленной и изящной. Это была жена одного изъ извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ литераторовъ, Марія Рудзинская. Тутъ же за нею вбѣжала въ гостиную двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, смѣющаяся, сверкающая смышлеными глазами, съ развѣвающимся короткимъ нряднымъ, по послѣдней модѣ сшитымъ платьемъ, и тянувшая за собой длинную, пунцовую веревку, съ которою она за минуту, навѣрно, дѣлала гимнастическія упражненія въ удобной и просторной квартирѣ своихъ родителей.

— Вѣроятно, я имѣю удовольствіе видѣть пани Марту Свицкую, проговорила хозяйка дома, протягивая ей одну руку, а другою указывая на одно изъ креселъ подлѣ дивана.—Пани Жминская вчера много говорила мнѣ о васъ, такъ что я искренно рада познакомиться съ вами. Представляю вамъ мою дочку и вашу будущую ученицу. Ядвися! Эта барыня такъ добра, что желаетъ давать тебѣ уроки французскаго языка; помни, что ты не должна причинять ей ни малѣйшаго огорченія и учиться такъ же хорошо, какъ у панны Дюпонъ!

Дѣвочка съ стройнымъ и гибкимъ станомъ, съ лицомъ непринужденнымъ и понятливымъ, безъ малѣйшаго замѣшательства очень ловко поклонилась своей будущей учительницѣ.

Въ эту самую минуту въ передней послышался звонокъ; однако, въ гостиную не вошелъ никто, только черезъ нѣсколько секундъ портьера, почти совсѣмъ заслоняющая двери сосѣдней комнаты, заколыхалась и въ щели, образовавшейся между тяжелыми складками пунсовой ткани, показалась пара черныхъ, какъ уголь, огненныхъ глазъ, очевидно, принадлежащихъ мужскому лицу, потому что надъ ними виднѣлась также часть смуглаго лба, съ густыми, черными, коротко под-

стриженными волосами, а пониже виднѣлся кончикъ черной бородки. Однако, все это едва было можно разглядѣть среди плотныхъ складокъ занавѣси, и осталось совершенно незамѣченнымъ лицами, разговаривавшими въ гостиной и сидѣвшими бокомъ къ двери.

Хозяйка дома продолжала свой разговоръ съ Мартой:

— Послѣдняя учительница моей дочери, панна Дюпонъ, учила очень хорошо и Ядзя дѣлала у нея значительные успѣхи. Однако, мой мужъ полагалъ, и убѣдилъ въ этомъ и меня, что съ нашей стороны было не совсѣмъ справедливо давать возможность заработка иностранкѣ въ то время, какъ вокругъ насъ столько достойнѣйшихъ уваженія соотечественницъ такъ усердно ищутъ работы и съ такимъ трудомъ ее находятъ. Впрочемъ, ко всѣмъ учителямъ, которые развиваютъ умъ нашей дочери,—какъ я, такъ и мужъ мой, обращаемся съ единственной просьбой, чтобы преподаваніе было основательнымъ, широкимъ, исчерпывающимъ, чтобы оно охватывало всѣ стороны даннаго предмета такъ, чтобы наша дѣвочка современемъ могла вполнѣ овладѣть имъ.

Марта молча поклонилась и встала.

— Если вамъ угодно начать уже съ сегодняшняго дня уроки, сказала хозяйка дома, также вставая и привѣтливымъ жестомъ указывая на двери съ портьерой, изъ которыхъ въ то время, какъ двѣ женщины встали,—исчезли пара глазъ, усики и бородка,—то вотъ кабинетъ, предназначенный для занятій съ моей дочерью.

Кабинетъ былъ обставленъ скромнѣе гостиной; однако же и онъ отличался вкусомъ и удобствомъ. У одной изъ стѣнъ стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, заставленный книгами, тетрадями и письменными принадлежностями. Язя чувствовала себя тутъ уже хозяйкой и поднявъ хорошенькіе глазки на лицо будущей учительницы, съ дѣловымъ видомъ пододвинула къ столу удобное кресло и положила передъ нимъ нѣсколько книжекъ и изрядное количество толстыхъ тетрадей...

Марта, однако, усѣлась не тотчасъ. Лицо ея, которое послѣ истекшаго мѣсяца ожиданія стала худощавѣе и блѣднѣе прежняго, въ эту минуту выразило глубокое раздумье, вѣки опустились, руки, которыми она ухватилась за край стола, слегка дрожали; она стояла такъ минуты двѣ, и лицо ея и поза оставались неподвижными. Можно было бы предположить, что она размышляла надъ только-что услышанными ею словами матери своей ученицы или задавала самой себѣ какой-то вопросъ, ища отвѣта на него въ своемъ разумѣ или совѣсти. Когда она подняла взглядъ, она встрѣтилась глазами съ устремленнымъ на нее взоромъ хозяйки дома. Этотъ взоръ въ одну минуту окинулъ съ ногъ до головы стройную, тонкую, изящно-красивую фигуру новой учи-

тельницы. Онъ остановился подольше на широкой бѣлой тесьмѣ, траурной полосой окаймлявшей ея черное платье, и покоился теперь на ея блѣдномъ, задумчивомъ лицѣ, съ выраженіемъ сочувствія и отчасти любопытства.

— Вы носите трауръ, пани, понизивъ голосъ, кротко проговорила Марія Рудзинская,—по матери, можетъ быть, или по отцу?..

— По мужѣ, проговорила Марта тихо, и вѣки ея опять опустились медленно и тяжело.

— Значитъ, вы вдова! воскликнула Марія, и въ голосѣ ея звучали та скорбь и тревога, которую испытываетъ женщина, счастливая въ замужествѣ, всякій разъ, когда слышитъ, что кто-нибудь потерялъ подобное счастье, а слѣдовательно, что и ея собственное навѣрно не вѣчно—и, можетъ быть... Можетъ быть у васъ есть дѣти, пани?...

На этотъ разъ Марта подняла взглядъ, въ которомъ мелькнули яркія искры.

— У меня есть дочь! отвѣтила она, и точно это слово поразило ее какимъ-то внезапнымъ, повелительнымъ воспоминаніемъ; она усѣлась на подвинутомъ ей за минуту креслѣ и руками, еще слегка дрожавшими, начала одну за другою открывать положенныя передъ нею книжки. Изъ этихъ книжекъ Марта могла догадаться, что двѣнадцатилѣтняя Ядзя уже много училась и далеко зашла въ ученіи; о высокомъ знаніи языка, которымъ обладала прежняя учительница дѣвочки, свидѣтельствовали, тамъ и сямъ, раскинутыя по тетрадямъ строки, искусно побѣждавшія, съ очевидной легкостью, самыя трудныя задачи языка, вникавшія въ сущность и мельчайшіе оттѣнки предмета; Марта провела рукой по глазамъ, какъ бы желая прояснить себѣ зрѣніе, или же отогнать отъ себя какую-то назойливую мысль и, закрывая тетради и книжки, задала своей ученицѣ нѣсколько вопросовъ. Марія Рудзинская между тѣмъ отошла къ окну и, взявъ въ руки какое-то рукодѣлье, приготовлялась усѣсться съ нимъ у маленькаго столика, когда портьера слегка приподнялась и за нею послышался мужской и звучный голосъ:

— Кузиночка Марыня! прошу сюда на минутку!

Марія тихо прошла черезъ комнату, еще разъ остановивъ дружескій взглядъ на лицѣ новой учительницы своей дочери и тихо закрыла за собой скрывающіяся за портьерой двери, ведущія изъ кабинета въ гостиную.

По срединѣ гостиной стоялъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-шести, сухощавый, ловкій, одѣтый по послѣдней модѣ, съ продолговатымъ, смуглымъ лицомъ, черными какъ смоль волосами и какъ уголь черными глазами. Наружность этого человѣка была пріятна, съ перваго взгляда даже интересна. Въ ней прежде всего поражало непомѣрное изо-

биліе жизни, свободной, веселой, какъ бы нетерпѣливо рвущейся и прихотливо искрящейся. Эта полнота жизни, при ближайшемъ разсмотрѣніи, казалась даже излишествомъ. Глаза молодого человѣка сверкали, искрились, около губъ, наполовину прикрытыхъ черными усиками, мелькалъ рой улыбокъ, то задабривающихъ, то плутовскихъ, то шутливыхъ, все лицо въ одну секунду измѣнялось выраженіемъ остроумія, шутки. Это былъ, очевидно, человѣкъ вѣчно веселый, вѣчно смѣющійся, но въ то же время это былъ человѣкъ, ведущій веселую, совершенно беззаботную жизнь. Это послѣднее проявлялось въ слегка увядшемъ цвѣтѣ его лица, который еще больше бросался въ глаза, являясь противоположностью молодости всей фигуры, огненному блеску глазъ, почти дѣтскому легкомыслію улыбокъ.

Въ ту минуту, когда Марія Рудзинская входила въ гостиную, поза этого молодого человѣка была по меньшей мѣрѣ оригинальна. Онъ стоялъ, обернувшись лицомъ къ запертымъ хозяйкой дома дверямъ кабинета, слегка откинувшись назадъ, возведя руки вверхъ, вперивъ взглядъ въ потолокъ. Эта театральная поза сопровождалась выраженьемъ лица, изобличавшимъ также театральное и казавшееся очень комическимъ восхищеніе.

— Олесю! тономъ увѣщанія проговорила Марія, — что же это опять за нелѣпость.

— Богиня! вполголоса, не измѣняя ни позы, ни выраженія лица, проговорилъ молодой человѣкъ. — Богиня! повторилъ онъ и, вздыхая подобно героямъ комедій, онъ опустилъ голову и руки.

Марія не могла удержаться отъ улыбки, однако она пожала плечами и, съ работою въ рукѣ, усаживаясь на диванъ, сказала тономъ легкаго упрека:

— Ты забылъ поздороваться со мной, Олесю!

При этихъ словахъ, молодой человѣкъ подскочилъ и запечатлѣлъ нѣсколько поцѣлуевъ на рукѣ хозяйки дома.

— Прости, Марыня, прости! говорилъ онъ тѣмъ же самымъ, что и прежде патетическимъ тономъ: — я былъ такъ восхищенъ! Охъ!

Онъ усѣлся на стулѣ подлѣ молодой женщины и, прижавъ ладонь къ сердцу, опять возвелъ взглядъ на потолокъ. Марія глядѣла на него такъ, какъ глядятъ на расшалившагося ребенка.

— Какое опять чудачество взбрело тебѣ въ голову? спросила она минуту спустя, очевидно, усиливаясь быть серьезной, но не будучи въ состояніи вполнѣ скрыть улыбки. — Развѣ ты на пути къ моему дому встрѣтилъ эту какую-то новую богиню, которая въ тебѣ возбудила такое восхищеніе? Я, право, очень боюсь, чтобы она уже на цѣлый день не лишила тебя разсудка.

— Ты жестока, Марыня, съ этимъ своимъ разсудкомъ, съ новымъ вздохомъ проговорилъ молодой человѣкъ:—именно въ твоемъ-то домѣ я и увидѣлъ эту красавицу...

При послѣднемъ словѣ, онъ съ преувеличеннымъ жестомъ указалъ на двери кабинета. Марія казалась на половину разсмѣшенной, наполовину удивленной.

— Какъ это? сказала она.—Значитъ, ты говоришь о новой учительницѣ Ядзи?

— Да, кузиночка, внезапно скорчивъ серьезное лицо, отвѣтилъ молодой человѣкъ:—я именую ее царицей всѣхъ богинь моихъ...

— Но гдѣ же ты ее видѣлъ, вѣтренникъ?

— Придя къ тебѣ, я узналъ въ передней, что ты занята разговоромъ съ новой учительницей твоей дочери. Я не хотѣлъ тебѣ мѣшать и, войдя черезъ кухню, выглянулъ изъ-за портьеры... Однако, шутки въ сторону, продолжалъ онъ: — что это за красавица! какіе глаза, что за волосы! ростъ царственный!

— Олесю, съ легкимъ неудовольствіемъ прервала хозяйка дома, — это, очевидно, какая-то несчастная женщина; она носитъ трауръ по мужѣ...

— Молодая вдовушка! снова возводя глаза вверхъ, воскликнулъ молодой человѣкъ.—Ты, можетъ быть, не знаешь этого, кузиночка, что на землѣ не существуетъ созданій милѣе молоденькихъ вдовушекъ... разумѣется тогда, когда онѣ красивы... Блѣдное лицо, сантиментальные глаза... Я обожаю блѣдныя лица и сантиментальные глаза у женщинъ.

— Ты бредишь? проговорила Марія, пожимая плечами.—Если бы ты не былъ моимъ двоюроднымъ братомъ и если бы я не знала, что, несмотря на все твое легкомысліе, ты въ сущности добрый малый, я бы могла не шутя возненавидѣть тебя за это странное пренебреженіе къ женщинамъ...

— Пренебреженіе! воскликнулъ молодой человѣкъ. — Но, кузиночка, я обожаю женщинъ, это—богини моего сердца и жизни...

— Богини, которыхъ ты насчитываешь дюжинами.

— Чѣмъ больше у человѣка предметовъ любви, тѣмъ больше онъ любитъ, кузиночка. Это упражненія, а только съ помощью упражненія сердце пріобрѣтаетъ ту силу, тотъ огонь, который...

— Довольно уже этого, Олесю, съ живымъ и уже явнымъ неудовольствіемъ прервала хозяйка дома:— ты хорошо знаешь, какъ меня огорчаетъ направленіе твоего ума и сердца...

— Кузина! кузиночка! Аминь! ради Бога, скажи аминь! воскликнулъ молодой человѣкъ, отодвигаясь вмѣстѣ со стуломъ, на кото-

ромъ онъ сидѣлъ, и складывая руки, какъ на молитву,—хорошенькому женскому ротику менѣе всего пристала проповѣдь...

— Если бы я была дѣйствительно доброй сестрой, то я бы читала ихъ тебѣ съ утра до вечера...

— И никакой бы пользы не принесла, сестричка. Проповѣдь должна быть краткой; предписаніемъ, заимствованнымъ изъ законовъ нравственныхъ, философскихъ, художественныхъ. Лучше разскажи мнѣ что-нибудь объ этой черноглазой нимфѣ, которая дѣйствительно достойна лучшей доли, нежели надзоръ за твоей Ядзей.

— А лучше, живо подхватила хозяйка дома,—скажи мнѣ, почему ты въ эту пору дня тутъ?

— И гдѣ же мнѣ быть, если не у ногъ твоихъ, дорогая кузиночка?

— Въ конторѣ! коротко отвѣтила Марія Рудзинская.

Молодой человѣкъ вздохнулъ, сталъ ломать руки и опустилъ голову на грудь.

— Въ конторѣ, прошепталъ онъ.—О, Марыня! какъ же ты жестока! Развѣ же я селедка? Скажи мнѣ, неужели я дѣйствительно похожъ на селедку?

Произнося эти вопросы, вѣчно смѣющійся человѣкъ поднялъ голову и глядѣлъ на хозяйку дома столь широко открытыми глазами, съ такимъ комическимъ выраженіемъ горя, обиды и изумленія, что Марія не могла удержаться отъ почти громкаго смѣха.

— Ты не селедка, проговорила она, глядя на работу, которую она держала въ рукѣ, вѣроятно, чтобы не засмѣяться снова: — ты не селедка; но ты...

— Я не селедка! воскликнулъ молодой человѣкъ, вздыхая глубоко, какъ бы оправившись отъ сильнаго испуга.—Слава Богу, я не селедка! Такъ какъ я не селедка, то очень просто, что я не могу по цѣлымъ днямъ задыхаться въ конторѣ, какъ селедка въ боченкѣ...

— Но ты человѣкъ и долженъ уже все-таки серьезнѣе подумать о жизни и ея задачахъ. Развѣ можно постоянно такъ бить только баклуши и гоняться за богинями? Мнѣ, право, жаль твоего добраго сердца, которое у тебя есть, и твоихъ способностей, въ которыхъ у тебя также нѣтъ недостатка. Еще года два такой жизни и ты станешь однимъ изъ тѣхъ людей безъ цѣли, безъ занятій, безъ будущаго, которыхъ у насъ и такъ уже слишкомъ много...

Она остановилась и съ выраженіемъ неподдѣльной грусти наклонилась надъ работой. Молодой человѣкъ выпрямился и проговорилъ торжественно:

— Аминь! Проповѣдь была длинна, однако ей нельзя отказать въ извѣстной нравственной приправѣ; омытое ею сердце мое, какъ обмоченная въ слезахъ губка, падаетъ къ стопамъ твоимъ, дорогая кузиночка.

— Олесю! сказала хозяйка дома, вставая: — ты сегодня безразсуднѣе обыкновеннаго... Я не могу больше разговаривать съ тобой; ступай въ контору, а мнѣ надо посмотрѣть, что дѣлается въ кухнѣ.

Сестричка! Марыня! въ кухнѣ fi donc, c'est mauvais genre. Жена литератора въ кухнѣ; мужъ ея, можетъ быть пишетъ о томъ, что женщина должна быть поэтичной, а она идетъ въ кухню.

Говоря это, онъ всталъ и, протянувъ руки, смотрѣлъ вслѣдъ за уходящей женщиной.

— Сестра, воскликнулъ онъ еще разъ —Марія! ахъ не покидай меня...

Марія отвернулась и была уже у дверей передней. Тогда молодой человѣкъ подскочилъ къ ней и схватилъ ее за руку.

— Неужели ты рязсердилась на меня, Марыня? неужели ты въ самомъ дѣлѣ разсердилась на меня? Ну, стыдись, полно! неужели же я хотѣлъ тебя обидѣть? неужели же ты не знаешь, что я тебя люблю, какъ родную, самую родную мнѣ сестру? Марынка? ну взгляни же на меня! Чѣмъ же я виноватъ, что молодъ! Исправлюсь, увидишь, дай только прежде чуточку состарѣться,—говоря все это, онъ цѣловалъ руки молодой женщины, а на лицѣ его смѣнялось выраженіе соединенныхъ, или быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ горя, легкомыслія, грусти, нѣжности, задабриванья, такъ что глядя на него можно было смѣяться, или отойти пожимая плечами, но сердиться на этого взрослаго ребенка не было возможности? За то же и Марія Рудзинская, сопротивляясь съ минуту ласкамъ и извиненіямъ двоюроднаго брата, кончила улыбкой...

— Чего бы я не дала за то, чтобы ты могъ измѣниться, Олесю...

— Чего бы я не далъ за то, чтобы быть способнымъ измѣниться, Марыня! но... съ природой не справишься, волка въ лѣсъ... тянетъ...

Произнося послѣднее слово, онъ скорчился, какъ ребенокъ, робко выражающій свое желаніе и протянулъ указательный палецъ къ дверямъ кабинета.

— Неужели же опять, сказала Марія, положивъ руку на ключъ.

— Я уже не скажу ни слова больше объ этой черноглазой богинѣ, которую, какъ я вижу, ты подобно ангелу хранителю оберегаешь крыльями твоего набожнаго покровительства! воскликнулъ Олесь, опять схвативъ за руку кузину,—но ты представишь меня ей, сестричка? Не правда ли представишь?

— И не подумаю, отвѣтила Марія.

— Моя дорогая! моя милая! моя единственная! представь ей меня, когда она выйдетъ сюда! Скажи: вотъ братъ мой, образецъ всѣхъ добродѣтелей и совершенствъ, парень славный...

И въ то же время большой пустозвонъ!

Съ послѣдними словами Марія вышла изъ гостиной. Олесь стоялъ съ минуту у дверей, какъ бы въ нерѣшимости: остаться ли ему или пойти за двоюродной сестрой, потомъ повернулся на каблукѣ, всталъ передъ зеркаломъ, поправилъ галстухъ и прическу, затянулъ пѣсенку, потомъ, переставъ напѣвать, на цыпочкахъ подошелъ къ дверямъ кабинета, приподнялъ портьеру, приложилъ ухо къ дверямъ. За дверьми слышался голосокъ маленькой Ядзи, говорившей:

L'imparfait du subjonctif (прошедшее несовершенное сослагательнаго наклоненія). Я уже забыла, какъ мнѣ писать третье лицо. Изъ какого времени образуется l'imparfait du subjonctif.

Отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ. Было слышно, какъ перелистывались страницы книги. Учительница, видно, искала въ книгѣ отвѣта, который была вынуждена дать своей ученицѣ.

— Изъ passé défini de l'indicatif, (прошедшаго совершеннаго изъявительнаго наклоненія), проговорила минуту спустя Марта.

Олесь выпрямился, возвелъ глаза вверхъ и повторилъ тихо:

— De l'indicatif, что за ангельскій голосокъ!

Въ кабинетѣ опять царила тишина. Ученица, видно, была занята писаніемъ и только минуту спустя проговорила:

— Bateau (лодка)—не знаю пани, какъ пишется bateau—eau или au?

Отвѣта не было, учительница молчала.

— О! прошепталъ Олесь, плохо что-то дѣло идетъ у моей богини! вѣроятно она не знаетъ, что отвѣтить на вопросъ этой маленькой вострушки... а можетъ быть мечтаетъ... ахъ!

Онъ на цыпочкахъ отошелъ отъ двери и всталъ у окна. Но, едва онъ взглянулъ черезъ стекла на довольно людную и оживленную улицу, вдругъ воскликнулъ:

Что я вижу! панна Мальвина такъ рано уже на улицѣ? Бѣгу, лечу, мчусь!

Говоря это, онъ дѣйствительно мчался къ дверямъ и, отворяя ихъ съ сильнымъ порывомъ, лицомъ къ лицу столкнулся съ Марыней, возвращавшейся въ гостиную.

— Ради Бога, сказала хозяйка дома, отступая въ переднюю,— куда же это ты такъ мчишься? Въ контору, что ли?

— Я увидалъ изъ окна панну Мальвину, поспѣшно напяливая пальто, отвѣчалъ молодой человѣкъ—она направилась къ площади Кра-

синской, навѣрно въ лавки за покупками. Я долженъ непремѣнно быть тамъ съ нею...

— Развѣ ты опасаешься, чтобы панна Мальвина не истратила въ лавкахъ слишкомъ много денегъ, если ты не будешь оберегать ее?..

— Деньги вздоръ! но она можетъ потерять по дорогѣ частичку своего сердца. До свиданія Марыня... кланяйся отъ меня черноглазой богинѣ...

Послѣднія слова онъ проговорилъ уже на лѣстницѣ.

Менѣе нежели черезъ часъ послѣ этого, Марта входила въ свою комнату на чердакѣ. Когда она покидала ее, лицо у нея было оживленное, поступь легкая, она съ улыбкой прижимала къ груди и цѣловала въ лобъ маленькую дочку, уча ее, какъ ей во время ея отсутствія играть съ своей куклой и двумя стульями-калѣками, служащими этой куклѣ постелью и колыбелью; вернулась она медленнымъ шагомъ, съ опущенными глазами и выраженіемъ тяжкаго раздумья на лицѣ. На привѣтственныя восклицанія и объятія ребенка она едва отвѣтила мимолетнымъ безмолвнымъ поцѣлуемъ. Янтя взглянула на мать своими большими, смышлеными глазами. — Мама, сказала она, обнявъ шею матери крохотными рученками,—развѣ тебѣ не дали работы? Ты уже не смѣешься, не цѣлуешь меня, ты опять такая, какой была тогда... тогда, когда тебѣ не давали работы.

Эти два существа различнаго возраста такъ сжились между собой среди нищеты и одиночества, что ребенокъ, по выраженію лица и силѣ поцѣлуя, угадывалъ печаль и тревогу женщины. На этотъ разъ, однако, Янтя разспрашивала напрасно: мать ея подперла голову рукой и впала въ такое глубокое раздумье, что не слыхала даже ея голоса. Однако, минуту спустя Марта встала.

— Нѣтъ, проговорила она тихо, — такъ не можетъ быть! Я научусь, я должна знать! Мнѣ нужны книжки—прибавила она и послѣ минутнаго раздумья отворила маленькій чемоданчикъ, вынула изъ него какую-то вещь, завернула ее въ платокъ и вышла въ городъ. Она вернулась, неся съ собою три книжки. Это были французская грамматика, христоматія и предназначенный для употребленія въ школахъ учебникъ исторіи французской литературы.

Вечеромъ, въ комнатѣ на чердакѣ горѣла маленькая лампа, а при свѣтѣ ея надъ открытой книжкой сидѣла Марта. Она подперла голову ладонями и пожирала глазами страницы книжки, запутанныя грамматическія правила, тысячи загадокъ одного изъ труднѣйшихъ въ мірѣ правописаній, переплетались передъ глазами ея, какъ пряди спутанныхъ нитей, какъ лабиринтъ научныхъ указаній и правилъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ,

или же все равно что неизвѣстныхъ, потому что забытыхъ. Марта сосредоточила всю мощь своего соображенія, всѣ силы своей памяти, чтобы въ теченіе одного вечера, одной ночи понять, запомнить, усвоить себѣ то, усвоеніе чего требуетъ труда долголѣтняго, медленнаго, систематическаго, терпѣливаго, веденнаго логически, постепенно заканчивающагося ученія. Бѣдная женщина думала, что напряженное лихорадочное усиліе способно вознаградить умъ за годы застоя, что жалкая настоящая минута можетъ сравняться на чашѣ вѣсовъ съ цѣлымъ прошлымъ и перевѣситъ его, что безграничное стремленіе имѣетъ въ жизни одинаковое значеніе съ возможностью. Она заблуждалась. Однако, она не могла долго заблуждаться. Ея усилія изнывали въ лихорадкѣ, утомляли тѣло и душу, самымъ напряженіемъ своимъ дѣлали невозможнымъ всякій успѣхъ; настоящее, насквозь проникнутое мучительной тревогой, вливало еще смутную, но уже мучительную горечь въ сердце женщины, которая, покинутая всѣми на свѣтѣ, начинала понимать, что она обманулась въ самой себѣ, что она менѣе всего была расположена къ занятіямъ, для которыхъ, чтобы они принесли обильные плоды, нужно спокойствіе. Самыя сильныя желанія, самыя страстныя стремленія души, самые пылкія порывы воли не могли добиться того, чтобы несвѣдущій умъ сразу проникъ тайны науки, чтобы неразвитыя упражненіемъ память и соображеніе гнулись какъ тонкія струны, какъ молніи описывали быстрые круги, какъ воскъ, размягченный въ огнѣ горнила, воспринимали бы въ себя то, чѣмъ ихъ питали.

Марта не могла долго заблуждаться, но, заглушая въ себѣ внутренній разладъ, она всей силой своего ума и воли, цѣплялась за мысль: выучусь! точно такъ же, какъ потерпѣвшій крушеніе, борясь съ морскими волнами изо всѣхъ силъ своихъ, обѣими руками цѣпляется за единственную доску, опора которой вызываетъ въ его головѣ мысль: удержусь на поверхности.

Теперь, какъ и прежде въ теченіе длинныхъ осеннихъ ночей, на подобіе бушующаго моря, гудѣлъ и безконечной гаммой возвышался и понижался таинственный гулъ большого города; но Марта уже не слушала его, боялась слушать, потому что онъ пронизывалъ ее тѣмъ неопредѣленнымъ ужасомъ, который охватываетъ человѣческое существо, чувствующее, что оно безпомощно упадаетъ въ стихію могучую, невѣдомую, бездонную.

Теперь, въ полночный, часъ, она расхаживала по комнатѣ, освѣщенной блѣднымъ лучомъ лампы, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ опущенными на плечи черными косами, съ нервно сплетенными руками, съ губами шепчущими, непрерывно шепчущими иностранныя слова, почерпнутыя изъ той книжки, которая, раскрытая подъ отблескомъ лампы,

пестрѣла какъ иглами рядами тысячъ окончаній, знаковъ, цифръ, обозначающихъ правила, исключенія. Эта книжка была произведеніемъ Шапсаля и Ноеля, обучающимъ многимъ тайнамъ утонченной французской рѣчи. Слова, повторяемыя устами Марты съ сумерекъ до полночи, часто съ полночи до утренняго разсвѣта, были тѣ скучныя склоненія и спряженія, надъ которыми на земномъ шарѣ ежедневно зѣваютъ тысячи дѣтей.

Но Марта не зѣвала. Сухіе и однообразные звуки, наполняющіе эхомъ зѣвоты стѣны школъ, въ ея устахъ имѣли трагическое значеніе. Она боролась съ ними и съ собой, съ своимъ соображеньемъ, съ памятью неразвитой упражненьемъ, съ мыслью, улетающей куда-то, съ нетерпѣньемъ, вызывающимъ нервную дрожь въ тѣлѣ. Она боролась со всѣмъ, что было около нея, а главное съ тѣмъ, что было въ ней самой, и изъ этой упорной борьбы не извлекала ничего или почти ничего.

Она дѣлала медленные, очень медленные успѣхи; завтрашній день уничтожалъ и часто погружалъ въ пропасть забвенья то, что ей удалось съ тяжкимъ трудомъ пріобрѣсти вчера, знаніе приближалось и удалялось, давало крошечку пользы, а отнимало много силъ и времени. Марта ломала руки, неподвижная, какъ статуя, съ окаменѣлымъ лицомъ просиживала по цѣлымъ часамъ надъ книжкой; вставала, лихорадочными шагами пробѣгала по комнатѣ, пила холодную воду, погружала въ нее лобъ и глаза и опять училась, чтобы на слѣдующій день, проснувшись, сказать себѣ: я еще ничего не знаю!

— Времени! времени!—взывала иногда мысленно молодая женщина, вычисляя сколько строфъ она можетъ выучить въ день или сколько страницъ въ недѣлю.—Если бы у меня было въ распоряженіи два года, годъ, хоть бы нѣсколько мѣсяцевъ времени!

Но время, такъ щедрое для нея когда-то, въ минуты бездѣятельности и отдыха, погоняло ее теперь страхомъ голода, холода, стыда, нужды. Она жаждала имѣть въ своемъ исключительномъ распоряженіи, хоть бы одинъ годъ, но и завтра уже не принадлежало ей. Завтра она обязана была уже знать все, чему едва можно было выучиться въ цѣлый годъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—была обязана, если не хотѣла, чтобы изъ ея руки выпало орудіе заработка. Та пора, въ которую эта женщина начинала борьбу за существованіе свое и своего ребенка, не была уже для нея порой, благопріятствующей ученію; однакоже она училась.

Мѣсяцъ протекалъ съ того дня, когда молодая вдова первый разъ входила въ хорошенькую квартиру на Св. Юрьевской улицѣ. Хозяйка этой квартиры всегда встрѣчала ее привѣтливо, обращалась съ ней дружески, даже сердечно, но къ сердечности этой примѣшивался все болѣе и болѣе

очевидный оттѣнокъ безмолвнаго состраданья, даже порой замѣшательства, принужденья, сдерживающаго на губахъ слова, которыя трудно произнести. Маленькая Ядзя по отношенью къ своей учительницѣ неотступно придерживалась вѣжливости благовоспитаннаго ребенка, но въ подвижныхъ, полныхъ жизни глазахъ ея мелькала иногда шутливая искорка, по свѣжимъ губкамъ пробѣгала плутовская, правда, быстро сдерживаемая улыбка, тѣмъ не менѣе, однако, изобличающая внутреннее довольство или изумленье ученицы, подстерегшей печальную тайну невѣжества своей учительницы, говорящей себѣ въ душѣ:—вѣдь я знаю больше ея!

Насталъ день, когда Марта должна была получить отъ матери своей ученицы плату за мѣсяцъ труда. Марія Рудзинская сидѣла въ гостиной съ работой въ рукѣ, которую, однако она въ раздумьи опустила на колѣни. Обыкновенно ясный лобъ счастливой женщины въ этотъ день былъ слегка пасмуренъ, красивые глаза ея съ выраженьемъ грусти устремлялись на запертыя и закрытыя портьерами двери кабинета.

— Можно ли узнать, что привело дорогую сестру мою сегодня въ такое мрачное настроенье? послышался у окна мужской голосъ.

Марія обернулась къ говорящему.

— Я дѣйствительно очень огорчена, Олесю, и прошу тебя сообразаться съ этимъ настроеньемъ и не выводить меня изъ терпѣнья никакими шутками...

— О! о! о! о! проговорилъ молодой человѣкъ, складывая газету, которою онъ до той поры заслонялъ себѣ лицо. Что случилось? Неужели статью, начертанную талантливымъ перомъ моего зятя не приняли въ редакціи? Или у маленкой Ядзи кончикъ носика заболѣлъ? Или пирожное изъ яблокъ не хорошо испеклось? Или... Молодой человѣкъ задавалъ эти вопросы со свойственнымъ ему комическимъ пафосомъ въ голосѣ; вдругъ онъ замолкъ, однако, всталъ и подойдя къ сестрѣ, усѣлся подлѣ нея, съ минуту смотрѣлъ ей въ лицо съ болѣе долгимъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ, нежели можно было ожидать отъ такого подвижного и разсѣяннаго существа.

— Нѣтъ, проговорилъ онъ минуту спустя,—это не статья и носикъ Ядзи, и не пирожное. Ты, Марія дѣйствительно огорчена чѣмъ-то важнымъ. Въ чемъ же дѣло?

Послѣднія слова онъ произнесъ съ неподдѣльной нѣжностью въ голосѣ. При этомъ онъ взялъ руку двоюродной сестры и прижалъ ее къ губамъ.

— Ну—сказалъ онъ, заглядывая ей глаза,—что же такъ огорчаетъ тебя, скажи?

Въ эту минуту этотъ вѣчно смѣющійся человѣкъ казался парнемъ добрымъ и искренно привязаннымъ къ своей двоюродной сестрѣ. Зато и Марія дружески посмотрѣла на него.

— Я знаю, что у тебя доброе сердце, Олесю, и что моя печаль искренно огорчаетъ тебя. Я рада бы тебѣ ее высказать, но боюсь вызвать твои шуточки.

Олесь выпрямился и приложилъ руку къ сердцу.

— Говори смѣло, сестра! — проговорилъ онъ. — Я буду слушать тебя съ сердечностью священника, сидящаго въ исповѣдальнѣ, и съ чувствомъ брата, для котораго ты нерѣдко была добрымъ ангеломъ и духовникомъ... Я буду слушать тебя съ готовностью на все... если тебѣ захотѣлось деревца пѣвучаго, или птички говорящей, я пойду за ними за горы и за моря... Если у Ядзуни заболѣлъ носикъ или ротикъ, я тотчасъ созову всѣхъ докторовъ, какіе только спятъ и ѣдятъ въ Варшавѣ... Если тебя кто оскорбилъ... Я вызову на поединокъ, или... или палкой отдую; а что я все это сдѣлаю и выполню—клянусь всѣми прекрасными глазами моихъ богинь... памятью дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ съ тобой, Марія, закоптѣлыми стѣнами моей конторы и клѣтками моего сердца, въ которыхъ течетъ одна кровь съ твоей, сестра!

Пока молодой человѣкъ говорилъ все это, его натура хамелеона придавала его лицу и позѣ такіе различные и быстро смѣняющіеся оттѣнки легкомысленной вѣтренности, сердечнаго чувства, преувеличеннаго паѳоса и дѣйствительной готовности къ самоотверженію, что Маріи, очевидно, хотѣлось и сердиться, и смѣяться, и пожать руку этому вѣтренику, который, однако же, напоминалъ ей годы дѣтства, проведенные вмѣстѣ съ нимъ и одну кровь, текущую въ ихъ жилахъ.

— Впрочемъ, это не такое необычайно важное событіе — сказала она послѣ минутнаго колебанія, — ничего такого, что могло бы повліять на судьбу мою или близкихъ мнѣ лицъ. Но мнѣ страшно жаль бѣдной женщины, которая въ настоящую минуту тамъ, за этими дверьми...

— А, значитъ тутъ дѣло идетъ о черноглазой богинѣ? Ну! Слава Богу! Я вздохнулъ свободнѣе... я уже въ самомъ дѣлѣ думалъ, что какое нибудь несчастіе...

— Это дѣйствительно несчастье, только она касается не насъ, а ея...

— Дѣйствительно несчастье? ну, такъ навѣрно и я пожалѣю уже чуточку эту интересную вдову. Но что же могло съ ней случиться? развѣ покойникъ мужъ приснился ей? или...

— Перестань шутить, Олесь! Эта женщина, какъ я вижу, несчастнѣе, чѣмъ я думала раньше... бѣдная, и кажется ничего не знаетъ.

Олесь широко открылъ глаза.

— Ничего не знаетъ, и въ этомъ все несчастіе! ха, ха, ха! beau malheur, ma foi! (хорошо несчастье, клянусь Богомъ) такая молодая и красивая...

Онъ внезапно умолкъ, потому что пунсовая портьера отдернулась и въ гостинную вошла Марта. Она вошла, сдѣлала шага два и остановилась опершись рукой о спинку кресла. Она была очень хороша въ эту минуту. Какая-то тяжелая борьба, можетъ быть послѣдній исходъ борьбы давно бушующей въ ея груди, покрылъ щеки ея яркимъ румянцемъ; за минуту или за двѣ, въ припадкѣ какого-нибудь сильнаго отчаянья она должно быть запустила руки въ густую гриву своихъ черныхъ волосъ, потому что двѣ черныя, какъ смоль и курчавыя пряди ихъ падали теперь на лобъ ея, мертвенной блѣдностью, почти мрачно отличающійся отъ румянца покрывающаго щеки. Когда она стояла слегка склонивъ голову и наполовину опустивъ глаза, поза ея не выражала ни колебанья, ни униженья, а только глубокое, окончательное раздумье.

Достаточно было бросить на нее одинъ взглядъ, чтобы угадать, что она отваживалась въ эту минуту на нѣчто, имѣющее громадное значеніе для нея, на какой-то шагъ, котораго она не могла сдѣлать безъ великаго усилія, безъ сосредоточенья всѣхъ способностей своей воли. Наконецъ, она подняла голову и подошла къ хозяйкѣ дома.

— Урокъ уже оконченъ? проговорила Марія, которая при входѣ молодой вдовы встала и старалась непринужденно улыбнуться.

— Да, пани, слегка пониженнымъ, но увѣреннымъ голосомъ отвѣчала Марта. Я окончила сегодняшній урокъ паннѣ Ядвигѣ и пришла заявить вамъ, пани, что онъ былъ послѣднимъ. Я не могу долѣе учить вашей дочери, пани...

На лицѣ Маріи Рудзинской выражались: удивленье, печаль и замѣшательство; послѣднее превышало остальныя. Сердце доброй женщины не позволило ей въ присутствіи этого добровольнаго отказа произнести тѣ слова, о произнесеніи которыхъ, однако, она сама думала давно...

— Вы не будете уже учить моей дочери, пани? спросила Марія, запинаясь,—почему?

— Потому, медленно и тихо отвѣтила Марта:—потому, что я не умѣю учить.

Говоря это, она опустила глаза; румянецъ, покрывавшій ея щеки, поднялся на лобъ и придалъ всему лицу выраженіе подавляющаго стыда.

— Я обманулась въ самой себѣ, продолжала она: — обѣднѣвъ, я поняла, что должна трудиться... я видѣла, слышала, что бѣдныя или обѣднѣвшія женщины большей частью становятся учительницами... такъ

что я думала, что и я тоже въ этой профессіи найду себѣ работу и хлѣбъ... Мнѣ сказали, что я способна учить только одному французскому языку; дѣйствительно, я думала, что владѣю этимъ языкомъ, потому что говорю на немъ правильно и легко. Теперь я убѣдилась, что хорошо говорить—это еще не значитъ въ совершенствѣ знать языкъ, что я никогда не училась ему основательно, а тѣ небольшія познанія, которыя пріобрѣла въ дѣтствѣ, забыла... Это были отрывочныя, случайныя, неясно усвоенныя знанія, значитъ не удивительно, что они улетучились изъ моей памяти. Иностранка, которая до сихъ поръ давала уроки вашей дочери, пани, была превосходной учительницей. Панна Ядвига знаетъ гораздо больше, чѣмъ я...

Она умолкла на минуту, точно ей понадобилось снова собраться съ силами.

— Заработокъ, конечно, очень важная вещь для меня, сказала она; — тѣмъ не менѣе, однако, когда я убѣдилась, что не могу скоро выучиться всему тому, что мнѣ надо знать, я рѣшила, что не должна поступать противъ моей совѣсти... Вѣдь, заключая со мною условіе, вы, пани, сказали мнѣ, что прежде всего—и почти исключительно—требуете отъ учительницы своей дочери, чтобы ея преподаваніе было широкимъ и основательнымъ, чтобы оно охватывало всѣ отрасли предмета... Я даже мечтать не могу о такомъ преподаваніи... Притомъ же вы были такъ добры ко мнѣ, пани, что я была бы не только не честной, но еще и не благодарной, если бы...

Тутъ Марія уже не позволила несчастной женщинѣ продолжать. Она схватила обѣ руки ея и, сжимая ихъ крѣпко въ своихъ ладоняхъ, сказала:

— Милая, дорогая моя! я, конечно, не могу оспаривать того, что вы говорите о самой себѣ; но, повѣрьте, что мнѣ очень, очень грустно разставаться съ вами... Можетъ быть, я могу быть въ чемъ-нибудь полезна вамъ... у меня есть знакомства, связи...

— Пани, сказала Марта, поднявъ глаза: — единственное мое желаніе — добиться возможности работать...

— Но какъ и чѣмъ хотѣли бы вы и могли бы заняться? поспѣшно спросила хозяйка дома.

Марта долго молчала.

— Не знаю, отвѣтила она, наконецъ, тихимъ голосомъ: — не знаю, что я умѣю дѣлать, умѣю ли я хорошенько дѣлать что-нибудь!

При послѣднихъ словахъ вѣки ея опустились, въ голосѣ задрожало глубокое униженіе.

— Можетъ быть, вы желаете давать уроки музыки, пани? Одна изъ моихъ родственницъ, какъ разъ въ настоящее время ищетъ когонибудь, кто бы давалъ уроки музыки ея дочери.

Марта отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, пани, сказала она:—въ музыкѣ я еще въ десять разъ слабѣе, нежели во французскомъ языкѣ.

Марія задумалась. Однако, она не выпускала руки Марты изъ своихъ рукъ, точно она опасалась, чтобы эта женщина не ушла отъ нея, не получивъ ни совѣта, ни помощи.

— Можетъ быть, проговорила она, минуту спустя:—можетъ быть, вы, пани, хоть чуточку занимались науками естественными, мой мужъ воспитываетъ одного мальчугана, которому съ трудомъ дается ученіе въ школѣ, слѣдовательно, для подготовки его, для репетированія...

— Пани, прервала Марта: — мои свѣдѣнія въ области естествовѣдѣнія, такъ отрывочны, что можно сказать, что у меня ихъ почти вовсе нѣтъ...

Она нѣсколько колебалась и минуту спустя прибавила:

— Я умѣю чуточку рисовать. Если вы знаете кого-нибудь, пани, кому бы понадобились уроки рисованія...

Марія, послѣ минутнаго раздумья, отрицательно покачала головой.

— Это, сказала она:—всего труднѣе... Очень мало людей учатся рисованію, а къ тому же еще, ему обучаютъ преимущественно мужчины... Таковъ уже обычай.

— А слѣдовательно, начала Марта, пожимая руку хозяйки дома:— мнѣ остается только проститься съ вами, пани, и поблагодарить за доброту и радушіе, съ которыми вы относились ко мнѣ.

Марія протянула руку за изящнымъ конвертомъ, въ которомъ виднѣлось два кредитные билета, но въ эту минуту кто-то сбоку дернулъ ее за рукавъ. Это былъ веселый Олесь, который впродолженіе всего разговора стоялъ вдалекѣ, въ очень скромной позѣ и съ вовсе не веселымъ выраженіемъ лица. Глаза его, на половину съ восхищеніемъ, на половину съ искреннимъ состраданіемъ, были устремлены на молодую вдову, не обращавшую ни малѣйшаго вниманія на его присутствіе. Можетъ быть, входя въ гостиную, она видѣла его, но что ей было за дѣло до того, что одинъ лишній человѣкъ являлся свидѣтелемъ ея унизительнаго признанія, если самой страшной и неразлучной съ нимъ свидѣтельницей была она сама? Что ей за дѣло было до предположенія, что чьи-то глаза смотрятъ на нее въ ту минуту, когда собственный взглядъ ея съ ужасомъ заглядывалъ въ глубину ея собственной безпомощности, въ бездонную пропасть ожидающей ее дали? Марта, слѣдовательно, не обращала

вниманія на присутствіе молодого человѣка. Марія забыла о нёмъ и, чувствуя, что кто-то слегка дергаетъ ее за рукавъ, обернулась слегка удивленная. Она еще болѣе удивилась при видѣ лица Олеся. Подвижные глаза его были теперь преисполнены грусти, губы, обыкновенно обрамныя легкомысленной улыбкой, приняли очертанія кроткія и даже какъ бы чуточку серьезныя.

— Марыня! сказалъ тихо молодой человѣкъ: — твой мужъ работаетъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ, можетъ быть, тамъ понадобится кто-нибудь, кто умѣетъ рисовать...

Марія хлопнула въ ладоши.

— Ты правъ! воскликнула она,—я спрошу объ этомъ мужа...

— Но надо сдѣлать это тотчасъ! воскликнулъ Олесь уже со свойственной ему живостью.—Сегодня именно засѣданіе въ редакціи...

— И мой мужъ на засѣданіи...

— На засѣданіи можно бы легче всего разузнать объ этомъ...

— Я сейчасъ напишу моему мужу...

— Но зачѣмъ тутъ писать! Это слишкомъ долго; я пойду и вызову Адама изъ засѣданія...

— Ступай, ступай, Олесю!..

— Иду, лечу, мчусь! воскликнулъ молодой человѣкъ, схватилъ шляпу и, съ необычайной поспѣшностью надѣвая ее на голову еще передъ порогомъ, забывъ проститься съ двумя женщинами, выбѣжалъ въ переднюю. Тамъ онъ накинулъ пальто на плечи и воскликнулъ еще разъ: — Бѣгу, мчусь, лечу!

Дѣйствительно, онъ бѣжалъ, мчался и летѣлъ съ лѣстницы точно такъ же, какъ мѣсяцъ тому назадъ, когда онъ спѣшилъ догнать увидѣнную имъ изъ окна молоденькую красавицу. Марія не ошиблась, приписывая своему двоюродному брату доброе сердце, поэтому-то съ своего рода удовольствіемъ проводила его глазами до порога, потомъ тотчасъ опять обернулась къ Мартѣ. Молодая вдова стояла неподвижно, съ еще болѣе яркимъ, нежели прежде, румянцемъ на щекахъ. Она не могла не видѣть, что она возбуждала состраданіе не только въ этой женщинѣ, которая за минуту пожимала ея руки, но и въ этомъ молодомъ человѣкѣ, почти незнакомомъ ей, потому что она едва раза два видѣла его мимоходомъ. Первый разъ въ жизни своей, она была предметомъ людского состраданія, чуть ли не сама вызвала его, она не могла уклониться отъ него, оттолкнуть его, побуждаемая крайностью положенія; однако же, это чувство, выказываемое къ ней, само по себѣ доброе, подавляющей тяжестью обрушилось ей на голову и пригибало ее къ землѣ. Она не была довольна собой, своимъ разговоромъ съ Маріей, который, у людей совер-

шенно чужихъ ей, вызвалъ изъявленія состраданія къ ней... У нея мелькала въ головѣ мысль, что она должна была быть болѣе сильной, скрытной, сдержанной; она ощущала такое чувство, точно въ эту минуту она утратила частицу своего личнаго, человѣческаго достоинства, точно она первый разъ протянула руку за милостыней. Когда сестра и братъ обмѣнивались между собой живыми словами, имѣвшими ее въ виду, когда молодой человѣкъ выбѣгалъ изъ комнаты, чтобы обратиться куда-то къ незнакомымъ, никогда не встрѣченнымъ ею людямъ, съ просьбою отъ ея имени, въ ней явилось безграничное желаніе уйти, — уйти тотчасъ, заплатить за минуту состраданія словомъ благодарности, но не принять милостыни, и сказать:

— Я надѣюсь, что сама пробью себѣ путь.

Это желаніе было сильно, задержало голосъ въ груди молодой женщины, кровь волной хлынула ей въ голову, однако же, она не поддалась ему, не ушла, а стояла неподвижно съ склоненной головою и сплетенными руками. Въ самой отдаленной глубинѣ существа ея слышался мрачный шепотъ: не надѣюсь, что мнѣ удастся пробить себѣ путь, не могу довѣрять себѣ! Это было зарождающееся сознаніе собственной безпомощности. Подъ вліяніемъ этого чувства, выросталъ въ ней стыдъ, неопредѣленный, но мучительный.

„Если бы я была одна на свѣтѣ!.. думала она.—Если бы у меня не было ребенка".

— Скажите мнѣ, пани, проговорила Марія: — какимъ образомъ я могу васъ увѣдомить о результатѣ тѣхъ стараній, которыя я и мой мужъ употребимъ для того, чтобы найти вамъ занятіе?.. Вы, можетъ быть, оставите намъ свой адресъ, пани?

Марта размышляла съ минуту.

— Если вы позволите, пани, отвѣтила она, — я сама приду сюда за свѣдѣніями.

Сначала она хотѣла дать свой адресъ, но у нея промелькнула въ головѣ мысль, что молодая, счастливая женщина можетъ забыть о ней. Ее стыдило состраданіе, предметомъ котораго она была, но ее еще болѣе пугало страшное предположеніе, что надежда на заработокъ, мелькнувшая передъ ея глазами, исчезнетъ снова и оставитъ ее въ жестокой неувѣренности, неопредѣленности положенія.

— Заработокъ! Какое же это прозаическое, пошлое, чисто земное слово! воскликните вы, можетъ быть, читатели.—Если бы на мѣстѣ его тутъ была какая-нибудь пылкая любовь, сердечная тоска, возвышенныя мечты, чувства и мысли молодой женщины вращались бы въ свойственномъ имъ кругѣ нравственныхъ явленій, она возбуждала бы бо́льшую

симпатію, болѣе сильное сочувствіе! Можетъ быть, не знаю. Достовѣрно то, что Марта думала или предчувствовала, что единственнымъ обезпеченіемъ жизни и здоровья единственнаго на землѣ предмета ея любви, ребенка ея, утѣшеньемъ въ тоскѣ, которою наполненны были одинокіе углы этой бѣдной комнаты,—не возвышенности уже, но чистоты и честности ея мечтаній и мысли былъ—трудъ, приносящій заработокъ. Марта ошибалась, можетъ быть; только ея будущее могло доказать справедливость или ошибочность этого ея мнѣнія.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими словами, Марта Свицкая простилась съ хозяйкой дома. Марія опять протянула руку за конвертомъ съ лиловыми краями.

— Пани, сказала она съ легкимъ замѣшательствомъ, — вотъ сумма, которую я должна вамъ за то, что вы цѣлый мѣсяцъ учили мою дочь.

Марта не протянула руки.

— Мнѣ ничего не слѣдуетъ, сказала она,—потому что я ничему не научила вашей дочери.

Марія Рудзинская хотѣла настаивать, но Марта схватила ея руку, крѣпко сжала ее въ своихъ ладоняхъ и поспѣшно оставила комнату.

Почему уходила она такъ поспѣшно? Можетъ быть она хотѣла избѣгнуть, первый разъ въ жизни, испытываемаго дурного искушенія? Она чувствовала, что предлагаемыя ей деньги не принадлежали ей, что она ничѣмъ ихъ не заработала, развѣ только безплодными добрыми намѣреньями, что если бы она ихъ приняла, то она совершила бы безчестный поступокъ, за то она и не взяла ихъ; но когда въ сумерки, изъ бережливости не зажигая въ комнатѣ лампы, при тускломъ свѣтѣ потухающаго дня, она открыла свой бумажникъ и пересчитала находящуюся въ немъ мелочь, когда она подумала, что кромѣ этихъ денегъ, которыхъ едва могло хватить дня на два, у нея уже нѣтъ никакихъ другихъ и что это остатокъ отъ суммы, вырученной продажей одного изъ ея двухъ платьевъ, когда маленькая Янтя, прижимаясь къ ея колѣнямъ, пожаловалась на стоявшій въ комнатѣ холодъ и попросила развести огонь въ печи, а она должна была отказать ей въ этомъ, потому что запасъ дровъ уже очень истощился, а теперь она не могла и мечтать объ увеличеніи его, когда, наконецъ, ее охватилъ ночной мракъ, усиливающій печаль, превращающій безпокойство въ тревогу, передъ глазами ея, вызванный какой-то таинственной силой воображенія, промелькнулъ изящный конвертъ, украшенный лиловыми краями съ тремя пятирублевками внутри. Марта вскочила съ мѣста и зажгла лампу.

Призракъ незаработанныхъ денегъ исчезъ вмѣстѣ съ тьмой, но въ умѣ Марты онъ оставилъ по себѣ слѣдъ глухого ужаса.

— Можетъ ли это быть, воскликнула она,—что я сожалѣю о томъ, что не поступила безчестно?

Эта глубоко пристыживающая мысль возбудила въ ней реакцію души, новое напряженье упавшей на минуту энергіи.

Мнѣ кажется, сказала она себѣ,—что я напрасно тревожусь такъ сильно. Вѣдь мнѣ обѣщали новое занятіе... все-таки же я не дурно рисовала, когда-то во мнѣ находили даже довольно большія способности къ рисованію... эту задачу, если мнѣ только дадутъ ее выполнить, я навѣрно уже выполню хорошо! Боже мой! какъ же усердно я буду стараться, чтобы уже на этотъ разъ работа не выскользнула у меня изъ рукъ. А что доставятъ мнѣ ее люди, чужіе изъ состраданья, изъ сочувствія,—что же изъ этого? Это не должно меня унижать! Я еще слишкомъ горда! Правда, я слышала не разъ, что гордость можетъ итти рука объ руку съ бѣдностью; но это должно быть только въ теоріи, я убѣждаюсь, что на дѣлѣ это иначе!

Эта послѣдняя мысль вновь явилась въ головѣ Марты, когда на слѣдующій день утромъ она спускалась внизъ и робко стучалась въ двери управляющаго домомъ.

Управляющій принялъ ее въ хорошо отопленной и удобно обставленной комнатѣ.

— Пане, сказала Марта,—черезъ два дня настанетъ срокъ, въ который я обязана уплатить за квартиру и за мебель.

— Да, пани, тономъ подтвержденія и вмѣстѣ съ тѣмъ вопроса отвѣчалъ управляющій.

Я пришла извѣстить васъ, что я еще не буду въ состояніи внести этой платы.

На лицѣ управляющаго при этихъ словахъ выразилось нѣкоторое, довольно явное, неудовольствіе. Однако, это былъ не слишкомъ суровый человѣкъ, лицо у него было честное, кроткое и носящее слѣды долгихъ пережитыхъ лѣтъ и многихъ извѣданныхъ заботъ. Онъ внимательно взглянулъ въ лицо молодой женщины и послѣ минутнаго раздумья отвѣтилъ:

— Это очень непріятно... но что же дѣлать? Квартира, которую вы нанимаете, пани, не велика, и я полагаю, что хозяинъ дома не откажетъ вамъ при первой неаккуратности въ платежѣ. Еслибы она повторилась однако...

Пане!—съ живостью прервала Марта,—мнѣ обѣщана работа, которая, я полагаю, доставитъ мнѣ средства къ жизни. — Управляющій

молча поклонился, Марта, вспыхнувъ и опустивъ глаза, вышла на улицу. Вскорѣ она вернулась въ свою комнату, принеся въ платкѣ различные предметы, купленные въ городѣ. Она не могла уже брать обѣдовъ изъ кухмистерской, упрекала даже себя, что брала ихъ до сихъ поръ, такъ какъ истратила на нихъ больше, нежели могла тратить. О себѣ она мало думала; при тѣхъ заботахъ, которыя на нее нахлынули, и той цѣли, къ которой она стремилась, количество и родъ пищи, которая должна поддерживать ея силы, не могли занимать большого мѣста въ ея размышленіяхъ. Она полагала, что стаканомъ молока и двумя булками въ день ей удастся нѣсколько времени достаточно поддерживать свои силы. Но маленькая Янтя, нерѣдко дрожавшая отъ холода въ плохо отопленной комнатѣ, нуждалась непремѣнно, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ день, въ горячей пищѣ.

Поэтому-то молодая вдова, на оставшіеся у нея нѣсколько рублей запаслась небольшимъ количествомъ масла, крупы и горшечкомъ.

— Вмѣсто того, чтобы разводить огонь съ утра, я буду теперь топить въ полдень, думала она и заразъ состряпаю для Янти что нибудь горячее.

Она не могла также свыкнуться съ мыслью, что ребенокъ ея не будетъ ѣсть мяса. И безъ того уже дѣвочка была блѣдна, хрупка, истомлена различными неудобствами, которыхъ она не испытывала прежде.

Но свѣжее мясо стоитъ дорого, для того же, чтобы состряпать изъ него кушанье, приходится жечь много дровъ. И вотъ Марта купила фунтъ ветчины; пока она закупала все это, ей вспомнились дешевыя столовыя. Она слышала о нихъ когда-то, тогда, когда она была еще женой чиновника, получающаго значительное жалованье и сама щедро участвовала въ сборахъ, устраиваемыхъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій. Однако, кромѣ того, что дешевая столовая въ ея настоящемъ положеніи могла оказаться все же слишкомъ дорогой для нея, Марта чувствовала инстинктивное, непреодолимое отвращеніе прибѣгнуть къ покровительству какого нибудь благотворительнаго учрежденія.

— Это существуетъ для старцевъ, думала она, — для больныхъ, калѣкъ, для дѣтей, наконецъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, или людей окончательно безпомощныхъ, или ставшихъ безпомощными нравственно и умственно.

Я молода и здорова, я не пробовала дѣлать еще многаго такого, что я, можетъ быть, сумѣю сдѣлать, а что мнѣ не удалось найти заработка въ одной профессіи, такъ неужели же изъ за этого мнѣ прибѣгать къ общественной благотворительности? Никогда! воскликнула она

мысленно и, открывъ опять свой бумажникъ, пересчитала оставшуюся въ немъ послѣ покупокъ мелочь. Тамъ еще было около трехъ рублей; этого еще хватитъ въ продолженіи недѣли на булки и на молоко для меня и для Янти—думала она, а тѣмъ временемъ эти добрые люди навѣрно найдутъ мнѣ работу...

Знакомые Марты, живущіе въ св. Юрьевской улицѣ, были дѣйствительно людьми очень добрыми и искренно хлопотали помочь бѣдной женщинѣ, возбуждавшей въ нихъ сочувствіе, соединенное съ уваженіемъ.

Этимъ почтеннымъ усиліямъ много содѣйствовало счастливое положеніе, которое мужъ Маріи Рудзинской занималъ въ одномъ изъ богатѣйшихъ и могущихъ занять наиболѣе рукъ варшавскихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Онъ былъ давнишнимъ, заслуженнымъ и высокочтимымъ сотрудникомъ этого журнала, голосъ его, какъ у издателя, такъ и на засѣданіяхъ редакціи значилъ много, его заступничество за кого-нибудь, слово просьбы, произнесенное имъ, не могло остаться въ пренебреженіи, къ тому же еще Адамъ Рудзинскій былъ писателемъ, посвятившимъ себя почти исключительно разработкѣ общественныхъ вопросовъ, а въ числѣ ихъ и вопроса о положеніи бѣдныхъ женщинъ въ обществѣ. Марту онъ нѣсколько разъ видѣлъ у себя въ домѣ, когда она давала уроки его дочери, а интересная наружность молодой женщины, ея изящный нарядъ, полныя достоинства манеры, въ соединеніи съ ея благороднымъ поступкомъ, о которомъ Марія разсказала ему съ увлеченіемъ, еще усилили усердіе его стараній.

Эти старанія имѣли быстрый и удачный результатъ.

Еще одна пара рукъ оказалось была не лишней для журнала, требующаго обширнаго сотрудничества, и теперь вопросъ шелъ уже только о степени умѣлости новой работницы, что и должно было рѣшить, будетъ ли ея просьба принята или отвергнута.

Однако, хотя хлопоты Адама Рудзинскаго, если мы примемъ въ соображеніе сущность дѣла, увѣнчались очень быстрымъ результатомъ, Но для Марты, въ ея положеніи онѣ продолжались очень долго. Съ того дня, когда она добровольно отказалась отъ занятій учительницы протекла недѣля, тощіе денежные запасы молодой вдовы почти совсѣмъ истощились, кромѣ того вынужденная бездѣятельность страшно тяготила ее, лишала сна и тревожила ея совѣсть. Марта, выйдя однажды утромъ въ городъ, отправилась на Долгую улицу и постучалась въ справочную контору. Людвика Жминская приняла ее гораздо холоднѣе и оффиціальнѣе прежняго.

— Я слышала, сказала она,—что вы, пани, уже не даете уроковъ въ домѣ Рудзинскихъ. Это жаль, это очень жаль, какъ для васъ,

пани, такъ и для меня, потому что отъ мнѣнія такихъ домовъ зависитъ большею частью репутація заведеній, подобныхъ моему.

Марта залилась румянцемъ, она поняла упрекъ, заключающійся въ словахъ хозяйки конторы. Однако, она быстро подняла голову и сказала съ выраженіемъ откровенности:

— Извините меня, пани, что я заставила васъ разочароваться.

— Разочарованіе, испытанное мной, имѣетъ тутъ очень мало значенія, прервала Жминская,—но если люди обманутся въ моихъ словахъ, то моя контора отъ этого сильно пострадаетъ.

— Я ввела васъ въ заблужденіе, пани, продолжала Марта,— потому что ошиблась въ себѣ самой. Панна Рудзинская была для меня ученицей, слишкомъ далеко подвинувшейся въ знаніи. Я полагаю, однако, что если бы дѣло шло о начальномъ обученіи, то я, можетъ быть, съумѣла бы выполнить задачу. Съ этой мыслью я пришла еще разъ къ вамъ, пани. Не могу ли я достать уроковъ для первоначальнаго обученія?

Обращеніе Людвики Жминской было очень холодно.

— Лицъ, ищущихъ начальныхъ уроковъ, гораздо больше, нежели тѣхъ, кто нуждается въ нихъ, отвѣтила она минуту спустя съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ,—конкурренція громадная, поэтому цѣны очень низкія: двадцать копѣекъ, самое большее — рубль за урокъ....

— Я согласилась бы на всякую плату, проговорила Марта.

— Конечно, приходится согласиться, если иначе не можетъ быть. Однако, я ничего не обѣщаю вамъ, пани. Увижу, постараюсь... во всякомъ случаѣ, всѣ извѣстныя мнѣ мѣста въ настоящее время заняты, и вамъ придется долго ждать.

Пока хозяйка конторы произносила эти слова, Марта смотрѣла на нее пристально. Ея печальные, задумчивые, но спокойные глаза искали, можетъ быть, въ лицѣ немолодой женщины того отблеска пробивавшагося чувства и доброжелательности, который мелькнулъ на немъ, когда она была тутъ въ первый разъ; но Жминская сегодня была непоколебимой, холодной и оффиціальной. Мартѣ припомнились слова, которыя она два мѣсяца тому назадъ услышала изъ ея устъ:

„Женщина только тогда можетъ проложить себѣ путь къ труду, добиться независимаго существованія и положенія, внушающаго уваженіе, если она обладаетъ какимъ-нибудь выдающимся талантомъ, или знаетъ что-нибудь въ совершенствѣ“.

Марта не обладала ни однимъ изъ этихъ условій; содержательница справочной конторы, однажды уже обманувшись въ ней, узнавъ

тощій запасъ ея познаній, низкій уровень ея способности, очевидно, считала ее кліенткой скорѣе назойливой и компрометирующей, нежели обѣщающей какую-нибудь выгоду ея заведенію. Тамъ же, куда являлось ежедневно нѣсколько или нѣсколько десятковъ личностей, находящихся въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находилась она, съ точно такимъ же недостаточнымъ запасомъ въ головѣ, о прочномъ сочувствіи со стороны особы, принимающей ихъ, не могло быть и рѣчи.

Марта поняла, что ея карьера въ учительской профессіи окончательно погибла, что куда бы она ни обратилась теперь съ своимъ желаніемъ, сначала бы осмотрѣли товаръ знанія, принесенный ею, и, убѣдившись въ его второстепенномъ качествѣ, отправили бы ее ни съ чѣмъ, или столкнули бы въ ряды работницъ, долго ожидающихъ маленького заработка. Она, конечно, удовольствовалась бы маленькимъ заработкомъ, но ждать долго не могла.

Направляясь изъ улицы Долгой въ св. Юрьевскую, Марта думала только объ одномъ.

— Насколько безразсудна я была, какъ я не знала ни жизни, ни себя самой, тогда, когда въ первый вечеръ, послѣ моего переѣзда въ эту жалкую каморку, я думала, что мнѣ стоитъ только пойти, заявить о своемъ желаніи работать, чтобы быть принятой въ ряды работницъ. А вотъ теперь я брожу изъ улицы въ улицу, изъ одного дома въ другой и ищу... Однако-же... если бы я умѣла!...

Марія Рудзинская встрѣтила пришедшую къ ней съ веселымъ лицомъ, горячо пожала ей руки и предупреждая вопросъ, сказала:

— Журналъ, сотрудникомъ и отчасти соредакторомъ которого мой мужъ, какъ разъ нуждался въ личности, умѣющей рисовать. Вотъ набросокъ, сдѣланный извѣстнымъ у насъ художникомъ, срисовать который поручили вамъ, пани. Что же касается до платы, то она будетъ уже вполнѣ зависѣть отъ достоинствъ вашей работы. Та работа, которую вы выполните теперь, должна быть опытомъ, рѣшающимъ вопросъ о дальнѣйшихъ заказахъ.

Блѣдный лучъ декабрьскаго солнца, пробираясь сквозь лѣсъ карнизовъ и извороты стѣнъ, золотилъ маленькое оконце чердака и скользилъ по черной поверхности стола, у котораго сидѣла Марта, устремивъ глаза на лежащій передъ ней рисунокъ. Тамъ было только два-три развѣсистыхъ дерева, нѣсколько густыхъ кустовъ, сидящая въ тѣни ихъ красивая фигура женщины и двѣ улыбающіяся дѣтскія головки, высовывающіяся изъ-за сплетенныхъ вѣтвей. На болѣе отдаленномъ планѣ, въ неопредѣленныхъ уже, но граціозныхъ очертаніяхъ

вырисовывался сельскій домикъ, съ балкономъ, обвитымъ плющемъ и выбѣгающей изъ-за него дорогой, полоса которой, извилистая и заслоненная туманомъ, расплывалась и исчезала вдали. Это была простая картинка, изображающая одну изъ сценъ обыденной сельской жизни,— но выполненная искусной и вдохновенной рукой талантливаго художника, она являлась прекраснымъ, хотя и миніатюрнымъ произведеніемъ искусства. Начиная съ сельскаго домика, своими четырьмя простыми окнами граціозно поглядывающаго на зрителя и стройной фигуры женщины, сидящей въ небрежно-красивой позѣ подъ тѣнью дерева, до плутовскихъ личиковъ дѣтей, выглядывающихъ изъ-за сплетшихся вѣтвей розоваго куста, и до извилистой полосы дороги, расплывающейся среди тумана и пространства,—тутъ все носило на себѣ отпечатокъ удачно схваченной и хорошо переданной дѣйствительности, восхищало глазъ, будило воображеніе, склоняло мысль къ сравненіямъ и воспоминаніямъ. Замѣчательная правильность и удивительная легкость рисунка шли тутъ рука объ руку съ поэтичностью замысла, возвышая и усиливая его достоинства. Вдохновеніе и знаніе техники одинаково руководили художникомъ въ ту минуту, когда онъ легкими, и въ то же время увѣренными штрихами набрасывалъ на бумагу это соединеніе линій, изъ котораго образовалось цѣлое, полное глубокаго чувства, простой граціи и тихой гармоніи.

Техническія достоинства рисунка, однако, не сразу приковали къ себѣ вниманіе Марты; силой воспоминаній, трагичностью контраста охватило ее сначала содержаніе картины. Сельскій домикъ, тѣнистыя деревья и развѣсистые кусты, лицо молодой матери, слѣдящей взглядомъ за волнообразными движеніями крохотныхъ дѣтскихъ фигурокъ за прозрачной завѣсой, навѣяли молодой женщинѣ воспоминанія, залившія ея грудь волной горькаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостнаго чувства. И она также жила когда-то, въ такомъ же тихомъ, цвѣтущемъ, тѣнистомъ убѣжищѣ, легкой поступью шагала по пушистой муравѣ, рвала розы съ наклоняющихся къ ней вѣтокъ кустовъ, и крохотными ручками, полными благоухающихъ цвѣтовъ, бѣжала къ такому же балкону, обвитому такимъ же плющемъ, какъ тутъ, среди четырехъ оконъ, нагрѣтыхъ жгучимъ солнцемъ, развѣшивающему зеленый шатеръ, подъ прохладную и живительную защиту свою готовый принять любимое дитя родной семьи!

И за ея быстрыми ножками также слѣдилъ иногда заботливый взглядъ матери и къ ней также взывалъ тревожный материнскій голосъ, чтобы она не выбѣгала за домъ далеко, на эту дорогу, которая, изобилуя камнями и рвами, преградами и опасностями, круто извивалась

и исчезала среди таинственныхъ холмовъ и необозримыхъ пространствъ. Напрасный призывъ, напрасное опасеніе материнскаго сердца!

Настала пора, когда дитя сельскаго домика вышло на эту дорогу, выбѣгающую изъ-за стѣнъ его крутой, каменистой полосой, и пошло въ свѣтъ между таинственными холмами, въ невѣдомыя пространства, гдѣ были преграды и опасности, и зашло сюда, гдѣ на вершинѣ высокаго городского зданія подымались четыре стѣны, тѣсныя, обнаженныя, холодныя, душныя, одинокія... Это была противоположность прошедшаго настоящему. Марта оторвала глаза отъ рисунка, обвела взглядомъ комнату, остановила его на блѣдномъ личикѣ малютки, которая, окутанная отъ холода шерстянымъ платкомъ матери, все же дрожала и, какъ встрепенувшаяся птичка, прижималась головкой къ ея колѣнямъ... Въ ушахъ женщины звучало извѣстное, хорошо запомненное ею пѣніе маленькой птички, кажется той самой птички, которая на рисункѣ касалась распростертыми крыльями верхушки розоваго куста, а съ этимъ отголоскомъ отдаленнаго воспоминанія соединялось тяжелое, дрожащее отъ холода дыханіе ея ребенка... По нити воспоминанія къ ней придвинулось красивое лицо ея матери, потомъ кроткія черты отца, потомъ она еще увидѣла стоявшіе передъ нею въ воздухѣ темные глаза юноши, которые, всматриваясь въ нее съ глубокимъ выраженіемъ, говорили ей: люблю! въ въ то время, какъ его губы произносили: будь моей женой! Всѣ эти образы, которые ей были дороже жизни, поглощены навсегда мракомъ смерти; всѣ мѣста, въ которыхъ развертывалась безоблачная идиллія ея дѣтства и первой молодости, всѣ потухшія свѣтила, развѣянныя чары, отравленныя радости и сломанныя опоры, дрогнули жизнью, приняли прежнія краски, сосредоточились въ одинъ образъ и повисли, какъ бы оправленные въ ужасающе-безобразныя и обнаженныя рамы, въ пустые сѣрые холодные углы одинокой комнаты.

Марта не смотрѣла уже на рисунокъ; устремленные въ пустое пространство неподвижные глаза ея, подернулись стеклянной оболочкой, которая, однако, не растоплялась въ слезы; грудь ея дышала тяжело и быстро, но не испускала рыданій. Судорожный плачъ очевидно разрывалъ внутренность этой женщины, но она боролась съ нимъ, боролась съ своимъ сердцемъ, стараясь сдержать его ускоренное біеніе и съ разгорѣвшейся головой своей, отталкивая отъ нея рой воспоминаній и волны грезъ. Въ ней слышался какой-то таинственный голосъ, напоминающій, что съ каждой слезой, которая вытечетъ у нея изъ глазъ, съ каждымъ рыданьемъ, которое взволнуетъ ея грудь, съ каждой секундой, проведенной въ этихъ страшныхъ мукахъ души, плачущей надъ могилами своихъ надеждъ и любви, улетучится частица ея силъ и воли, умень-

шится доля силы, терпѣнія и выносливости. А ей надо было столько этихъ силъ, этой воли, этой выносливости! Полдень жизни сталъ для нея настолько же суровымъ и требовательнымъ, насколько ласковымъ и снисходительнымъ было ея утро. Янтя подняла къ матери блѣдное личико.

— Мама! проговорила она плаксивымъ голоскомъ,—какъ тутъ холодно, сегодня! Разведи огонь въ печкѣ!

Вмѣсто всякаго отвѣта Марта наклонилась, взяла дѣвочку въ объятія, крѣпко прижала къ груди ея крохотное тѣльце, прижалась къ ея лбу губами и просидѣла такъ съ минуту неподвижно... Вдругъ она встала, плотнѣе окутала Янтю шерстянымъ платкомъ, усадила ее на низенькій стулъ, опустилась передъ ней на колѣни, улыбнулась, поцѣловала ее въ блѣдныя губки и сказала почти совершенно непринужденнымъ голосомъ!

— Если Янтя будетъ спокойно играть своей куклой, то я завтра, или послѣзавтра окончу работу, куплю дровецъ и разведу для Янти такой славный, теплый огонь! Хорошо, Янтя? хорошо, мое милое дитятко?

Она улыбалась, говоря это, и согрѣвала въ своихъ ладоняхъ озябшія ручки дѣвочки. Янтя также улыбалась, губы ея двумя поцѣлуями закрыли на минуту всматривающіеся въ нее глаза матери; она взяла свою куклу и двѣ-три деревянныя игрушки и перестала смотрѣть въ закоптѣлую пустую и вѣющую холодомъ глубину печи. Полнѣйшая тишина опять царила въ комнатѣ, Марта сидѣла у стола и присматривалась къ работѣ превосходнаго рисовальщика.

Теперь, побѣжденныя и оттолкнутыя усиліемъ воли воспоминанія и сожалѣнія улеглись на днѣ ея груди, не умершія, но молчаливыя, лицо ея выражало спокойное сосредоточеніе всѣхъ умственныхъ способностей и только глаза сверкали яркимъ блескомъ увлеченія, съ которымъ она приступала къ этому новому испытанію ея силъ и способностей. Теперь вниманіе Марты было уже поглощено не замысломъ художника, не искреннимъ чувствомъ и поэтичностью картины, но техникой выполненія, той техникой, которая, искусная въ познаніяхъ, богатая средствами, вникала въ сущность искусства и въ то же время съ легкостью птичьяго полета скользила по его поверхности, въ маленькихъ размѣрахъ создавала прекрасныя вещи, воплощала мысль въ каждомъ самомъ утонченномъ очертаніи, умѣла воспользоваться всякой частичкой плоской поверхности, на которую, какъ бы шутя, набрасывала полосы свѣта и тѣни. Марта не рисовала никогда съ натуры, но она когда-то копировала маленькіе пейзажи, деревья, цвѣты, человѣческія лица.

Итакъ, совершенство лежащаго передъ нею рисунка восхитило ее, но не лишило бодрости.

„Я, конечно, не такая артистка, какъ тотъ, который нарисовалъ эту чудную картинку, думала она:— но срисовать чью-нибудь работу я навѣрно сумѣю, должна сумѣть“.

Думая такъ, она открыла продолговатую коробочку, въ которой помѣщались рисовальныя принадлежности. Марія Рудзинская, руководимая добротой сердца и чуткостью, угадала новый расходъ, который предстоялъ бы бѣдной женщинѣ, и вручила ей эту коробочку вмѣстѣ съ образцомъ, съ котораго должна была быть снята копія. Карандашъ Марты двигался по гладкой бумагѣ; она чувствовала, что рука ея двигалась легко, что мысль ея тѣсно сливается съ мыслью художника, что глазъ ея безъ труда подмѣчалъ самые запутанные изгибы очертаній, самыя утонченныя различія и переливы свѣта и тѣни. Сердце ея билось все сильнѣе и радостнѣе, дыханіе становилось все легче, румянецъ выступалъ на блѣдныя щеки, глаза разгорались болѣе яснымъ отблескомъ и сверкали увлеченіемъ. Утѣшительница огорченныхъ, подруга одинокихъ, кормилица, убаюкивающая истерзанныхъ житейскими бурями, — работа вошла въ убогій чердакъ и привела за собой спокойствіе. Напрасно лучъ солнца, золотящій съ утра обнаженныя стѣны каморки, исчезъ за высокими крышами домовъ, напрасно глухой, таинственный, непрерывный гулъ большого города рокоталъ около нея, Марта ничего не видала и ничего не слыхала.

Она иногда отрывала глаза отъ работы, чтобы взглянуть на тихо играющую въ уголкѣ комнаты дѣвочку и сказать ей нѣсколько словъ, и опять погружалась въ свое занятіе. Иногда брови ея сдвигались, выраженіе глубокаго раздумья омрачало ей лобъ. Это когда передъ нею являлись трудности и загадки искусства и жестоко издѣвались надъ ней. Но она боролась съ ними и ей казалось, что она преодолѣвала ихъ удачно. Когда она поднимала голову и присматривалась къ своей работѣ, у нея была улыбка на губахъ, которая исчезала, когда она начинала ее сравнивать съ работой мастера. Въ мозгу ея, видно, зарождались сомнѣнія и опасенія, но она отталкивала ихъ отъ себя, какъ нѣчто слишкомъ назойливое, нѣчто непосильное; слишкомъ мучительное для сердца. Она работала съ большимъ сосредоточеніемъ мысли, съ неимовѣрнымъ напряженіемъ воли, съ восторженнымъ увлеченіемъ влюбленнаго въ предметъ своего труда воображенія, работала всѣмъ умомъ, всей душой и изо всѣхъ силъ своихъ и перестала работать только тогда, когда въ комнату стали врываться первыя тѣни вечерняго сумрака. Тогда она призвала къ себѣ Янтю, посадила ее на колѣни и, заглядывая въ дѣтское личико,

опять улыбнулась ей. Но теперь улыбка ея была другая, нежели утромъ, не выжатая насильно изъ щемящаго скорбью сердца, не противорѣчащая унылому выраженію глазъ. Она расцвѣла сама по себѣ, безъ усилія изъ груди молодой матери, утѣшенной трудомъ, согрѣтой надеждой.

Марта разсказывала своей маленькой дочери одну изъ тѣхъ сказокъ, содержаніе которыхъ, сотканное изъ чудесъ, изъ радужныхъ красокъ, пѣнія птицъ и ангельскихъ крыльевъ, такъ сильно занимаетъ дѣтскій умъ и восхищаетъ дѣтское воображеніе, но пока губы ея искали для бѣдного, давно уже алчущаго подобнаго пира ушка, длинныя нити фантастическихъ повѣствованій,—голову ея наполняла одна мысль, постоянно повторяющаяся, какъ бы напѣвъ, включающій въ себѣ тему житейской пѣсни:—Если бы я сумѣла... если сумѣю... если умѣю!..

„Сумѣла ли? умѣю ли?“ думала Марта дня два спустя, поднимаясь по лѣстницѣ въ квартиру Рудзинскихъ.

На эти душевные вопросы молодой женщины не получилось на этотъ разъ рѣшительнаго отвѣта. Однако, онъ долженъ былъ вскорѣ послѣдовать, потому что завтрашній день должно было состояться засѣданіе редакціи, на которомъ люди опытные должны были произнести приговоръ относительно уровня художественныхъ способностей Марты и цѣнности работы, представленной ею.

— Приходите послѣзавтра утромъ, пани, сказала Марія Рудзинская.—Мой мужъ принесетъ вамъ съ завтрашняго засѣданія уже вѣрное извѣстіе.

Марта пришла въ назначенную пору. Хозяйка хорошенькой гостиной встрѣтила ее съ обычнымъ радушіемъ и указала ей на кресло, стоящее у стола, на которомъ лежала два дня тому назадъ оконченная работа Марты и у котораго сидѣлъ мужчина средняго возраста, съ лицомъ умнымъ, благороднымъ и кроткимъ. Это былъ Адамъ Рудзинскій; онъ всталъ, чтобы поздороваться съ Мартой, съ полнымъ уваженія движеніемъ протянулъ ей руку; когда же она усѣлась, усѣлся также, опустилъ глаза и молчалъ съ минуту.

Марія удалилась въ глубину гостиной и, подперевъ рукой неподдѣльно опечаленное лицо, сидѣла также молча, опустивъ глаза. Въ теченіе нѣскольких секундъ въ гостиной царила тяжелая тишина. Видно, каждому изъ трехъ присутствующихъ лицъ трудно было произнести первое слово предстоявшаго разговора. Адамъ Рудзинскій первый прервалъ молчаніе.

— Мнѣ очень грустно, сказалъ онъ,—что я являюсь посломъ, приносящимъ вамъ, пани, конечно, не особенно пріятныя вѣсти, однако не въ моей власти было измѣнить ихъ...

Онъ умолкъ и глядѣлъ на Марту глазами, въ которыхъ выражалась благородная откровенность, соединенная съ искреннимъ сочувствіемъ. Онъ прервалъ на минуту свою рѣчь, можетъ быть, для того, чтобы дать молодой женщинѣ собраться съ силами, приготовиться перенести ударъ, который долженъ былъ сразить ее.

Марта слегка поблѣднѣла и вдругъ опустила глаза, до той поры съ сосредоточеннымъ вниманіетъ всматривавшіеся въ лицо обращавшагося къ ней мужчины. Изъ устъ ея, однако, не вырвалось ни одного восклицанія, изъ груди ни одного вздоха. Адамъ Рудзинскій, по манерѣ и выраженію лица молодой женщины, угадалъ, что она умѣла сдерживаться и могла быть мужественной. И вотъ, минуту спустя, онъ продолжалъ:

— Въ томъ вопросѣ, который въ настоящее время занимаетъ васъ, пани, я самъ, лично, не могу быть опытнымъ судьей и повторю тутъ только тѣ слова, которыя мнѣ поручили передать вамъ, пани. Я сдѣлаю это съ полной откровенностью, для того, чтобы уберечь васъ отъ новыхъ заблужденій и разочарованій и потому также, что для человѣка нѣтъ ничего вреднѣе матеріально и нравственно, какъ не знать собственныхъ запасовъ, съ которыми онъ подходитъ къ вратамъ общественной жизни, какъ ошибаться въ самомъ себѣ. Изъ работы, выполненной вами, пани, очевидно, что вы учились рисованію и обладаете неподдѣльными способностями... Но вы, учились ему слишкомъ, мало, слишкомъ отрывочно, слишкомъ поверхностно, благодаря чему и способности ваши, недостаточно выработанныя, не посвященныя въ требованія искусства, не достигаютъ надлежащей степени развитія и силы. Всякое искусство имѣетъ двѣ стороны: одну, вытекающую изъ самой природы посвящающаго ему себя человѣка, изъ прирожденнаго ему таланта, и другую, съ которою никто не родится, которую можно пріобрѣсти только трудомъ, ученіемъ. Конечно, талантъ порождаетъ вдохновеніе, но вдохновеніемъ, уже существующимъ, руководитъ умѣніе. Техническое умѣніе, не оживленное талантомъ, не можетъ создать настоящаго произведенія искусства, и имъ можно пользоваться развѣ только въ ремесленныхъ работахъ; но, въ свою очередь, талантъ, хотя бы самый крупный, при отсутствіи техническаго умѣнія, является силой первобытной, слѣпой, неразвитой и въ то же время необузданной, способной создавать развѣ только вещи слабыя, безпорядочныя и незаконченныя. Вы имѣете къ рисованію талантъ, пани,—талантъ даже довольно крупный, если его можно угадать въ вашей работѣ, несмотря на болѣе чѣмъ плохую технику вашего выполненія, но...

— Адамъ! послышался въ эту минуту голосъ хозяйки дома.

Марія Рудзинская встала и, подойдя къ столу, за которымъ велся разговоръ, смотрѣла на мужа съ выраженіемъ просьбы въ глазахъ, на слушающую его женщину съ сожалѣніемъ и тревогой. Марта поняла опасеніе доброй женщины. Она подняла голову и сказала увѣреннымъ голосомъ:

— Пани! Я жажду услышать всю, всю правду. Изъ краткихъ до сихъ поръ опытовъ моихъ я убѣдилась въ полной справедливости того, что вашъ мужъ сказалъ за минуту; ничего не можетъ быть матеріально и нравственно вреднѣе человѣку, какъ не знать собственныхъ запасовъ, съ которыми онъ подходитъ къ вратамъ общественной жизни, какъ часто ошибаться въ самомъ себѣ...

Марія усѣлась у стола, Марта устремила взглядъ на Адама Рудзинскаго, который продолжалъ:

— Искусство имѣетъ различныя степени; люди пріобрѣтаютъ познанія въ немъ для различныхъ цѣлей. Даже довольно низкаго уровня художественнаго образованія достаточно, чтобы доставить обладающему имъ человѣку извѣстную сумму удовольствія, которымъ онъ украшаетъ, разнообразитъ жизнь себѣ и окружающимъ. Это отрывочное знаніе искусства, овладѣвающее крохотной частицей свѣдѣній о немъ и средствъ, служащихъ къ его воплощенію, называется художественнымъ диллетантствомъ, имѣетъ нѣкоторое значеніе въ залахъ и хотя бы маленькихъ гостиныхъ, согласуется съ существованіемъ зажиточнымъ, по крайней мѣрѣ обезпеченнымъ, украшая его извѣстной долей граціи, поэзіи, праздничности впечатлѣній и занятій. Диллетантство, это однако, хотя не совсѣмъ лишенное сторонъ благородныхъ и полезныхъ, хотя занимающее довольно обширное мѣсто въ умственной жизни человѣчества, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ добавленіемъ, украшеніемъ жизни, граціознымъ узоромъ, наброшеннымъ на основу житья, для того чтобы его окрасить и разнообразить. Строить на немъ вещественное существованіе, посвящать ему всю жизнь, душевныя силы — невозможно и не слѣдуетъ. Невозможно потому, что изъ неполной причины не можетъ вытекать полнаго слѣдствія; не слѣдуетъ потому, что то, что̀ оказываетъ обществу мелкую и весьма незначительную услугу, не имѣетъ права заявлять къ обществу притязаній на взаимную услугу такую важную и полную, какой является матеріальное обезпеченіе и нравственное спокойствіе. Только *надъ* художественнымъ диллетантствомъ, въ вышинахъ, о которыхъ оно часто не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, существуетъ художественность, — сила могучая, полная, состоящая изъ развитаго до послѣднихъ предѣловъ, правильно выработаннаго прирожденнаго таланта и основательнаго широкаго знанія. Диллетантство — забава жизни; только художественность

можетъ быть краеугольнымъ ея камнемъ. Она можетъ быть для жизни краеугольнымъ камнемъ, на который опирается какъ физическое, такъ и нравственное существованіе. Но въ области искусства, такъ же какъ и въ области науки, какъ и ремесла, получаетъ наиболѣе тотъ, кто въ произведенія свои, предлагаемыя обществу, влагаетъ наибольшій капиталъ времени, труда, умѣнія и навыка. Тутъ, какъ и вездѣ, существуетъ конкурренція; спросъ и предложеніе становятся лицомъ къ лицу, присматриваются другъ къ другу и взаимно уравновѣшиваются; тутъ, какъ и вездѣ, степень благосостоянія работника находится въ прямой зависимости отъ совершенства произведеній. Въ области искусства, такъ же, какъ и во всякой другой области, являющейся поприщемъ человѣческаго труда, человѣкъ можетъ добыть себѣ обезпеченное, иногда блестящее положеніе, однако же, можетъ добыть его только тогда, когда онъ обладаетъ талантомъ не только прирожденнымъ, но выработаннымъ, когда онъ не только диллетантъ, но и художникъ.

Проговоривъ все это, Адамъ Рудзинскій всталъ и, почтительно кланяясь Мартѣ, прибавилъ:

— Простите, пани, что я говорилъ такъ долго. Однако, я не могъ ограничиться нѣсколькими словами въ моемъ разговорѣ съ вами. Я боялся, чтобы вы не предположили, пани, что тѣ, которые моими устами отвергли вашъ трудъ, руководятся какой-нибудь прихотью или предубѣжденіемъ, которое въ данномъ случаѣ было бы чуть-ли не преступленіемъ. Рисунокъ вашъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ того журнала, для котораго онъ предназначался. Онъ не достаточно правиленъ и не достаточно точенъ, онъ не достаточно передаетъ мысль и оттѣнки подлинника. Лицо молодой матери, напримѣръ, вы, пани, очевидно, рисовали съ чувствомъ и съ любовью, однако же, какими туманными кажутся ея черты въ сравненіи съ выразительностью, которую имъ придалъ умѣлый и опытный рисовальщикъ. Какъ, благодаря этой туманности, многое исчезло въ выраженіи этихъ глазъ, слѣдящихъ за движеніями любимыхъ существъ, въ характерѣ этой головы, подавшейся нѣсколько впередъ, какъ бы готовой произнести слово предостереженія или ласки. Это дерево, такъ роскошно развертывающее на подлинникѣ густую чащу, смотритъ тутъ жалкимъ и болѣзненнымъ; дорога, выбѣгающая изъ-за дома, которую художникъ умышленно окружалъ туманомъ таинственности, на вашемъ рисункѣ, пани, почти совсѣмъ заслоненная слишкомъ грубыми штрихами карандаша, становится для глазъ смотрящаго загадочной, почти непонятной черной полосой. Вы поняли замыселъ художника, вникли въ него и полюбили его—это очевидно; тѣмъ не менѣе, очевидно также въ каждой подробности, въ каждомъ штрихѣ карандаша, что вы, пани,

боролись съ техникой искусства и не преодолѣли тѣхъ затрудненій, которыя она для васъ представляла, такъ какъ вы не обладаете достаточнымъ умѣніемъ и навыкомъ... Вотъ вся правда, которую я высказываю съ двойной печалью. Какъ знакомый вашъ, пани, я сожалѣю о томъ, что вы не получили желаемаго труда; какъ человѣку, мнѣ грустно, что вы недостаточно выработали свой талантъ. Вы обладаете безспорнымъ талантомъ, пани; жаль, что вы не учились больше, основательнѣе, шире, что теперь вамъ, вѣроятно, невозможно уже учиться...

Марта встала, медленно опустила сплетенныя руки и проговорила тихо:

— Да, теперь мнѣ уже невозможно учиться...

— У меня нѣтъ на это времени—прибавила она минуту спустя, потомъ умолкла и простояла съ минуту молча, опустивъ глаза. Адамъ Рудзинскій смотрѣлъ на нее съ большимъ участіемъ, даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ, онъ опасался можетъ быть слезъ, воплей, упрековъ, обмороковъ и истерикъ; вмѣсто ихъ, онъ услышалъ едва нѣсколько словъ, выражающихъ сожалѣнье о не возможности учиться, о недостаткѣ времени, необходимаго для ученья.

Видно эта хрупкая, нѣжная, высокаго роста, красивая женщина обладала большимъ запасомъ силъ, если она съумѣла безъ слезы, безъ вздоха выслушать суровый приговоръ, обрекающій на смерть ея дорогую надежду, взвалить себѣ на плечи эту невыразимую тяжесть неувѣренности, неопредѣленности положенія, снова обрушившуюся на нее. На сердцѣ и въ головѣ молодой женщины должно быть было очень тяжело въ эту минуту, однако, она не заплакала, не застонала, не вздохнула даже.

Видно пора громкихъ стоновъ и плача, не стыдящихся глазъ людскихъ, не наступила для нея еще, ея человѣческая гордость не была еще сломана, силы истощены. Вѣдь она еще стояла только у начала своей Голгоѳы, вѣдь она прошла только двѣ стадіи ея, два раза только вспыхнула внутреннимъ стыдомъ, содрогнулась до глубины души сознаніемъ собственной безпомощности. Она имѣла еще достаточно силъ, чтобы гордостью и волей сдерживать порывы собственныхъ чувствъ,— но не обладала еще достаточнымъ знаніемъ себя самой, чтобы перестать надѣяться...

Адамъ Рудзинскій съ уваженіемъ отнесся къ молчаливой скорби бѣдной женщины; совершенно чужой ей, видѣнный ею лишь нѣсколько разъ, онъ почувствовалъ, что долженъ удалиться въ эту минуту. Простясь съ Мартой почтительнымъ поклономъ, онъ вышелъ изъ гостинной, но жена его тогда только схватила Марту за руки и, сжимая ихъ въ своихъ, сказала поспѣшно:

— Не теряйте надежды, дорогая моя! Я не могу примириться съ мыслью, чтобы вы еще и этотъ разъ покинули мой домъ безутѣшной и неудовлетворенной въ вашихъ справедливыхъ требованіяхъ. Я не знаю вашего прошлаго, но мнѣ кажется, что я справедливо угадываю, полагая, что бѣдность застала васъ неожиданно, что вы не были подготовлены занять въ обществѣ мѣсто работницы, зарабатывающей средства къ жизни для себя и для другихъ...

Марта вдругъ подняла глаза на говорящую.

— Да,—прервала она съ живостью,—да, да...

Она опять опустила глаза и молчала съ минуту. Видно было, что ея мозгъ былъ пораженъ внезапнымъ уясненіемъ того, что до сихъ поръ носилось передъ ней въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ.

— Да,—повторила она минуту спустя съ удареніемъ.—Бѣдность и необходимость работать застигли меня неожиданно. Я безоружна по отношенію къ первой и ничто не научило меня второй... Мое прошлое соткано изъ тишины, любви и забавы, для бури и одиночества. Я не извлекла изъ него ничего...

— Ужасная судьба!—произнесла помолчавъ съ минуту Марія Рудзинская,—если бы всѣ отцы и матери могли предвидѣть, угадать, понять весь ужасъ ея...

Она провела рукой по глазамъ и, быстро преодолѣвъ свое волненіе, обратилась къ Мартѣ:

— Поговоримъ о васъ, — сказала она. — Хотя изъ двухъ путей уже, на которые вы пробовали вступить, васъ столкнуло отсутствіе орудій, необходимыхъ для того, чтобы проложить ихъ, не теряйте надежды и мужества — профессіи учительницы и художницы оказались не подходящими для васъ, но вѣдь умственный и художественный трудъ, это еще не вся сфера дѣятельности человѣческой и даже женской. Остается еще промышленность, торговля, ремесло. Пока вы разговаривали съ моимъ мужемъ, пани, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль... Я близко знакома съ хозяйкой одного изъ богатѣйшихъ магазиновъ, торгующихъ шелковыми тканями... была съ ней даже два года въ пансіонѣ, и съ того времени между нами сохранились если не дружескія отношенія, то хорошое знакомство. Магазинъ — обширный, богатый и требуетъ для услугъ цѣлой арміи коммиссіонеровъ, прикащиковъ и т. д. А главное—не дольше, какъ недѣлю тому назадъ, Евелина Д., встрѣтясь со мною въ театрѣ, говорила мнѣ, что потеряла теперь одного изъ самыхъ полезныхъ ея магазину прикащиковъ и очутилась благодаря этому въ нѣкоторомъ затрудненіи. Согласились ли бы вы, пани, стоять за прилавкомъ въ магазинѣ, принимать покупателей, устраивать выставки

въ окнахъ и т. д. Такія мѣста очень хорошо оплачиваются, чтобы выполнять связанныя съ ними обязанности, не нужно почти ничего больше, кромѣ приличныхъ манеръ и хорошаго вкуса; поѣдете ли вы со мной къ Евелинѣ Д., пани? Я представлю васъ ей, въ случаѣ надобности, попрошу, уговорю...

Черезъ четверть часа по произнесеніи этихъ словъ Маріей Рудзинской, дрожки съ двумя женщинами, остановились у одного изъ самыхъ видныхъ магазиновъ, находящихся на Сенаторской улицѣ. У дверей, съ широкими зеркальными стеклами, стояли двѣ кареты, запряженныя очень хорошими лошадьми съ ливрейными лакеями на козлахъ.

Двѣ женщины сошли съ дрожекъ и вошли въ магазинъ. При звукѣ колокольчика, висящаго у дверей, изъ-за длиннаго стола, раздѣляющаго почти весь магазинъ на двѣ половины, выбѣжалъ молодой человѣкъ и съ очень ловкимъ поклономъ, спросилъ ихъ, что имъ угодно.

— Я хотѣла бы повидаться съ пани Евелиной, Д., сказала Марія Рудзинская,—что она дома?

— Не знаю навѣрно, съ новымъ поклономъ отвѣчалъ молодой человѣкъ,—но сейчасъ дамъ вамъ отвѣтъ, сударыня.

Сказавъ эти слова, онъ подбѣжалъ къ противоположной стѣнѣ и приложилъ губы къ отверстію трубы, доносящей до верхняго этажа звукъ голоса, говорящаго внизу.

— Вышла, но сейчасъ вернется, отвѣтили сверху.

Молодой человѣкъ опять подскочилъ къ двумъ женщинамъ, стоявшимъ недалеко отъ двери.

— Соблаговолите присѣсть, милостивыя государыни, проговорилъ онъ указывая на стоящій въ углу магазина бархатный диванъ, или, прибавилъ онъ, протягивая руку по направленію къ устланной коврами лѣстницѣ—можетъ быть желаете наверхъ?

— Мы подождемъ тутъ, отвѣтила Марія Рудзинская, и вмѣстѣ съ сопровождающей ее женщиной усѣлась на диванъ.

— Мы могли бы итти на верхъ и дождаться возвращенія пани Евелины въ ея квартирѣ, говорила Марія вполголоса своей спутницѣ,— но, мнѣ кажется, что будетъ полезно если до разговора съ хозяйкой магазина, вы присмотритесь къ обычнымъ занатіямъ продающихъ товаръ и увидите въ чемъ онѣ состоятъ.

Зрѣлище, представившееся глазамъ двухъ женщинъ въ глубинѣ магазина, было необыкновенно оживленнымъ. Тамъ было восемь человѣкъ, говорящихъ громко и съ необычайнымъ оживленіемъ, и кипы тканей, развернутыхъ, свернутыхъ, шуршащихъ, отливающихъ, и сверкающихъ отблескомъ шелка и свѣта; по одну сторону длиннаго стола, совершено

заваленнаго нагроможденными другъ на друга или развернутыми и волнующимися кусками дорогихъ тканей, стояли четыре женщины, одѣтыя въ атласъ и соболь, навѣрно, владѣтельницы двухъ стоящихъ у дверей магазина каретъ; по другую сторону находилось четверо молодыхъ мужчинъ... Да, находилось, потому что для опредѣленія ихъ положенія нельзя употребить другого выраженія кромѣ этого, пригоднаго для всякихъ положеній тѣлъ человѣческихъ: стоящихъ, ходящихъ, скачущихъ, перегибающихся во всѣ стороны, отвѣшивающихъ поклоны всякихъ значеній и размѣровъ, выдѣлывающихъ разнообразнѣйшіе жесты съ помощью самыхъ различныхъ движеній рукъ, груди, головы, губъ, бровей, даже волосъ... Эти послѣдніе, хотя и играющіе при обыкновенномъ порядкѣ вещей довольно второстепенную роль въ человѣческой наружности, заслуживали тутъ особаго вниманія.

Напомаженные, раздушенные, лоснящіеся, благоухающіе, завитые въ искусственныя кольца, или въ полномъ значеніи безпорядкѣ ниспадающіе на лобъ, они представлялись мастерскими произведеніями парикмахерскаго искусства и въ то же время въ очень значительной степени усиливали изящество фигуръ молодыхъ приказчиковъ. Быть можетъ эти фигуры не были очень изящными отъ природы, видно было даже, что природа надѣлила ихъ необычной силой, плотностью и крѣпостью, вполнѣ приспособляющей ихъ къ занятію работой потяжелѣе, менѣе изысканной и пріятной, нежели протягиваніе между двумя пальцами тонкихъ какъ паутина кружевъ и размахиваніе полированнымъ, легкимъ, изящнымъ аршиномъ. Плечи у нихъ были широкія, руки большія, пальцы толстые, лица даже не слишкомъ юношескія, зрѣлостью чертъ и густой растительностью изобличавшія тридцать лѣтъ съ хвостикомъ. Но съ какимъ полнымъ прихотливѣйшаго вкуса изяществомъ были сшиты черные пиджаки, облекающіе эти широкія плечи, какъ роскошно развѣвались подъ густыми бородами мотыльковыя крылышки цвѣтныхъ галстуховъ, какъ граціозно двигались эти большія мускулистыя руки, какія красивыя и въ то же время бросающіяся въ глаза, кольца украшали эти тостыя пальцы! Ничто на свѣтѣ за исключеніемъ бѣлаго снѣга, не могло превзойти бѣлизны ихъ рубашекъ, пушистыми воротничками, выпуклыми вышивками, вздымающихся у нихъ на груди; ничто на свѣтѣ, никакая струна, никакая пружина, никакой гуттаперчевый мячикъ, никакая затянутая въ корсетъ женская фигура не могли соперничать съ гибкостью ихъ движеній, эластичностью скачковъ, подвижностью глазъ и умѣніемъ въ совершенствѣ болтать.

— Цвѣтъ мексикъ съ бѣлыми ramagé! (разводами) говорилъ одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, развертывая передъ двумя покупательницами женщинами одинъ изъ кусковъ ткани.

— Вы можетъ быть предпочитаете Mexique pur (чистый мексикъ) сударыня, восклицалъ другой.

— Или gros-graint vert de mer (гро гренъ, цвѣта зеленой морской воды) это послѣдняя мода...

— Вотъ кружева клюни для обшивки пеплоновъ и валановъ, раздавался звучный мужской голосъ у другого конца стола.

— Валансьенъ, Алансонъ, Брюжъ, имитація, тюль...

— Фай цвѣта Бисмаркъ! можетъ быть чуточку слишкомъ свѣтлый, слишкомъ voyant! (въ глаза бросается). Вотъ другой съ черными разводами.

— Бордо couleur sur couleur! (двойной краски), можетъ быть, вамъ угодно, что-нибудь полегче, пани?

— Мозамбикъ! султанъ тѣльный цвѣтъ! превосходный для брюнетокъ!

— Вы, пани, желаете чего-нибудь полосатаго! Какія полосы — вдоль или поперекъ?

— Вотъ матерія полосатая! бѣлыя и розовыя полосы, эффектъ превосходный! очень бросается въ глаза!

— Сѣрыя полосы, вполнѣ аристократично!

— Голубой отливъ на бѣломъ фонѣ! для молодыхъ особъ!

— Кружево на пуфъ или на бабочку? Вотъ лопасти съ кружевными краями и гладкія; какія вы предпочитаете, сударыня?

— Вы, сударыни, покупаете фай Бисмаркъ съ разводами? очень хорошо! сколько аршинъ? пятнадцать? нѣтъ! двадцать?

— Вы предпочитаете, сударыня, лопасти съ кружевными краями? превосходный вкусъ! на бабочку. Вамъ отмѣрить?

— Для васъ, сударыня, сѣрыя полосы, а для пани, голубой отливъ на бѣломъ фонѣ? по сколько аршинъ?

Эти отрывки разговоровъ, которые четверо молодыхъ людей вели съ покупщицами барынями, сливались, если можно такъ выразиться, въ какое-то подобіе щебета, который, исходя изъ устъ мужчинъ, производилъ совершенно необычайное впечатлѣніе.

Если бы не звуки голосовъ, которые, хотя и подражали поразительно выработанными модуляціями мягкому шуршанію волнующихся тканей и тихому шелесту развертываемыхъ кружевъ, но все же исходили изъ мужской груди, очевидно, снабженной природою довольно сильными легкими и превосходнаго устройства голосовыми органами,—невозможно было бы даже догадаться, что эти разводы, полосы, отливы, фоны, лопасти, воланы, пеплоны, бабочки, чтобы весь этотъ щебетъ, непонятный всякому не посвященному уму, изобличающій неслыханныя

познанія въ области тряпокъ, могъ дѣйствительно исходить изъ устъ мужчинъ, этихъ представителей серьезной силы, серьезнаго мышленія и серьезнаго труда.

— Пани Евелина Д. вернулась! раздался въ магазинѣ басъ, исходившій изъ отверстія трубы.

Марія Рудзинская быстро встала.

— Подождите тутъ минутку, сказала она Мартѣ. — Я сначала одна переговорю съ содержательницей магазина, чтобы въ случаѣ отказа съ ея стороны не подвергать васъ напрасной непріятности. Если же, какъ я надѣюсь, все пойдетъ хорошо, я тотчасъ приду за вами.

Марта продолжала съ большимъ вниманіемъ присматриваться ко всѣмъ подробностямъ покупки и продажи, совершаемыхъ по обѣимъ сторонамъ длиннаго стола; по блѣднымъ губамъ ея отъ времени до времени пробѣгала улыбка: это случалось тогда, когда прыжки приказчиковъ становились наиболѣе эластическими, прически наиболѣе подвижными, глаза наиболѣе краснорѣчивыми.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ СКАЗКИ.

Изъ хрустальныхъ палатъ золотого дворца
Въ перегонку одна за другою,
По коврамъ со ступенекъ точоныхъ крыльца
Выходили дѣвицы гурьбою;
Выходили на берегъ зеленый морской
Погулять, поиграть, порѣзвиться,
Подобрать на прибоѣ жемчугъ дорогой,
Бѣлой пѣной морскою умыться.
Ихъ увидѣлъ царевичъ изъ тѣни кустовъ
И поглубже въ вѣтвяхъ притаился,
Слушалъ пѣсни и говоръ, и смѣхъ голосовъ,
И красѣ ихъ цвѣтущей дивился:
Что ни взглянешь,—одна какъ другая стройна,
Очи ясны, лицомъ бѣлолица,
Но прекраснѣе всѣхъ между ними одна,
Между звѣздъ золотая денница.
Какъ подниметъ рѣсницы, изъ свѣтлыхъ очей
Словно солнышко ясное глянетъ,
Улыбнется—весенняго утра милѣй,
Запоетъ—все дышать перестанетъ;
На затѣи, на пѣсни искуснѣе всѣхъ,
Заводить ли игру, хороводы,
У нея веселѣе серебряный смѣхъ,
Голосъ чистый, какъ струнъ переходы.
Вдругъ, поднявъ за собою шалунью-струю,
Съ моря вѣтеръ пронесся могучій,

И на дальнемъ туманномъ небесномъ краю
Пораздвинулись сизыя тучи;
И горящій открылся очамъ небосклонъ,
Огневыя озера и горы,
Башни, городъ, огнемъ золотымъ освѣщенъ,—
Много дивнаго видѣли взоры.
Это солнце прощалось съ холодной землей
На закатѣ, на свѣтломъ порогѣ,
И скрывалось, закрывшись багряной зарей,
На покой въ золотые чертоги.
И глядѣли подруги лучамъ его вслѣдъ,
И глядѣла царевна-денница,
И на ней золотисто-румяный отсвѣтъ
Отражала заря-заряница;
Замолчалъ на устахъ ея смѣхъ молодой,
И волненіемъ взглядъ засвѣтился,
Словно тамъ передъ нею въ красѣ золотой
Край родной и знакомый открылся.
И была на лицѣ ея дума видна,
И въ очахъ ея странно горѣла...
Вдругъ предъ всѣми ударилась ѻ-земь она,
Обернулася лебедью бѣлой;
Встрепенулась крыломъ бѣлоснѣжнымъ своимъ
И, поднявшись, широко взмахнула,
Полетѣла надъ темнымъ просторомъ морскимъ
И въ огнѣ золотомъ потонула.
Постояли подруги унылой толпой
И въ хрустальный дворецъ воротились,
И замолкъ обезлюдѣвшій берегъ морской,
Только съ ропотомъ волны катились.
А царевичъ въ кустахъ неподвижно стоялъ,
Непонятной охваченъ кручиной,
И стоялъ, и смотрѣлъ, какъ закатъ догоралъ
Тамъ вдали за стемнѣвшей пучиной.

Е. Л.

Мысли военнаго человѣка

по поводу статьи г. Рцы

„КУЛЬТЪ ВЕЛИКАГО ВЪ ИСТОРІИ“.

Въ мартовской книжкѣ „Русской Бесѣды“ напечатана весьма любопытная статья г. *Рцы*, подъ заглавіемъ: *„Культъ великаго въ исторіи“*. Эти „великопостныя размышленія на масляничную тему“ заслуживаютъ вниманія всего мыслящаго общества, и если почти все это общество даже ихъ не замѣтило [1], то это приходится объяснить тѣмъ, что оно не хочетъ думать о вопросѣ, обсуждаемомъ г. Рцы или же если и думаетъ, то не иначе, какъ закрывъ глаза передъ дѣйствительностью.

Какой же, однако, вопросъ обсуждаетъ г. Рцы?

Обративъ вниманіе на необыкновенный успѣхъ пьесы „Madame Sans Gêne“, онъ самъ побывалъ на одномъ изъ ея представленій, послѣ чего пришелъ къ заключенію, что „пьеса эта есть простое, можетъ быть даже нѣсколько наивное, *напоминаніе о томъ, что̀ человѣчествомъ утрачено и безъ чего, однако, жить нельзя*“ [2]). Онъ подчеркиваетъ то, что, по его мнѣнію, извѣстно всякому, что „все нынѣче — сѣро, блѣдно, скучно, мелко, ничтожно... Ни смѣлыхъ мыслей, ни великихъ умовъ, ни сильныхъ характеровъ—кто же не понимаетъ, что отсутствіе всего этого и позволило усвоить оттѣнокъ срамоты, постыднаго ничтожества ходячему выраженію: *„fin de siècle“*, вслѣдствіе чего слова, опредѣляющія собственно извѣстный моментъ времени, получили значеніе мѣткой квалификаціи самаго этого времени по существу?“ [3]).

---

[1]) Мы считаемъ себя въ правѣ это допустить, судя по отношенію къ разсматриваемой статьѣ и къ данному вопросу нашей печати.

[2]) См. «Русская Бесѣда», 1895, мартъ, стр. 155. Курсивъ въ подлинникѣ.

[3]) Тамъ же, стр. 155.

Г. Рцы подвергаетъ жестокому, но заслуженному бичеванію вышеуказанное равнодѣйствующее направленіе конца XIX вѣка и присоединяется къ тѣмъ (очевидно къ меньшинству), у которыхъ „уже пробудилась тоска, палящая жажда *великаго*, *прекраснаго* въ исторіи", и къ тѣмъ, которые „ясно понимаютъ или инстинктивно чувствуютъ, что безъ вѣры, какой бы то ни было, вѣры во что-нибудь, хотя бы *вѣры человѣческой*, за оскудѣніемъ вѣры Божіей, жить невозможно, противно жить, безсмысленно и презрѣнно" [4]).

Пламенно желая если не увидѣть, то, по крайней мѣрѣ, почувствовать приближеніе „великаго въ исторіи", г. Рцы замѣчаетъ, что „не увидимъ мы великаго въ исторіи, пока сами не сдѣлаемся болѣе *мужественными*" [5]). Оцѣнивъ совершенно правильно, съ точки зрѣнія „культа великаго въ исторіи", грандіозную личность одного изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, Наполеона I, онъ ставитъ и рѣшаетъ (отъ себя) слѣдующую дилемму: „Сомкнутый въ видѣ правильнаго круга прутъ, на одномъ концѣ котораго значится; „Начало XIX столѣтія, Наполеонъ, *герои, великое въ исторіи*", на другомъ—„конецъ вѣка, id est—fin de siècle"—тутъ даже и разсуждать не приходится... Весь вопросъ, весь интересъ: много ли такихъ, которые тоскуютъ въ *началѣ* и ненавидятъ конецъ. *Настроеніе* ничего не доказываетъ, никого не убѣждаетъ, не поддается ни учету, ни анализу, оно одно тѣмъ не менѣе дѣйственно въ *граневыхъ* изгибахъ исторіи, ему принадлежитъ рѣшающая роль въ *смѣнахъ эпохъ*" [6]).

Въ заключеніе, признавъ успѣхъ пьесы Сарду знаменательнымъ именно въ этомъ смыслѣ, г. Рцы говоритъ: „*Великіе*, избранники неба, небомъ и посылаются, и никому не дано по своей волѣ ихъ породить, но *вызывать* ихъ, страстно, мучительно чувствовать ихъ великую необходимость, пламенно молить Господина жатвы, да пошлетъ Онъ дѣлателей на ниву свою — это всякій можетъ. И не только можетъ, но, по моему, и *долженъ*, потому что время пришло" [7]).

Полная послѣдовательность и строгая логичность разсужденій г. Рцы будетъ понятна читателю, если онъ приметъ въ соображеніе, что все это говоритъ человѣкъ не военный, который, однако, не останавливается на половинѣ пути, а прямо и откровенно заявляетъ: „Каюсь, не поклонникъ я мира, который, по слову Спасителя, «міръ даетъ". *Nolo pacem quia infida*, и по тысячѣ другихъ, еще болѣе вѣсскихъ при-

[4]) Тамъ же, стр. 161.
[5]) Тамъ же, стр. 163,
[6]) Тамъ же. стр. 164—165.
[7]) Тамъ же, стр. 165.

чинъ, *nolo*... Теперь вѣдь, справедливо говорилъ К. Н. Леонтьевъ, даже и тѣ, которые по какимъ-либо соображеніямъ жаждутъ войны, до самаго манифеста о войнѣ лгутъ, что не желаютъ ея; — война есть бѣдствіе и только!“ —(и только, будто бы!!!), иначе не смѣетъ теперь никто говорить. Послѣ же манифеста, на другой же день всѣ вдругъ обнажаютъ свои „умственные“ мечи и бряцаютъ ими (наконецъ-то искренно) до тѣхъ поръ, пока заключится миръ“ [8]).

Развивая далѣе эти мысли, г. Рцы доказываетъ или, вѣрнѣе, разъясняетъ нелѣпость соображеній „дипломатовъ „*Вѣстника Европы*“, порѣшившихъ, что „войнѣ болѣе не бывать“ и т. п., и вообще оцѣниваетъ совершенно правильно громадное и притомъ положительное значеніе войны въ ряду другихъ явленій въ жизни народовъ и обществъ [9]).

Не удивительно, что всякій истинно военный человѣкъ прочтетъ съ удовольствіемъ всю статью г. Рцы и особенно его взглядъ на войну, прочтетъ и выразитъ ему полнѣйшее сочувствіе.

Въ свою очередь, и г. Рцы можетъ прочесть выраженія взглядовъ, вполнѣ совпадающихъ съ его идеями, въ современной военной литературѣ всего міра. Не имѣя возможности дать въ небольшой статьѣ удовлетворительное понятіе о томъ, что̀ заключаетъ въ себѣ вся эта литература по данному вопросу, мы приведемъ лишь то, что заключается собственно въ нашихъ трудахъ чисто спеціальнаго характера, посвященныхъ стратегіи и тактикѣ [10]).

Мы переживаемъ теперь *эпоху народныхъ, милліонныхъ, массовыхъ армій*, совпавшую въ международной политикѣ съ возбужденіемъ національныхъ и связанныхъ съ ними вопросовъ во имя принципа національностей или иныхъ, замѣняющихъ его принциповъ. Оцѣнивая эту эпоху съ точки зрѣнія военнаго искусства, изслѣдователи (спеціалисты) приходятъ далеко не къ одинаковымъ заключеніямъ. Это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что и на военномъ обществѣ отражается вышеуказанное настроеніе общества вообще, равнодѣйствующее направленіе *fin de siècle*“, съ тою лишь разницею, что тутъ оно приходится не ко двору и можетъ быть отнесено на долю не большинства, а меньшинства. Тѣмъ не менѣе „сѣрый“ цвѣтъ, если не всей современной эпохи, то переживаемаго нами историческаго момента производитъ на столько сильное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ изслѣдователей, что они, сравнивая наше время съ эпохою Наполеона I, приходятъ,

---

[8]) Тамъ же, стр. 158.
[9]) Тамъ же, стр. 158—161.
[10]) См. а) «*Энциклопедія воен. и морскихъ наукъ*», томъ VII; статья «*Стратегія*»; б) «*Опытъ изслѣдованія тактики массовыхъ армій*». 1894, Спб.

говоря вообще, къ крайне нелестнымъ для нашего времени выводамъ; въ частности же, по отношенію къ стратегіи, приписываютъ современной эпохѣ слѣдующія отличительныя черты: а) *матеріализацію* (?) военнаго искусства; б) наличность *грубаго орудія* въ видѣ грузной, неповоротливой арміи; в) *демократизацію* (?) стратегіи, т.-е. *власти* и *таланта*; г) *грубость* и *однообразіе* стратегическихъ операцій. Подобной стратегіи присущъ „характеръ массовый, техническій“, а потому, съ точки зрѣнія искусства, „современная стратегія“, по сравненію съ Наполеоновскою, представляетъ низшую форму. Послѣднее заключеніе вѣрно; однако, это является слѣдствіемъ не одного лишь массоваго характера армій, но и другихъ, гораздо болѣе важныхъ причинъ, въ сравненіи съ которыми массовый характеръ армій отходитъ на второй планъ.

Изъ упомянутыхъ чертъ современной стратегіи такъ называемая *матеріализація* военнаго искусства, въ сущности, только кажущаяся. а потому и лишена особеннаго значенія; *грубое орудіе* въ видѣ грузной, неповоротливой арміи будетъ давать себя чувствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда оно будетъ находиться въ распоряженіи недостаточно искусныхъ полководцевъ, а въ рукахъ великаго мастера искусства оно можетъ потерять, въ достаточной степени, свои отрицательныя свойства; подобное же заключеніе можетъ быть сдѣлано и по отношенію къ *грубости* стратегическихъ *комбинацій*; наконецъ *„однообразіе“* ихъ не должно быть отождествляемо съ ихъ *простотою*, которая всегда была и будетъ присуща проявленіямъ истиннаго искусства и которая возможна и въ будущемъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя такъ называемая *демократизація* стратегіи, т.-е. власти и таланта, или собственно одного *таланта*. Однако, и эта демократизація является ни болѣе, ни менѣе, какъ послѣдствіемъ *отсутствія таланта*, что, въ свою очередь, вызываетъ: а) гораздо большую *„демократизацію власти“*, чѣмъ это требуется даже современными условіями, б) *„грубость* и *однообразіе* стратегическихъ *комбинацій“* и в) возможное (но не непремѣнное) *неумѣнье управлять* современными массовыми арміями.

Въ виду вышеприведенныхъ соображеній, приходится признать примѣнимымъ къ современной эпохѣ извѣстное выраженіе *Ру-Фазильяка*, характеризующее, съ соотвѣтствующей точки зрѣнія, вѣкъ Людовика XIV: *„Большія арміи, многочисленные штабы, сильные парки, большіе обозы, большіе магазины, большіе склады фуража и большіе госпитали*, однимъ словомъ — *большія затрудненія*,

большія злоупотребленія, маленькія способности и большія пораженія“ [11]).

Тѣмъ, кто пропитался (въ вѣкъ Людовика XIV) стратегіею Лувуа, Шамильяра, Марсена и К°, въ то время казалось невозможнымъ дѣйствовать не по правиламъ тогдашней стратегіи, а между тѣмъ походъ принца Евгенія въ сѣверной Италіи 1706 года доказалъ противное, представляя нарушеніе правилъ тогдашней ложной стратегіи въ пользу основныхъ положеній стратегіи истинной. Въ 1796 году одинъ плѣнный австрійскій офицеръ, бесѣдуя съ генераломъ Бонапарте и не узнавъ его, высказалъ, что пораженія, наносимыя имъ австрійцамъ, объясняются тѣмъ, что онъ ведетъ войну „не по правиламъ искусства“ (т.-е. того, что считалось искусствомъ) и что если бы онъ, Бонапарте, дѣйствовалъ согласно съ этими правилами, то и австрійцы могли бы его разбить. Едва ли нужно прибавлять что-либо къ этой невольной, но совершенно вѣрной оцѣнкѣ тогдашней австрійской лже-стратегіи съ одной стороны и истинной стратегіи Наполеона I съ другой.

Такъ или иначе признаніе справедливымъ и законнымъ положенія о *демократизаціи искусства* было бы равносильно признанію законнымъ *отсутствія искусства.* Упрочившись на этой почвѣ, стратегія не будетъ въ состояніи подготовить надлежащія условія для тактики, которой въ такомъ случаѣ придется выносить все на своихъ плечахъ; если же подобная стратегія внесетъ еще въ тактику и свой характеръ, то не только не будетъ въ состояніи направлять и вести ее къ побѣдамъ, но, напротивъ того, поведетъ ее къ пораженіямъ и катастрофамъ.

Если стратегія станетъ такою, какою стремятся сдѣлать ее рьяные панегиристы побѣдъ 1866 и 1870—71 г.г. и всѣ, поддающіеся ихъ вліянію, и если такимъ образомъ она признаетъ себя неспособною справляться съ современными войсковыми массами при наличности всевозможныхъ предпослѣднихъ и послѣднихъ усовершенствованій техники (тѣхъ же китайскихъ драконовъ), то тактика не должна слѣдовать за нею, но должна указать ей на истинную стратегію, въ лицѣ великихъ полководцевъ и во главѣ ихъ Наполеона I; сама же тактика не должна искать подобныхъ же образцовъ въ кампаніяхъ и бояхъ 1866 и 1870—71 г.г., ибо въ нихъ отрицательные примѣры преобладаютъ надъ положительными.

---

[11]) См. *Carrion-Nisas.* Essai sur l'histoire générale de l'art militaire. 1824. T. II, 152.

Съ этой точки зрѣнія должно, конечно, изучать дѣйствія нѣмцевъ въ ихъ послѣднія войны, но главнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы, допуская въ своей арміи примѣненіе лишь того, что является цѣлесообразнымъ и разумнымъ, отнюдь не допускать слѣпого подражанія, что привело бы къ введенію нѣмецкой тактики. Тактика эта въ послѣднее время приняла, по отношенію къ главному роду оружія (пѣхотѣ) направленіе, сводящееся къ перенесенію центра ея тяжести въ „тактику огня" (Feuertaktik), въ ущербъ „тактикѣ удара" (Stosztaktik).

Подъ вліяніемъ нѣмцевъ тоже явленіе происходитъ чуть ли не во всѣхъ арміяхъ, почти совершенно такъ же, какъ это происходило въ минувшемъ столѣтіи, послѣ успѣховъ тѣхъ же пруссаковъ (Фридриха Великаго). Въ общемъ на нашихъ глазахъ искажается перпендикулярная тактика Наполеона I, создается искаженная тактика смѣшаннаго, перпендикулярно-линейнаго характера, при чемъ частной иниціативѣ дается непомѣрный просторъ, безъ установленія ей какихъ-либо предѣловъ. Къ какимъ результатамъ приведетъ это теченіе, сказать трудно. Быть можетъ, къ такимъ же, какіе уже были испытаны рыцарскими войсками феодальнаго періода, съ тою, однако, разницею, что *частная иниціатива воина-рыцаря*, во имя духовныхъ стимуловъ, почти всегда двигала его *впередъ*, тогда какъ *частная иниціатива европейскаго солдата*, который, въ сравнительно непродолжительномъ времени, превратится въ *милиціонера*, приведетъ его къ болѣе или менѣе стремительному движенію *назадъ*[12]).

Современный полководецъ долженъ твердо помнить и вѣрить, что формула Наполеона, въ силу которой успѣхъ на войнѣ зависитъ на $^3/_4$ отъ элемента моральнаго (вѣрнѣе духовнаго) и только на $^1/_4$ отъ условій матеріальныхъ (понимая, конечно, не буквально), не потеряла своего значенія и въ настоящее время и никогда его не потеряетъ. Если даже создастся система, основанная на неправильномъ освѣщеніи послѣднихъ войнъ, и если она будетъ сковывать полководца, то онъ долженъ разорвать эти оковы. Для зауряднаго главнокомандующаго такая задача будетъ не по силамъ. Подобный главнокомандующій и будетъ плыть по теченію и допуститъ гораздо бо́льшую „демократизацію стратегіи", чѣмъ это требуется даже съ точки зрѣнія современныхъ условій, при чемъ и всѣ остальныя вышеупомянутыя черты такой стратегіи проявятся во всемъ своемъ объемѣ. Вслѣдъ за подобною стратегіею и рука объ

---

[12]) Въ виду этого соображенія намъ не слѣдуетъ идти за Западною Европою по пути превращенія *народной* арміи въ *милиціонную*, но должно остановиться на достигнутомъ нами предѣлѣ.

руку съ нею явится на законномъ основаніи и соотвѣтствующая тактика, при чемъ и результаты получились бы соотвѣтствующіе вышеприведеннымъ словамъ Ру-Фазильяка.

Однако, жизнь, если не всего цивилизованнаго человѣчества, то, по крайней мѣрѣ, значительной его части бьетъ еще живымъ ключемъ, который пока еще не можетъ быть вполнѣ засоренъ матеріальнымъ элементомъ. Это-то паденіе искусства и находится въ тѣсной связи съ подготовленіемъ условій для новаго коренного переворота въ военномъ дѣлѣ, въ связи съ общимъ ходомъ жизни народовъ, и почву для новаго величаваго зданія, напоминающаго прежніе величественные же образцы. Можно даже допустить, что почва эта почти подготовлена. Если это вѣрно, то современный военный міръ находится наканунѣ выступленія на военно-историческое поприще новаго великаго полководца, и быть можетъ въ той самой борьбѣ, которой со страхомъ ожидаетъ современный культурный міръ, когда 10—20 милліоновъ человѣкъ примутъ участіе въ гигантской борьбѣ на театрахъ военныхъ дѣйствій, когда милліонныя арміи двинутся отъ исходныхъ линій операцій къ полямъ рѣшительныхъ сраженій, когда въ генеральныхъ сраженіяхъ будутъ участвовать массы людей, не только не уступающія, но, пожалуй, и превосходящія по численности полчища, участвовавшія въ единственной въ исторіи Каталаунской битвѣ, быть можетъ, въ этой самой борьбѣ воскреснетъ вновь военное искусство великихъ полководцевъ съ новымъ Наполеономъ I во главѣ.

Какова будетъ въ такомъ случаѣ судьба массовыхъ армій, предсказать трудно. Можно предполагать, что, по превращеніи ихъ въ *милиціонныя*, онѣ будутъ сведены съ военно-историческаго поприща арміями *солдатскаго типа*, несравненно *слабѣйшими* въ *численномъ*, но соотвѣтственно *сильнѣйшими* въ *качественномъ* отношеніи, при чемъ обрисуются вновь вполнѣ рельефно какъ первенствующее значеніе на войнѣ и въ бою *духовнаго* элемента, такъ и второстепенное (хотя и немаловажное) значеніе условій *матеріальныхъ*.

Все это едва ли возможно, скажемъ даже невозможно безъ новыхъ проявленій первостепенныхъ образцовъ стратегическаго и тактическаго искусства, т. е. безъ выступленія на военно-историческое поприще *новаго великаго полководца*, въ появленіи коего чувствуется уже теперь необходимость.

Итакъ, занимаясь изслѣдованіемъ вопросовъ чисто спеціальнаго характера, мы пришли къ тѣмъ же заключеніямъ, что и г. Рцы, при чемъ, приходя къ нимъ, мы не знали, что его взгляды совпадутъ съ нашими. Въ общемъ, съ точки зрѣнія, какъ г. Рцы, такъ и нашей, при-

ходится засвидѣтельствовать приближеніе, по его терминологіи, *возстановленія культа великаго въ исторіи*, а по нашей, сверхъ того, *новыхъ проявленій* классическихъ образцовъ *военнаго искусства*. Съ его точки зрѣнія должно этому *радоваться*, а съ нашей, сверхъ того, должно къ этому *готовиться*, тѣмъ болѣе, что никому неизвѣстно, на которой изъ сторонъ окажется будущій великій мастеръ нашего искусства, а такъ какъ въ военномъ дѣлѣ должно разсчитывать на худшее, то съ этимъ соображеніемъ мы и должны согласовать нашу подготовку къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ, касающуюся не только нашей народной арміи, но и самаго народа, ибо первая представляетъ кость отъ кости и плоть отъ плоти второго, въ немъ почерпаетъ свою силу.

П. А. Гейсманъ.

Судъ и жизнь

Summum jus—summa injuria

— старая латинская поговорка, сохранившая къ несчастію до нашихъ дней свое горькое, иногда ужасающее значеніе.

Вотъ маленькій „анекдотъ“, разсказанный жизнью, въ подтвержденіе справедливости приведеннаго изреченія.

Въ г. Г. доживаетъ послѣдніе дни въ *своемъ* родовомъ домѣ 63-хъ лѣтній болѣзненный старикъ Н. Черезъ нѣсколько дней судебный приставъ выброситъ его изъ дома — на всѣ четыре стороны — голодать и мерзнуть.

Годъ назадъ человѣкъ былъ домовладѣльцемъ, а теперь у него нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни и даже крова. Кому до него какое дѣло? Такіе случаи сплошь и рядомъ! Былъ долженъ, взыскали по закону, и все—какъ быть должно! Но это только такъ кажется. Случилось вовсе не то, чему должно быть въ благоустроенномъ христіанскомъ государствѣ, которое ни одного изъ подданныхъ своихъ не должно доводить до полной нищеты, а потому не въ его цѣляхъ терпѣть, чтобы частныя лица позволяли себѣ то, что отвергаетъ оно само. Между тѣмъ, до сихъ поръ существуютъ законы, дающіе право кредитору своевольно изъ человѣка, живущаго своими трудами или имуществомъ, сдѣлать нищаго, т.-е. — выбросить на руки общества и государства. — Подобныя права частныхъ лицъ—разсадникъ въ государствѣ нищенства и кулачества, т.-е., двухъ такихъ явленій, которыя преслѣдуются закономъ, изданнымъ тѣмъ же самымъ государствомъ. Это—крупное и вредное благу государства недоразумѣніе. Языческое правосознаніе, признававшее справедливымъ разрѣзать должника даже на части лишь бы удовлетворить кредиторовъ, возмущаетъ насъ до глубины души. Но мы-то сами много ли приблизились къ христіанскому идеалу взаимныхъ между людьми отношеній? Развѣ мы не отдаемъ должника въ полное почти распоряженіе

его кредитора? — Право отмстить за обиженнаго, наказать въ мѣру обидчика, беретъ на себя государство и поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно правильно. Точно также право обязать должника уплатить кредитору или сразу весь долгъ сполна или только часть долга, по всей справедливости принадлежитъ государству, которому необходимо упорядочить и ввести въ извѣстныя границы проявленіе злой воли и въ злостномъ кредиторѣ, точно также, какъ оно упорядочиваетъ ее въ злостномъ должникѣ.—Т.-е. способъ и порядокъ удовлетворенія заимодавца законъ долженъ согласовать съ платежной силой должника, а не предоставлять послѣдняго на полный произволъ заимодавца.—Это измѣненіе въ законѣ во много разъ скорѣе уменьшитъ въ государствѣ число нищихъ, преступниковъ и паразитовъ-кулаковъ, чѣмъ всякія другія, мѣры: рабочіе дома, пенитенціарныя тюрьмы и т. п. печальныя учрежденія.

Теперь, продолжаю о „случаѣ" съ г. Н. Онъ столь характеренъ, что вопіетъ объ оглашеніи его въ печати.

Г. Н. въ 1881 понадобились деньги для уплаты долга. Чтобы достать ихъ, ему пришлось заложить домъ и землю, которыми онъ владѣлъ совмѣстно съ тремя сестрами старухами, братомъ, вдовой другого брата и ея тремя дочерьми [1]). Недвижимость г-дъ Н. — цѣнностью не менѣе 20 тысячъ рублей.—Такъ какъ залогъ недвижимаго имущества, у котораго нѣсколько владѣльцевъ, можетъ совершиться лишь при согласіи на то всѣхъ ихъ, то „добрые" родственники г. Н. за дачу своего согласія на залогъ дома и земли въ суммѣ лишь 2,500 рублей, т.-е. за сумму, меньшую стоимости части г. Н., потребовали съ него *обезпеченіе* въ видѣ „заемнаго письма" на сумму около 2-хъ тысячъ рублей. — Необходимость обезпеченія объяснялась тѣмъ, что если г. Н. почему-либо ни капитала, ни % по займу своему платить не будетъ, и для спасенія имущества отъ продажи то и другое придется уплатить остальнымъ совладѣльцамъ, то это заемное домашнее письмо, явленное у нотаріуса (по закону документъ оспоримый), послужитъ вознагражденіемъ лицамъ, понесшимъ убытки. Сказано—сдѣлано. Прошло 12 лѣтъ. Въ это время ни г. Н., ни владѣльцы его ни долга, ни % по займу не платили. Долгъ возросъ до 4-хъ слишкомъ тысячъ. Чтобы избѣжать потери имущества, всѣ сонаслѣдники въ 1893 году (братъ г. Н. тогда уже умеръ и часть его перешла г. Н. и дру-

---

[1]) Одна изъ послѣднихъ женщина-врачъ въ С.-Петербургѣ, другая городская учительница тамъ же.

[2]) Шейлокъ Шекспира прекрасная имѣющая принципъ «око за око»,—Триста лѣтъ назадъ поэтъ осудилъ его.

гимъ) перезаложили его въ земельный банкъ въ суммѣ 6,900 рублей и съ прежнимъ долгомъ покончили. При этомъ г. Н. нисколько не жаловался на то, что долгъ банку, павшій на его часть въ такомъ размѣрѣ (4,100 р.), образовался благодаря только невыполненію родственниками своего обязательства, во имя котораго они взяли 12 лѣтъ назадъ заемное письмо.—Казалось разсчеты съ прошлымъ покончены и не исполнившія своего договора родственницы обязаны были возвратить г. Н. его обязательство, которому онъ, впрочемъ, не придавалъ уже никакого значенія, такъ какъ ему истекъ срокъ давности. Но родственницы не возвратили заемнаго письма, а приберегли его на всякій случай. И такой случай скоро представился. Наскучивъ постоянными неладами изъ-за совмѣстнаго владѣнія, г. Н. рѣшилъ продать свою часть, разсчитаться съ банкомъ и остатокъ дней прожить въ мирѣ и покоѣ. Покупщикъ нашелся и предложилъ за $^9/_{28}$ имущества, т.-е. за часть г. Н., 7 тысячъ рублей. — Но объ этомъ провѣдали родственницы г. Н. Боясь, что наслѣдство отъ нихъ ускользнетъ, онѣ рѣшились на преступленіе. Алчность подсказала имъ и орудіе — старое заемное письмо. Незамедлилъ найтись и *учитель* въ лицѣ цивилиста, „съ высшимъ образованіемъ"—присяжнаго повѣреннаго.

Въ судъ было предъявлено просроченное безденежное заемное письмо отъ 1881 года. — Казалось бы, что ни одинъ человѣкъ въ здравомъ умѣ не рѣшится на такой искъ, въ виду его полной несостоятельности и строгой отвѣтственности.—Но дамы и адвокатъ дѣйствовали почти навѣрняка. Они ясно видѣли, что г. Н. старѣетъ съ каждымъ днемъ, хвораетъ, доходъ отъ дома на его часть скуденъ (были пустыя квартиры), едва хватаетъ на прожитіе, что при такихъ условіяхъ ему трудно будетъ бороться съ 7-ю родственницами и 1 адвокатомъ, платить повѣренному нечѣмъ, а судебныхъ издержекъ на защиту дѣла потребуется въ 7 разъ больше, чѣмъ со стороны ихъ,—и дѣло объ ограбленіи родного брата и дяди началось! — Но, какъ ни слабъ былъ г. Н. по всѣмъ статьямъ, онъ всежъ таки обратился для защиты своихъ правъ къ адвокату. —Это былъ опустившійся старый присяжный повѣренный г. М., къ которому никто уже съ серьезными дѣлами не обращается—въ виду нѣкоторыхъ „случаевъ"... Г. М. заполучилъ съ г. Н. обязательство на сумму 300 рублей и нѣсколько „наличныхъ". Написавъ весьма дѣльное возраженіе по иску въ С.-Петерб. Окруж. Судъ, указавъ въ немъ все, что надо и приложивъ документы, едва какъ вручилъ для отправки ихъ изъ г. Г. въ судъ своему довѣрителю. Г. Ну—нъ на послѣдніе гроши оплатилъ всю эту кучу бумагъ гербовымъ сборомъ и отправилъ по почтѣ въ судъ. Судъ получилъ все

исправно за 2 дня до засѣданіи, подшилъ къ дѣлу. Насталъ и день разбора дѣла. Ни самъ г. Н., ни его адвокатъ на судѣ *небыли*, а судъ дѣла не отложилъ и постановилъ заочнымъ рѣшеніемъ—взыскать съ отвѣтчика капитальную сумму, которой тотъ не бралъ и % за 13 лѣтъ на этотъ „мертвый заемъ". Притомъ судъ торжественно засвидѣтельствовалъ въ рѣшеніи неправду, что со стороны отвѣтчика возраженій по иску не было.

По рѣшенію, которымъ присуждено было и обезпечить искъ, у г. Н. тотчасъ отняли имущество и доходы, т.-е. *лишили его разомъ средствъ защиты*. Адвокатъ г. Н., получившій заочное рѣшеніе, не показалъ его своему кліенту, а для проформы написалъ апелляцію, оплатить которой бѣдняку ужъ было нечѣмъ. Такъ она и не пошла. Средствъ взять негдѣ, никто не вѣритъ человѣку, у котораго побывалъ судебный приставъ. Такого человѣка всѣ у насъ боятся, какъ пугала. Защищаться на счетъ казны—по свидѣтельству о бѣдности—г. Н. не могъ. Хотя онъ сталъ *въ дѣйствительности* нищимъ, благодаря описи, но такого свидѣтельства ни городской судья, ни полиція, не могли дать, такъ какъ онъ все-таки *юридически* былъ еще домовладѣльцемъ. Такія свидѣтельства выдаютъ у насъ не *бѣднымъ* (понятіе очень растяжимое въ отношеніи количества судебныхъ издержекъ), а совершенно нищимъ. Въ безуспѣшныхъ попыткахъ защититься и въ поискахъ денегъ на то протекли для г. Н. всѣ законные сроки на обжалованье рѣшенія суда. Адвокатъ его къ тому же уклонился отъ веденія дѣла, которое приходилось вести уже въ счетъ будущихъ благъ на свои средства.

Долгое время г. Н. не зналъ объ истинномъ положеніи дѣла, т.-е. почему состоялось заочное рѣшеніе, когда его въ тотъ день и вовсе по закону не должно было быть въ виду поступленія новыхъ документовъ (возраженія), получивъ которые судъ обязанъ былъ сообщить противной сторонѣ и отложить дѣло. Наконецъ, въ судѣ разъяснили г. Н., что возраженіе отвѣтчика *не сполна* оплачено было гербовымъ сборомъ, т.-е. не оплачены были копіи всѣхъ бумагъ. Судъ не послалъ отвѣтчику повѣстки о доплатѣ и бумаги, содержавшія возраженія по существу дѣла, при разсмотрѣніи и рѣшеніи его оставилъ безъ вниманія. Родственники, обездоливъ удачно г. Н., тѣмъ не менѣе чувствовали себя сначала неловко и, очевидно, по совѣту адвоката, сначала склоняли старика *миромъ* отдать все его достояніе, что, конечно, замело бы слѣды. На справедливые упреки старика, что такіе поступки, какъ взысканіе денегъ по безденежнымъ документамъ,— мошенничество, родственницы ему писали письма, старались обѣлить себя,

увѣряли, что все предпринято лишь для *общаго блага*, что, хотя, дѣйствительно заемное письмо *безденежно*, но это-де долгъ *чести*, который святѣе денежнаго долга, такъ какъ это письмо—*обезпеченіе* за поручительство, т.-е. попросту, за согласіе на залогъ дома въ 1881 году, просили убѣдительно не мѣшать дѣлу, обѣщали пожизненно квартиру въ домѣ и остатокъ отъ дохода съ $^9/_{28}$ частей за уплатой % по займу. Не видя нигдѣ помощи и сильно сомнѣваясь „въ благахъ", обѣщанныхъ „человѣколюбивыми" родственницами, старикъ обратился, наконецъ, къ одному знакомому, который, по счастью, оказался кое-что смыслящимъ въ дѣлахъ. Онъ посовѣтовалъ старику обратиться къ прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда. Г. Н. написалъ жалобу, изложилъ обстоятельно дѣло, указалъ свидѣтелей, приложилъ документы. Дѣло совершенно ясное — человѣкъ жертва мошенничества, но слѣдствія по этому дѣлу не было назначено, хотя въ дѣлѣ было *письменное признаніе одной* изъ обвиняемыхъ *въ безденежности документа—заемнаго письма*. Въ такихъ безплодныхъ попыткахъ шло дорогое время, копіи нужныхъ бумагъ доставались съ трудомъ изъ-за бѣдности потерпѣвшаго.

Тѣмъ временемъ судъ продалъ съ публичнаго торга часть г. Ну—на, и купила ее родная племянница г. Ну—на,—женщина-врачъ, внесла задатокъ, а потомъ, вмѣсто остальной суммы, предъявила дарственныя на свое имя отъ прочихъ истицъ.

Такимъ коммерческимъ изворотомъ былъ ограбленъ старикъ Н.

Г. Н. подана жалоба на судей въ сенатъ. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Жалоба подана 12 іюля, а до сихъ поръ по ней затребованы лишь свѣдѣнія и дѣлопроизводство. Пока все это разберутъ, противная сторона торжествуетъ преступную во всѣхъ отношеніяхъ побѣду. Она настойчиво выселяетъ старика изъ наслѣдственнаго угла.

Въ заключеніе пишущій весьма желалъ бы, чтобы его „анекдотъ" пригодился кому вѣдать надлежитъ, дабы на будущее время могъ быть положенъ предѣлъ такимъ ядовитымъ для людей положеніямъ, какія создаетъ живая жизнь, а не предусматриваетъ ученый кабинетъ цивилиста или криминалиста. Мошенничество и подлогъ такъ усовершенствованы теперь, что прежнія ихъ опредѣленія въ уложеніи о наказаніяхъ устарѣли. Затѣмъ, объ этихъ судебныхъ пошлинахъ и гербовыхъ маркахъ. Къ чему такая строгость, зачастую къ нищимъ—требованіе ихъ *впередъ*, когда таже казна, куда онѣ поступаютъ, не требуетъ впередъ напр. государственнаго сбора съ владѣльцевъ желѣзныхъ дорогъ, а ждетъ его иногда цѣлые годы?

Кто и что потеряетъ отъ того, если издержки гражданскаго процесса будутъ взыскиваться судомъ *съ отвѣтчика прямо въ казну*, а не въ пользу истца, какъ теперь, при постановленіи рѣшенія?

Съ кого нечего взять, съ того никто ничего не взыщетъ. Такая неукоснительность взысканія гербовыхъ и судебныхъ пошлинъ впередъ вредна дѣлу правосудія, ужъ по одному тому, что зачастую не только лишаетъ бѣднаго человѣка возможности искать *своевременно* съ богатаго беззаконника или должника свои дѣйствительные убытки, но даже лишаетъ его возможности защищаться, если кому прійдетъ охота отнять у него послѣднее имущество. Свидѣтельства о бѣдности, на которыя могутъ сослаться защитники настоящаго положенія, слишкомъ трудно достаются и даются лишь совершеннымъ нищимъ, которымъ вовсе не до суда.

С. Памфалонъ.

Наши тарифы.

(Окончаніе) [1].

Обращаясь къ послѣднему возраженію моего противника, которымъ онъ старается доказать чуть-ли не совершенство нашихъ тарифовъ I и II группъ, я долженъ сказать, что не только остаюсь при своемъ раньше высказанномъ мнѣніи, но еще болѣе въ немъ укрѣпился послѣдними измѣненіями этого тарифа, вновь изданнаго со всѣми исправленіями и дополненіями, которыхъ набралось неимовѣрное количество за его полу-тора-годичное существованіе. Мѣста въ немъ почти не осталось безъ перемѣны и всѣ эти измѣненія главнымъ образомъ состоятъ въ томъ, чтобы окончательно разрушить тѣ основы тарификаціи, которыя у насъ выработались путемъ долговременной практики и многочисленными совѣщаніями государственныхъ людей, въ которыхъ принимали участіе лучшія силы страны. Дѣйствительно, положенное въ основаніе нашихъ тарифовъ раздѣленіе провозной платы на 12 классовъ, съ опредѣленными скидками съ платы или дифференцированіемъ ея сообразно увеличенія разстояній, стѣсняли до нѣкоторой степени произволъ въ тарифномъ дѣлѣ и упрощали наши тарифы до полной очевидности и ясности для всѣхъ.

Теперь въ новомъ тарифѣ I и II группы исчисленіе провозной платы по основнымъ классамъ почти уничтожено и замѣнено дифференціалами.

Противъ дифференцированія провозной платы или предоставленія извѣстныхъ процентныхъ скидокъ съ нея съ увеличеніемъ разстоянія, проходимаго грузомъ, я не только не имѣю ничего, но даже нахожу принципъ подобныхъ скидокъ совершенно правильнымъ, въ особенности въ такомъ необъятномъ по пространству государствѣ, какъ Россія. Принципъ этотъ принятъ въ основаніе всѣхъ нашихъ нормальныхъ тарифовъ; такъ, напримѣръ, всѣ грузы, отнесенные къ первымъ девяти классамъ, то есть провозимые по $^1/_{10}$, $^1/_{12}$, $^1/_{15}$, $^1/_{18}$, $^1/_{24}$, $^1/_{30}$, $^1/_{36}$, $^1/_{40}$, и $^1/_{45}$ коп. съ пуда и версты, пользуются слѣдующими скидками съ основной провозной платы при увеличеніи разстояній перевозки:

[1]) Русск. Бесѣда, Сентябрь и Октябрь.

свыше	200	верстъ	. . .	10%
„	500	„	. . .	15%
„	1000	„	. . .	20%
„	1500	„	. . .	25%
„	2000	„	. . .	30%

Всѣ же грузы, причисленные къ остальнымъ тремъ классамъ, т. е. перевозимые по $^1/_{65}$, $^1/_{75}$ и $^1/_{100}$ коп., никакими скидками не пользуются, такъ какъ приведенная плата признается уже настолько низкой, что нѣтъ основанія дѣлать дальнѣйшія пониженія.

Противъ приведенныхъ скидокъ съ провозной платы, разумѣется, никто ничего имѣть не можетъ, но нѣчто совершенно иное представляютъ изъ себя наши дифференціалы. Въ нихъ невозможно никакимъ образомъ уловить какую-либо нить системы, которой руководствуются для назначенія той или иной скидки при увеличеніи разстояній. Для примѣра прослѣдимъ, какія дѣлаются скидки хотя въ нѣсколькихъ изъ существующихъ 43 дифференціаловъ сравнительно съ установленными у насъ нормальными скидками, указанными выше.

Въ виду того, что скидки, при увеличиніи разстояній въ дифференціалахъ расчитываются не съ общей провозной платы, какъ это дѣлается въ нормальныхъ классныхъ тарифахъ, а уменьшаются пудоверстныя ставки, необходимо для удобства сравненія обратить вышеприведенныя нормальныя процентныя скидки съ общей провозной платы по класнымъ тарифамъ въ соотвѣтственныя пониженія пудоверстныхъ ставокъ, и тогда получимъ слѣдующую таблицу совершенно однородныхъ и вполнѣ сравнимыхъ размѣровъ процентныхъ скидокъ съ первоначальныхъ пудоверстныхъ ставокъ въ зависимости отъ увеличенія разстоянія перевозки (См. стр. 105).

Ручаюсь, что приди съ того свѣта мудрѣйшій изъ семи мудрецовъ, то и тотъ не нашелъ бы въ скидкахъ за провозъ грузовъ при увеличеніи разстояній въ приведенныхъ дифференціалахъ ни малѣйшей тѣни системы или подобія какихъ-либо твердо обоснованныхъ началъ.

Въ однихъ дифференціалахъ скидка съ провозной платы съ увеличеніемъ разстоянія, вопреки принятому принципу, уменьшается, въ другихъ она, какъ бы въ лихорадкѣ, то повышается, то понижается, а въ нѣкоторыхъ остается почти на одномъ уровнѣ.

Если читатель спроситъ меня, что означаетъ слово дифференціалъ въ данномъ случаѣ, я по совѣсти и крайнему своему разумѣнію могу лишь дать слѣдующее опредѣленіе. Это вновь придуманное слово для выраженія какъ бы двойственнаго понятія, весьма близко и одинаково подходящаго къ „точно такъ“ и „никакъ-нѣтъ“, но можетъ означать

РАЗСТОЯНІЯ.	Скидка нормальная.	Скидка по дифференціалу № 9.	Скидка по диффеенціалу № 20.	Скидка по диффеенціалу № 33.	Скидка по диффеенціалу № 35.	Скидка по диффеенціалу № 38.	Скидка по диффеенціалу № 40.
	Съ	пудо-	вер	стны	хъ ста	вокъ.	
Свыше 60 верстъ . . .	—	—	33%	—	—	—	—
» 144 » . . .	—	—	—	—	88%	—	—
» 170 » . .	—	—	—	76%	—	—	—
» 200 » . . .	17%	17%	—	—	—	17%	17%
» 211 » . . .	—	—	70%	—	—	—	—
» 225 » . . .	—	—	—	—	—	—	82%
» 327 » . . .	—	—	—	—	—	—	32%
» 340 » . . .	—	—	—	88%	—	—	—
» 350 » . .	—	70%	—	—	—	—	—
» 398 » . . .	—	—	88%	—	—	—	—
» 500 » . . .	20%	—	—	—	—	20%	36%
» 509 » . . .	—	—	—	—	63%	—	—
» 600 » . . .	—	—	—	—	—	60%	—
» 625 » . . .	—	—	—	—	—	—	70%
» 680 » . . .	—	—	—	63%	—	—	—
» 844 » . .	—	—	68%	—	—	—	—
» 850 » . . .	—	82%	—	—	—	—	—
» 1000 » . . .	30%	—	—	—	—	—	—
» 1050 » . . .	—	—	—	—	—	80%	—
» 1201 » . . .	—	—	—	—	—	90%	—
» 1474 » . . .	—	—	—	—	—	—	60%
» 1500 » . . .	40%	—	—	—	—	—	—
» 1600 » . . .	—	63%	—	—	—	—	—
» 2000 » . . .	50%	65%	—	—	—	—	—
» 2250 » . . .	—	—	—	—	—	—	82%
» 2400 » . . .	—	—	—	—	—	65%	—
» 2912 » . . .	—	—	—	—	—	—	50%

и „какъ угодно". Это можетъ быть богатѣйшее пріобрѣтеніе для волапюка, но весьма сбивчивая вещь для тарифнаго дѣла и уясненія стоимости провоза грузовъ.

Объяснить это возможно до нѣкоторой степени лишь примѣромъ. Предположимъ, что вы имѣете гдѣ-нибудь на Кавказѣ пивоваренный заводъ и хорошій садъ, въ которомъ масса персиковъ, которые вы предполагаете сушить для продажи.

У васъ къ перевозкѣ являются два груза: пиво и сушеные персики. Если вы пожелаете узнать отъ начальника ближайшей станціи или же въ самомъ департаментѣ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, что стоитъ перевозка этихъ предметовъ по желѣзнымъ дорогамъ, то вамъ не укажутъ никакой опредѣленной ставки—въ $^1/_{10}$, $^1/_{20}$,... $^1/_{100}$ съ пуда и версты,—а уклончиво отвѣтятъ, что сушеные персики таксируются по дифференціалу № 9, а пиво по дефференціалу № 12.

Если вы полюбопытствуете узнать, какой же изъ двухъ предметовъ перевозится дороже, то отвѣтъ на это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія вопрошаемаго. Одинъ вамъ можетъ сказать, что сушеные персики, какъ предметъ болѣе цѣнный, перевозится дороже пива; другой же скажетъ, что хотя пиво и менѣе цѣнный предметъ, чѣмъ сушеные персики, но перевозится дороже послѣднихъ,—и оба будутъ совершенно правы. Наконецъ, можетъ получиться и такой совершенно правдивый отвѣтъ, что это будетъ зависѣть отъ васъ, и если вамъ угодно будетъ, то вы можете провозить одно дешевле другого по своему выбору, а то провозить оба предмета за одинаковую плату.

Въ этомъ заключается весь секретъ и прелесть дифференціаловъ, которые даютъ возможность на вопросы о стоимости перевозки какихъ либо предметовъ отвѣчать и да, и нѣтъ, и какъ угодно, при чемъ быть во всѣхъ случаяхъ правымъ.

Но какъ бы ни были странны эти отвѣты, — они пунктуально подтверждаются еще болѣе странной дѣйствительностью. Посылая пиво, напримѣръ, со станціи Невинномысская Владикавказской желѣзной дороги въ Ростовъ, на разстояніе 366 верстъ, вы заплатите за провозъ пуда 12,48 коп.. а за провозъ 1 пуда сушеныхъ персиковъ 17,77 коп. т. е. дороже на 5,29 коп. Если вы пошлете пиво въ Воронежъ на разстояніе 978 верстъ, то заплатите по 27,71 коп. за пудъ, а за провозъ сушеныхъ персиковъ по 27,11 коп. за пудъ или почти одинаково. Если же вы пошлете пиво въ Москву, куда его везутъ даже изъ Мюнхена, то заплатите за 1531 версту 40 коп. за пудъ, а за 1 пудъ сушеныхъ персиковъ всего только 32,64 коп. за пудъ или дешевле на 7,36 коп. Если бы пиво послали въ Петербургъ, куда оно тоже идетъ даже изъ Мюнхена, то заплатили бы за 2144 версты 50,03 коп. за

пудъ, а за 1 пудъ сушеныхъ персиковъ только 41,69 коп. за пудъ или на 8,34 коп. дешевле.

На основаніи этого оказывается, что дѣйствительно на вопросъ о томъ, перевозятся ли сушеные персики дороже пива, по принятымъ у насъ въ основу исчисленія провозныхъ платъ дифференціаламъ, смѣло и съ одинаковою вѣрностью можно отвѣтить: „точно такъ", „никакъ нѣтъ" и даже „какъ угодно".

Раньше можно было знать относительно любого предмета—къ какому онъ относится классу по перевозкѣ, и какой предметъ везется дешевле или дороже другого. Теперь ничего подобнаго невозможно узнать и даже добиться толку въ этомъ отношеніи безъ изученія до тонкостей всѣхъ нашихъ тарифовъ. Такъ, напримѣръ, раньше мы знали, что ананасъ провозился по 1 классу, а говядина или баранина по IV классу, т. е. значительно дешевле, и куда бы ни повезли эти предметы все таки провозъ ананаса обошелся бы дороже. Теперь въ новомъ тарифѣ I и II группъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. въ общемъ для всѣхъ дорогъ Россіи, сдѣлана перемѣна, а именно: ананасы назначено перевозить по дифференціалу № 38, а для мяса по прежнему оставленъ IV классъ. Такое измѣненіе на всякаго, не окунувшагося съ головой въ наши тарифы, никакого впечатлѣнія не произведетъ, а между тѣмъ, вотъ, что это значитъ. Раньше изъ Владикавказа, положимъ, въ Москву на 1817 верстъ перевезти одинъ пудъ ананасовъ стоило 1 р. 36,28 коп., а 1 пудъ баранины—75,71 коп., теперь же перевезти ананасы по дифференціалу № 38 будетъ стоить 65,14 коп. за пудъ, т. е. баранина везется на 10,57 коп. на пудъ дороже, чѣмъ ананасы. Если отправить это большою скоростью, то плата за пудъ ананасовъ останется та же 65,14 коп., а за баранину (въ которой сильно нуждаются въ Москвѣ) придется уже заплатить 1 р. 13,56 коп. за пудъ, или почти ту цѣну, что раньше платили за ананасы. Что ни говорите, а подобные экономическіе фокусы въ головѣ здравомыслящаго человѣка прямо таки не помѣщаются.

Мой противникъ въ защиту этого говоритъ слѣдующее:

„Общій тарифъ обнимаетъ лишь тѣ перевозки, которыя совершаются въ малыхъ размѣрахъ и представляются болѣе или менѣе случайными; вмѣстѣ взятыя, имѣютъ очень серьезное значеніе для дорогъ, но каждая перевозка въ отдѣльности въ большинствѣ случаевъ незначительна. Поэтому для всѣхъ такихъ грузовъ существуетъ какъ бы презумпція, что ихъ можно перевозить по самому высокому тарифу на нашихъ дорогахъ, напримѣръ, по $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты. Но затѣмъ приходится понижать эту апріорную ставку для цѣлаго ряда грузовъ потому, *что заинтересованныя стороны доказываютъ эту необходимость*

весьма убѣдительными данными. Для однихъ грузовъ апріорная ставка понижается незначительно—до $^1/_{12}$, $^1/_{15}$, $^1/_{18}$, коп., *а для другихъ и очень значительно, въ особенности при перевозкѣ на большія разстоянія.* Такимъ образомъ, постепенно путемъ исключенія изъ общей апріорной ставки, получается множество тарифныхъ ставокъ. Но изданіемъ тарифа процессъ отдѣленія отъ апріорной ставки новыхъ и новыхъ исключеній отнюдь не останавливается. Тарифъ долженъ слѣдить за переливающимся разнообразіемъ торгово-промышленныхъ условій; тарифная ставка, бывшая вполнѣ удовлетворительною годъ тому назадъ, сегодня уже требуетъ измѣненія, потому что измѣнилась и рыночная коньюктура. Лучшее доказательство этому можно видѣть на дѣйствующемъ же общемъ тарифѣ. Какъ уже замѣчено, онъ находится въ дѣйствіи съ 1 октября 1893 года, т. е. менѣе двухъ лѣтъ, а между тѣмъ за это время уже опубликовано *двадцать два дополненія* къ этому тарифу. *при чемъ въ каждомъ изъ дополненій имѣется по длинному списку грузовыхъ наименованій,* на которыя первоначальная тарифная ставка замѣнена, новою; потому замѣнена, что *объ этомъ послѣдовало ходатайство, хорошо мотивированное и подкрѣпленное вѣрными данными объ условіяхъ производства, торговли и перевозки того или другого груза.* Только при такой системѣ тарификаціи и есть возможность удовлетворять всѣ требованія, предъявляемыя къ желѣзнымъ дорогамъ самою жизнью. Только такъ и возможно правильное развитіе тарифнаго дѣла".

Изъ приведеннаго выше примѣра мы видѣли, какія ходатайства удовлетворяются и предоставляемъ каждому подумать, чѣмъ они могутъ быть подкрѣплены. Раньше, пока не были затуманены и запутаны наши тарифы несмѣтнымъ количествомъ выдуманныхъ дифференціаловъ, то никто не посмѣлъ бы полѣзть съ такимъ ходатайствомъ, и подобнаго ходатая погнали бы вонъ, потому что пришлось бы для его удовлетворенія написать ясно для всѣхъ, что ананасы будутъ возиться дешевле мяса, сообразно съ чѣмъ измѣнить классификацію, а теперь это возможно, потому что номеръ дифференціала ничего не говоритъ, а досчитаться до его дѣйствительнаго значенія никому и въ голову не придетъ, да и скучная это работа, а кромѣ того, раньше чѣмъ ее предпринять, нужно купить (цѣнящіеся у насъ чуть не на вѣсъ золота) тарифы и ихъ изучить.

Попробуй въ этомъ самомъ тарифѣ написать, что, находя по какой либо причинѣ или ходатайству фруктовыхъ торговцевъ стоимость провоза ананасовъ слишкомъ высокой, отнынѣ они будутъ перевозиться дешевле баранины и мяса не только малой, но даже и большой скоростью,

то, я думаю, что это привело бы всѣхъ въ полное недоумѣніе, а теперь помѣщаются хвалебныя статьи, очевидно, по невѣжеству.

Обращаясь къ восхваленію системы дифференціаловъ моимъ противникомъ, нельзя не остановиться на странности его объясненій и доказательствъ:

„Но затѣмъ остается общій вопросъ: зачѣмъ нужны вообще дифференціалы? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень не трудно: дифференціалы требуются самою жизнью. Для перевозки грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ установлены двѣ крайнія ставки: наибольшая—$^1/_{10}$ коп. и наименьшая—$^1/_{100}$ коп. съ пуда и версты, а между ними варьируются всѣ вообще тарифныя ставки. Такъ, во-первыхъ, установлены еще 10 промежуточныхъ ставокъ: $^1/_{12}$, $^1/_{15}$, $^1/_{18}$, $^1/_{24}$, $^1/_{30}$, $^1/_{36}$, $^1/_{40}$, $^1/_{45}$, $^1/_{65}$, и $^1/_{75}$, коп. съ пуда; но такъ какъ и этого еще недостаточно, и этихъ болѣе или менѣе теоретическихъ ставокъ недостаточно для всего разнообразія грузовъ, то приходится устанавливать и другія промежуточныя величины между $^1/_{10}$ и $^1/_{100}$ к. Отсюда происходятъ такъ называемые деффеременціалы“.

Странное дѣло, при чемъ тутъ дифференціалы?! Если мало двѣнадцати подраздѣленій провозной платы, стоитъ только прибавить ихъ четыре, пять, наконецъ, десять и получится 22 класса, которыми уже можно дать, кажется, малѣйшіе оттѣнки и различія въ стоимости перевозки грузовъ, но все-таки каждый грузъ нужно будетъ подвести подъ извѣстную категорію предметовъ, перевозимыхъ по какому-либо классу, соображаясь съ его цѣнностью, значеніемъ въ торговлѣ и народномъ хозяйствѣ и даже, наконецъ, съ его громоздкостью или другими неудобствами его перевозки. Во всякомъ случаѣ каждый предметъ въ состояніи былъ бы найти и находилъ раньше у насъ подобающее себѣ мѣсто въ желѣзнодорожной классификаціи грузовъ, но разъ онъ причисленъ къ какому-либо классу, то всегда останется извѣстное неизмѣнное отношеніе между стоимостью провоза его и другихъ предметовъ, отнесенныхъ къ другимъ классамъ. Всякое тогда повышеніе или пониженіе тарифа на какой-либо предметъ заключалось бы въ томъ, что онъ могъ быть переведенъ въ высшій или низшій классъ, и для этого нужно бы было только доказать, что онъ неправильно отнесенъ къ извѣстной группѣ грузовъ. Но этого совсѣмъ намъ не нужно. Какъ бы могъ тогда прійти какой-либо содержатель лавки въ Милютиномъ ряду и требовать, чтобы ананасы, причисленные раньше къ той группѣ предметовъ, въ которую входили: грибы маринованные, огурчики маринованные, ячменный кофе, огородныя и полевыя овощи маринованныя, шишки кедровыя, бульонъ и т. п. снѣдь, въ виду несоотвѣтствія этимъ предметамъ и слишкомъ вы-

сокой стоимости перевозки ананасовъ по тарифу, примѣненному къ этой группѣ грузовъ, были бы переведены въ низшій классъ, къ которому отнесены такіе предметы, какъ сѣно, солома, известь, алебастръ, асфальтъ, дрова, вѣники, метлы, лыко, тряпье и т. п. предметы. Его, повторяю, навѣрное погнали бы вонъ, а теперь это ходатайство не только удовлетворено, но даже придуманъ для этого новый дифференціалъ № 38, который даетъ до 90% скидки съ провозной платы [1]).

Дифференціалы совсѣмъ не устанавливаютъ промежуточныя ставки между $^1/_{10}$, и $^1/_{100}$ коп., а исключительно служатъ для того, чтобы имѣть возможность въ удовлетвореніе разныхъ ходатайствъ незамѣтно ни для кого понижать произвольно стоимость провоза хотя бы ананасовъ до уравненія ее съ провозной платой, назначенной за солому, дрова, известь, метлы, тряпье и т. п. предметы.

Неужели сама жизнь требуетъ, какъ это торжественно заявляетъ мой противникъ, подобныхъ дѣяній въ области тарифнаго дѣла? Я въ этомъ сомнѣваюсь и полагаю, что мой критикъ опять невѣрно толкуетъ необходимость дифференціаловъ. Можетъ быть дифференціалы признаются нашими тарифными учрежденіями необходимыми, но эта надобность въ нихъ, во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго ни съ цѣлью дополненія промежуточныхъ ставокъ въ принятыхъ у насъ подраздѣленіяхъ провозной платы, такъ какъ всякій дифференціалъ наоборотъ совмѣщаетъ ихъ въ себѣ по нѣсколько, и даже можно такой придумать дифференціалъ, который ихъ совмѣститъ всѣ—отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{100}$ коп., ни съ потребностью жизни, понимая подъ этимъ словомъ нужды общегосударственныя и общественныя, а не личные интересы немногихъ отдѣльныхъ лицъ, никогда не отказывающихся отъ льготъ въ свою пользу.

Такимъ образомъ, объясненія моего противника о цѣли и причинахъ введенія въ нашу систему тарификаціи дифференціаловъ не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Полагаю опять, что это сокровеннѣйшая тайна канцелярскихъ дебрей, которой ни мнѣ, ни моему оппоненту, да и никому въ Россіи не уяснить. Съ однимъ утвержденіемъ моего оппонента можно согласиться, что всѣ пониженія тарифовъ *дѣйствительно дѣлаются по ходатайству разныхъ лицъ*.

Посмотримъ, наконецъ, какъ объясняетъ онъ жизненную потребность и необходимость дифференціаловъ на примѣрѣ.

„Прослѣдимъ, напримѣръ, какъ получился вышеуказанный дифференціалъ № 35. Онъ примѣняется къ перевозкѣ одного только груза—

---

[1]) См. страницу 105.

чернаго мелясса. Грузъ этотъ, представляющій собою низшій сортъ отбросовъ, получаемыхъ отъ сахароваренія, находитъ себѣ сбытъ въ Германіи. Такъ какъ главнѣйшій раіонъ сахароваренія есть раіонъ юго-западныхъ дорогъ, то мелассъ можетъ отсюда поставляться двумя путями въ Германію: либо черезъ Волочискъ и Радзивиловъ и далѣе по австрійскимъ дорогамъ, либо черезъ Граево непосредственно въ Германію. При первомъ пути грузъ пройдетъ очень короткое разстояніе по русскимъ дорогамъ и гораздо болѣе по австрійскимъ, а при второмъ—весьма большое разстояніе по русскимъ дорогамъ. Теперь будетъ вполнѣ понятенъ и строй дифференціала № 35. При перевозкѣ мелясса до австрійской границы, т.-е. на разстояніи не свыше 144 верстъ, русская дорога взимаетъ по $^1/_{24}$ к. съ пуда или 6 к. за все разстояніе, но почти за ту же плату съ небольшими прибавленіями можно довести и до Граева: такъ за 509 в. причитается 7, 83 к. Поэтому тѣ заводы, которые находятся на короткихъ разстояніяхъ отъ австрійской границы, напримѣръ, 50—100 в., будутъ пользоваться тарифомъ $^1/_{24}$ к., а другіе повезутъ на Граево по тарифу въ $^1/_{65}$ к. Что же касается внутреннихъ перевозокъ, то мелассъ, употребляемый для винокуренныхъ заводовъ, вполнѣ выдерживаетъ ставку въ $^1/_{24}$ к., такъ какъ перевозится лишь на короткихъ разстояніяхъ. Тарифъ этотъ существуетъ много лѣтъ, и слѣдовательно не было причины отмѣнять его при разработкѣ объединеннаго тарифа".

Все это могло бы хотя въ данномъ примѣрѣ уяснить цѣль дифференціала, если бы во всемъ сказанномъ была бы хотя доля правды, но начать съ того, что ни чрезъ Радзивиловъ, ни чрезъ Волочискъ ни одного фунта чернаго мелясса не вывозится [1]), а слѣдовательно, никто не платитъ по $^1/_{24}$ коп. съ пуда и версты за мелассъ, при вывозѣ его чрезъ австрійскую границу. Чрезъ Граево также ни одного фунта мелясса не вывозится, значитъ и въ этомъ направленіи не пользуются льготами этого дифференціала. Да и направленія выбраны какія-то странныя, доказывающія полное незнакомство моего противника съ географіей. Чрезъ Граево можетъ направляться мелассъ, назначаемый только для Кенигсберга и его окрестностей. Какимъ образомъ при слѣдованіи мелясса въ то же мѣсто назначенія можно опасаться направленія его съ юго-западныхъ дорогъ чрезъ Волочискъ или Радзивиловъ, откуда онъ долженъ будетъ пройти вдвое или втрое длиннѣйшее разстояніе по австрійскимъ и прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ, кругомъ всего нашего Царства Польскаго, чтобы достигнуть мѣстностей, прилегающихъ къ Кенигсбергу.

---

[1]) Обзоръ внѣшней торговли за 1893 годъ.

Если мы можемъ вести меляссъ сотни верстъ съ благотворительною цѣлью, потому что ставка въ $^1/_{200}$ коп. съ пуда и версты,—положенная въ основаніе дифференціала № 35,—это полный убытокъ для желѣзныхъ дорогъ, и за нее приплачиваетъ государственное казначейство, въ видѣ гарантій, то ручаюсь, что ни австрійскія, ни прусскія дороги возить нашего меляссa изъ любви къ искусству не станутъ и не возятъ, такъ какъ тарифъ на этотъ продуктъ у нихъ назначенъ почти по $^1/_{36}$ коп. съ пуда и версты на всѣ разстоянія, что составитъ за 509 верстъ 14,26 коп. за пудъ, а не 7,83 коп. за пудъ, какъ это взимается на нашихъ дорогахъ. Выходитъ, что все это сказано исключительно съ цѣлью только ввести читателя въ заблужденіе и затемнить этимъ вопросъ. Не смотря на массовое производство у насъ въ Россіи чернаго меляссa, онъ вывозится только въ самомъ небольшомъ количествѣ по желѣзнымъ дорогамъ въ Пруссію исключительно чрезъ Млаву (35,990 пуд.) и Александрово (36,159 пуд.) и нѣсколько въ большемъ количествѣ (223,233 пуд.) водою чрезъ Нешавскую таможню. Причемъ весь этотъ меляссъ идетъ, повидимому, исключительно съ сахарныхъ заводовъ Царства Польскаго и для провоза его по дорогамъ этого раіона установленъ дифференціалъ № 19 [1]), составленный совсѣмъ на иныхъ началахъ, чѣмъ дифференціалъ № 35, о которомъ говоритъ мой противникъ. Такимъ образомъ, ни одного фунта чернаго меляссa отъ насъ въ Германію не вывозится по дифференціалу № 35 и онъ назначенъ и существуетъ исключительно для передвиженія чернаго меляссa во внутреннемъ сообщеніи по Россіи, причемъ онъ перевозится въ значительномъ количествѣ и на довольно большія разстоянія—до 1,341 версты (Харьковъ — Петербургъ).

Что дифференціалъ № 35 существуетъ уже давно, это также не вѣрно, какъ и все сказанное по поводу его. Онъ введенъ въ наши тарифы только съ 1893 года. Дѣйствительно, по однимъ юго-западнымъ дорогамъ черный меляссъ перевозится при странныхъ условіяхъ, но это дѣлалось совершенно откровенно, что видно изъ редакціи этихъ условій, опубликованныхъ въ Сборникѣ Тарифовъ юго-западныхъ дорогъ, которую привожу дословно:

„1) Меляссъ черный, отправляемый повагонно, таксируется на разстояніяхъ:

От 150 до 406 верстъ по 6,25 к. съ пуда за все разстояніе.
Свыше 406 верстъ по 6-му разряду.

---

[1]) По Брестъ-Холмской, Варшаво-Вѣнской, Варшаво-Тереспольской, Ивангородъ-Домбровской, Лодзинской, Сѣдлецъ-Малкинской, Привислянской и Принаревской дорогамъ черный меляссъ перевозится по дифференціалу № 19.

Изъ этой редакціи по крайней мѣрѣ ясно видно, что нѣкоторые сахарозаводчики выхлопотали себѣ даровую перевозку меляса на дальнія разстоянія въ ущербъ ближнимъ заводамъ, съ которыми они, вѣроятно, вступили въ конкурренцію. Но это было время рефакцій и добыванія всякихъ льготъ по желѣзнымъ дорогамъ черезъ дружбу или какія-либо иныя близкія отношенія къ директорамъ, управляющимъ и т. п. лицамъ, завѣдывавшимъ въ то время частными дорогами, которыя всегда въ этомъ отношеніи отличались любезностью, зная, что за это отвѣтитъ только государственное казначейство, въ видѣ приплатъ по гарантіямъ.

Едва-ли что-либо подобное можетъ быть терпимо въ настоящее время!!

Наконецъ, мой противникъ заканчиваетъ свои поясненія о дифференціалахъ слѣдующей тирадой: „Совершенно такимъ же путемъ установлены были и продолжаютъ еще устанавливаться и различные другіе дифференціалы. Здѣсь не было того, что, по чьему-то желанію, было установлено, неизвѣстно почему, столько-то дифференціаловъ и къ нимъ подгонялись тѣ или другіе грузы;—наоборотъ, именно изъ разсмотрѣнія всей совокупности условій даннаго груза вытекала необходимость индивидуализированія для него того или другаго размѣра тарифа соотвѣтственно тому или другому разстоянію перевозки. Поэтому количество дифференціаловъ продолжаетъ увеличиваться: при опубликованіи общаго тарифа было установлено 37 дифференціаловъ, а къ настоящему времени прибавилось еще 6, которые установлены по ходатайству заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ“.

Болѣе картинно и откровенно трудно было закончить рѣчь о дифференціалахъ.

Изъ шести вновь установленныхъ, по ходатайству заинтересованныхъ сторонъ, дифференціаловъ одинъ (№ 38) установленъ для того, чтобы ананасы возить по тому же тарифу, какъ дрова, метлы, вѣники, известь и т. п. предметы; другой (41)—для перевозки велосипедовъ за туже плату, какъ глиняныя и гончарныя издѣлія, ломъ и обрубки бронзы, ободья деревянныя для рѣшетъ и т. п.; третій (40)—для перевозки иностраннаго хлопка по тарифу на перевозку мусора, четвертый (42)—для уравненія стоимости провоза батарей для отопленія каминовъ и т. п. и классической лучины, хвороста, пней и корней деревьевъ, а также щепокъ, вѣроятно, потому что этими предметами можно ихъ топить; пятый (43)—для перевозки кокосоваго и рициноваго масла за туже плату, какъ животные остатки или простая смола, стоющая 25—30 коп. ведро, и наконецъ шестой (39)—для перевозки фосфоритовъ по $^1/_{120}$ коп. съ

пуда и версты для того, чтобы мы больше производили хлѣба, на вывозъ котораго повышенъ желѣзнодорожный тарифъ почти до запретительныхъ для перевозки размѣровъ, съ цѣлью дать возможность перевозить ананасы по тарифу дровъ и вѣниковъ, а хлопокъ—по тарифу на мусоръ и т. п.

По здравомъ и всестороннемъ обсужденіи этого вопроса, нельзя, разумѣется, отвергать, что въ приведенныхъ примѣрахъ все произошло только потому, что *„именно изъ разсмотрѣнія всей совокупности условій даннаго груза* (напримѣръ, ананаса) *вытекла необходимость индивидуализированія для него того или другого размѣра тарифа“*. Это ясно какъ день: ананасъ растетъ и дрова и вѣники растутъ (какая же можетъ быть допущена для нихъ разница въ тарифахъ?), наконецъ и хлопокъ, износившись, попадетъ въ мусоръ. Странно возбуждать по этому поводу вопросы....

Такъ или иначе, тарифъ этотъ вышелъ, и его обязаны всѣ примѣнять безъапелляціонно, такъ какъ онъ въ силу §§ 12 и 15 „Правилъ относительно составленія, публикаціи, введенія въ дѣйствіе и отмѣны тарифовъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для общественнаго пользованія“, утвержденныхъ Совѣтомъ по тарифнымъ дѣламъ и распубликованныхъ 29 декабря 1889 года въ № 146 собранія узаконеній и распоряженій Правительства и ст. 3 Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 19 Января 1893 года, пріобрѣтаетъ законодательное значеніе, хотя и не проходилъ ни одного законодательнаго учрежденія, кромѣ Департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, которымъ онъ и создается и утверждается безконтрольно.

Обращаясь къ подробностямъ тарифа I и II группъ желѣзныхъ дорогъ, нельзя не замѣтить, что пользованіе имъ теперь до крайности затруднено вслѣдствіе осложненія его 43 дифференціалами и цѣлой массой исключительныхъ и спеціальныхъ тарифовъ, имя же имъ легіонъ. Если же къ этому добавить 10 томовъ особыхъ сводовъ тарифовъ съ ихъ дополненіями и 21 тарифъ (изъ которыхъ многіе представляютъ изъ себя нѣсколько томовъ) спеціальныхъ прямыхъ сообщеній съ ихъ дополненіями, да всѣ льготные, мѣстные и воинскіе тарифы и, кромѣ того, принять во вниманіе, что они каждые три дня (по средамъ и субботамъ) измѣняются, исправляются и дополняются, вслѣдствіе чего представляютъ изъ себя какой-то своеобразный калейдоскопъ, то, не преувеличивая можно сказать, что это цѣлая библіотека цифръ прямо недоступная усвоенію не только обыкновенному, но даже и необыкновенному уму человѣческому, а между тѣмъ каждый даже мелкій служащій на желѣзной дорогѣ долженъ обязательно все это знать и отвѣчать жало-

ваньемъ за каждую допущенную имъ въ ущербъ дороги ошибку въ опредѣленіи тарифа. Естественно, что всякій таксировщикъ въ огражденіе своихъ интересовъ старается всѣми правдами и неправдами насчитать возможно большую, часто даже совершенно произвольную, плату за провозъ предъявленнаго груза. Добиться отправителю истинной стоимости провоза его груза, это равносильно было бы посвященію себя всецѣло изученію тарифовъ, за измѣненіями которыхъ ему пришлось бы еще слѣдить постоянно. Такихъ охотниковъ и досужихъ людей, разумѣется, почти не встрѣчалось, и переборы за провозъ грузовъ составляли и и составляютъ милліоны рублей ежегодно, причемъ добровольно дороги рѣдко возвращаютъ перебранныя деньги, предлагая требовать ихъ судомъ. Далеко не всякій, зная о переборѣ, рѣшается затѣвать судебную волокиту, которая можетъ быть даже не окупилась бы возвратомъ перебора.

Зная подобные желѣзнодорожные порядки, начали находиться люди, преимущественно изъ бывшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые начали скупать старыя квитанціи у получателей грузовъ по дешевымъ цѣнамъ и предъявлять къ дорогамъ иски о переборахъ сразу цѣлыми сотнями и, разумѣется, получали полное удовлетвореніе. Такіе скупщики квитанцій, даже на моихъ глазахъ, наживали въ нѣсколько лѣтъ громадныя состоянія и заставляли сильно платиться желѣзныя дороги одними судебными издержками, не считая возвращенія излишне взятаго съ процентами, но тѣмъ не менѣе переборы все-таки остались зауряднымъ явленіемъ.

Благо-бы вся эта сложность тарифовъ вызывалась какой либо необходимостью, но въ дѣйствительности этого нѣтъ и никто этой необходимости доказать не можетъ. Смѣло можно $^{9}/_{10}$ нашихъ тарифовъ сжечь не только безъ всякаго вреда, но даже съ очевидной пользой дѣлу, такъ какъ они являются почти точнымъ повтореніемъ одинъ другого, изъ остальной же $^{1}/_{10}$ если выкинуть всѣ выпрошенные различными лицами тарифныя льготы и очистить отъ нихъ тарифы, то вся наша тарифная библіотека обратится въ одну небольшую тетрадку или книжку всѣмъ понятную и всякому доступную не только для пользованія, но и по цѣнѣ. Между прочимъ срамъ просто сказать, что въ настоящее время для пріобрѣтенія нашихъ тарифовъ нужно затратить не менѣе 70 рублей, и то если достать сборникъ тарифовъ съ 1889 года, да кромѣ того, еще нужно посвятить полгода усидчиваго труда на различныя исправленія, наклейки и выборки этихъ тарифовъ изъ сборника, а затѣмъ подписаться на сборникъ и каждую недѣлю придется просидѣть надъ исправленіями, какъ, напримѣръ, надъ измѣненіемъ теперь нашихъ тарифовъ заморскихъ международныхъ сообщеній, которые почти сплошь прихо-

дится переписывать. Если же затѣять покупать эти тарифы въ розницу, то и ста рублями не обойдешься. Разъ требуется знаніе этихъ тарифовъ отъ всѣхъ и на ихъ печатанье дается ежегодно 30,000 рублей отъ казны и желѣзныхъ горогъ, то нельзя же назначать за нихъ продажную цѣну по 1 по 2 слишкомъ рублей за тетрадку. Это новый своеобразный налогъ на населеніе. При этихъ условіяхъ не легко знать тарифы и далеко не всякій можетъ дозволить себѣ такую роскошь даже въ матеріальномъ отношеніи, о времени же, необходимомъ для ихъ изученія, трудно даже сказать что либо приблизительное. Я, по крайней мѣрѣ, склоненъ скорѣе думать, что ихъ изучить настоящимъ образомъ прямо-таки невозможно.

Я, напримѣръ, нисколько не удивляюсь, что мой противникъ совершенно не знаетъ нашихъ тарифовъ, но не могу не удивляться тому, что онъ почему-то защищаетъ ихъ цѣлесообразность хотя и неудачно. Просто смѣшенъ, напримѣръ, слѣдующій случай.

До учрежденія Департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ и Тарифнаго Комитета при немъ крестьянскія деревянныя телѣги и сани въ разнообразномъ видѣ перевозились по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ по разнымъ тарифамъ — отъ $^1/_{24}$ до $^1/_{18}$ коп. съ пуда и версты, и дороже ихъ возить не имѣли права, такъ какъ по тарифу Главнаго Общества, изданія 1869 года, принятому у насъ за предѣльный, онѣ перевозились по $^1/_{18}$ коп. съ пуда и версты, а аспидныя доски перевозились тоже по разнымъ тарифамъ отъ $^1/_{25}$ до $^1/_{12}$ коп. съ пуда и версты. Новыя тарифныя учрежденія, вѣроятно, въ видахъ оправданія своего назначенія *„по установленію тарифовъ съ цѣлью огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны“* повысили въ 1893 году тарифы на эти предметы до высшаго предѣла—$^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты.

Не вдаваясь въ мотивы тѣхъ высшихъ соображеній, по которымъ принято было такое рѣшеніе, и ни сколько не отвергая благодѣтельнаго значенія этой мѣры, какое она могла бы принести въ будущемъ, въ смыслѣ уничтоженія косности нашего крестьянскаго населенія, которое со временемъ могло бы замѣнить въ домашнемъ обиходѣ неуклюжую телѣгу легкимъ велосипедомъ, на перевозку котораго по желѣзнымъ дорогамъ въ то же время былъ установленъ пониженный тарифъ, а въ народной школѣ замѣнить аспидную доску тоже чѣмъ либо болѣе практичнымъ и изящнымъ, я почиталъ только эту радикальную мѣру къ затрудненію перевозки разобранныхъ телѣгъ и аспидныхъ досокъ нѣсколько преждевременной при томъ современномъ глубокомъ упадкѣ матеріальныхъ средствъ нашего сельскаго населенія, при которомъ ему и въ голову не можетъ

прійти покупка велосипеда или чего либо болѣе изящнаго, чѣмъ аспидная доска для обученія въ школѣ ребенка письму. Что же касается интересовъ промышленности, торговли и казны, то едва ли для нихъ, могло бы понадобиться повышеніе тарифовъ на разобранныя деревянныя дошло крестьянскія телѣги и аспидныя доски.

Объ этомъ я говорилъ нѣсколько разъ въ В. Э. обществѣ и это до свѣдѣнія нашихъ тарифныхъ учрежденій.

Дѣйствительно тарифами №№ 5418 и 5490 плата за провозъ телѣгъ была снова понижена до $^1/_{24}$ коп. съ пуда и версты, а на аспидныя доски даже до $^1/_{30}$ коп. съ пуда и версты, но какъ-то я просмотрѣлъ въ сборникѣ тарифовъ эти измѣненія и въ своемъ докладѣ 11 марта сего года, говоря о тарифахъ I и II группъ, изъ длиннаго и оригинальнаго списка предметовъ, перевозимыхъ по I классу, т. е. по $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты, не вычеркнулъ телѣгъ и аспидныхъ досокъ. Очень сожалѣю, что эта ошибка вкралась въ докладъ, но удивляюсь, что такой, повидимому строгій критикъ, какъ мой противникъ, не только не указываетъ ее мнѣ, а напротивъ, посвящаетъ цѣлую витіеватую рѣчь защитѣ необходимости и цѣлесообразности перевозить телѣги и аспидныя доски по самому дорогому тарифу, которую заключаетъ слѣдующимъ, по его мнѣнію, эфектнымъ выводомъ: „Какая въ самомъ дѣлѣ бѣда въ томъ, что въ тарифѣ значатся въ одномъ разрядѣ алмазы и аспидныя доски? Алмазовъ никто, конечно, въ товарномъ поѣздѣ не повезетъ, а за аспидныя доски взять по $^1/_{10}$ коп. при извѣстныхъ условіяхъ вполнѣ правильно“. Я допускаю, что мой противникъ могъ, какъ и я, не знать объ измѣненіи тарифа на эти предметы, но чтобы сказать подобный вздоръ—нужно имѣть много храбрости.

Тутъ идетъ дѣло уже не о тарифахъ, а о здравомъ смыслѣ. Если уже защищать наши тарифныя учрежденія, то нужно по крайней мѣрѣ точно знать ихъ дѣйствія и не распинаться за тотъ тарифъ, который ими же признанъ негоднымъ, иначе это выходитъ медвѣжья услуга.

Можно бы еще многое написать по поводу несообразностей и даже совершенныхъ нелѣпостей, которыя говоритъ мой противникъ о тарифахъ I и II группъ желѣзныхъ дорогъ, но это будетъ, полагаю, напрасная трата времени, а потому перехожу къ его общему заключенію.

Въ своемъ заключеніи мой противникъ возвращается къ вопросу о тарифахъ на хлѣбъ и въ основаніе невозможности пониженія этихъ тарифовъ до $^1|_{100}$ коп. съ пудоверсты приводитъ единственно то обстоятельство, что доходъ нашей желѣзнодорожной сѣти въ этомъ случаѣ сократился бы на 30—35 милл. рублей въ годъ. Это особенно рѣзко должно поражать каждаго послѣ только-что приведенныхъ громкихъ фразъ

моего противника, сказанныхъ въ защиту пониженій тарифовъ на всевозможные предметы роскоши, для чего вовсе не принималась въ соображеніе доходность дорогъ, а основанія пониженій выводились *изъ разсмотрѣнія всей совокупности условій даннаго груза, изъ которыхъ вытекала необходимость индивидуализированія того или другого размѣра тарифа* и дѣлалось это *по ходатайствамъ, хорошо мотивированнымъ и подкрѣпленнымъ вѣрными данными объ условіяхъ производства, торговли и перевозки того или другого груза.*

Почему же, когда говорится о пониженіи тарифовъ на бархатъ, шелковыя ткани, галантерею, модные товары, чай, кофе, колоніальные товары и пряности, на устрицы, страсбургскіе пироги, ананасы, апельсины, померанцы и всякія лакомства, а также на иностранные товары, то заводится рѣчь объ условіяхъ производства, торговли и перевозки, а совершенно умалчивается о доходахъ дорогъ, несмотря на то, что такихъ грузовъ перевозится десятки милліоновъ пудовъ и дороги теряютъ десятки милліоновъ рублей по недоборамъ въ доходахъ отъ сдѣланныхъ пониженій тарифовъ; при этомъ даже не принимается во вниманіе, что провозная плата на подобные товары составляетъ лишь самый ничтожный процентъ ихъ цѣнности; но стоитъ только заговорить о тарифѣ на хлѣбъ, главный продуктъ страны, отъ развитія производства котораго зависитъ благосостояніе всего населенія и самого государства, чтобы ограничить обсужденіе этого вопроса только вліяніемъ измѣненій тарифовъ на доходность дорогъ, не допуская даже разсмотрѣнія ни стоимости производства хлѣба, ни торговли имъ, ни самыхъ условій его перевозки, причемъ никакого вниманія не обращается даже на то, что стоимость провозной платы на хлѣбъ весьма часто превышаетъ его цѣнность. Въ этомъ случаѣ всѣ самые точные подсчеты, труды цѣлаго ряда правительственныхъ комиссій, доказывающіе непомѣрно высокую стоимость перевозки хлѣба, по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, разоряющую производителей его, не могли поколебать рѣшенія тарифныхъ учрежденій, съ чрезвычайной настойчивостью достойной иного примѣненія все болѣе и болѣе повышавшихъ тарифы на хлѣбъ, причемъ всѣ многолѣтнія весьма обстятельно мотивированныя ходатайства почти всего населенія страны, черезъ земскія собранія, оказывались тщетными.

Далѣе авторъ возраженія основываетъ невозможность пониженія хлѣбныхъ тарифовъ на томъ, что исчисленный имъ недоборъ въ доходахъ дорогъ въ 30—35 милліоновъ рублей вызоветъ такую же сумму приплатъ государственнаго казначейства по гарантіямъ и эксплоатаціи дорогъ, что явится несправедливымъ налогомъ на населеніе; но въ данномъ случаѣ едва-ли можно съ этимъ согласиться въ виду того, что въ Россіи около 90% населенія занимается хлѣбопашествомъ и заинтересованы въ пони-

женіи тарифовъ на хлѣбъ, что же касается до остальныхъ 10% населенія, то и имъ, какъ потребителямъ хлѣба, не безполезно пониженіе тарифовъ на хлѣбъ; такимъ образомъ подобный налогъ былъ бы безусловно справедливъ по распредѣленію, но дѣло въ томъ, что едва-ли кому-нибудь его пришлось бы платить, такъ какъ оживленіе хлѣбной промышленности оживило бы всю остальную какъ обработывающую, такъ и добывающую промышленность, что съ лихвою окупило бы недоборы дорогъ по перевозкѣ собственно хлѣба. Но даже еслибы этого не случилось, нельзя терять изъ виду тѣхъ недоборовъ, которые терпятъ теперь дороги отъ пониженія тарифовъ на предметы роскоши, за что и въ настоящее время казна приплачиваетъ десятки милліоновъ рублей. Повидимому, авторъ возраженія находитъ налогъ для приплатъ казны по этимъ недоборамъ вполнѣ справедливымъ, потому что о немъ даже не упоминается, хотя потребителями этихъ предметовъ роскоши являются исключительно люди достаточные и во всякомъ случаѣ составляющіе лишь ничтожный % всего населенія, обложеннаго на пользу этихъ немногихъ счастливцевъ. Вернувшись только къ прежней провозной платѣ на эти предметы, можно поручиться, что недоборъ отъ пониженія хлѣбныхъ тарифовъ съ избыткомъ покроется увеличеніемъ доходовъ дорогъ отъ этихъ перевозокъ, и выгоды казны нисколько не пострадаютъ, а только совершенно справедливо переложится налогъ за удешевленный провозъ предметовъ роскоши съ бѣднѣйшихъ классовъ населенія на богатыхъ, дѣйствительно пользующихся предметами роскоши.

Весь мой докладъ, равно какъ настоящая статья, состоитъ изъ двухъ основныхъ положеній, которыя я стараюсь по мѣрѣ возможности и силъ выяснить: первое заключается въ томъ, что по существующимъ у насъ и нынѣ дѣйствующимъ тарифамъ всѣ предметы первой необходимости и жизненной потребности перевозятся непомѣрно дорого и не пользуются никакими снисхожденіями; наоборотъ—всѣ тѣже тарифы переполнены различными льготами и пониженіями провозной платы для предметовъ роскоши. Я никогда не признаю справедливымъ, чтобы съ мужика-хлѣбопашца при взиманіи податей брали послѣднюю рубаху и вырывали изо рта послѣдній кусокъ хлѣба, для того, чтобы имѣть возможность баснословно дешево провезти для лукуловскихъ пировъ ананасы, артишоки и т. п. или доставить возможность какому-нибудь франту подешевле объѣдаться устрицами.

Во всемъ должна быть мѣра и граница, а главное послѣдовательность и справедливость. Пока у насъ артишоки будутъ перевозиться дешевле хлѣба и сушеные персики дешевле мяса, скотъ дороже пассажира I-го класса, ананасы по одинаковому тарифу какъ на вѣники и метлы,

а равендукъ и парусина за ту же плату какъ ліонскій бархатъ, до тѣхъ поръ едва-ли есть какое-либо основаніе ожидать правильнаго экономическаго развитія страны; противуположныя же явленія весьма возможны.

Вообще эти вопросы по существу своему важнѣе, чѣмъ могутъ казаться на первый взглядъ. Въ такихъ вопросахъ весьма важно по возможности предвидѣть послѣдствія, которыя могутъ быть вызваны тѣмъ или инымъ направленіемъ дѣла. Обложеніе, напримѣръ, съ 1893 года хлѣба непомѣрной и непосильной для производителей провозной платой, при крайнемъ пониженіи на всемірномъ рынкѣ хлѣбныхъ цѣнъ въ первые годы могло повести и повело къ увеличенію доходовъ желѣзныхъ дорогъ, но долго ли это будетъ продолжаться?

Въ настоящее уже время вслѣдствіе крайняго пониженія цѣнъ на хлѣба на мѣстахъ производства, что вызывается, между прочимъ, непомѣрно дорогою стоимостью ихъ перевозки, замѣчается сильное *сокращеніе посѣвовъ*. Стоитъ лишь нѣсколько глубже вдуматься въ этотъ вопросъ, чтобы каждому ясно представились его послѣдствія: 1) для желѣзныхъ дорогъ сокращеніе посѣвовъ, несомнѣнно, поведетъ къ сокращенію хлѣбныхъ перевозокъ, что обязательно въ свою очередь поведетъ къ вѣрнымъ недоборамъ, тогда какъ пониженіе хлѣбныхъ тарифовъ, какъ выше сказано, едва-ли вызоветъ въ общемъ убытокъ дорогъ вслѣдствіе развитія какъ хлѣбныхъ, такъ и другихъ перевозокъ, и главное будетъ способствовать повышенію общаго благосостоянія населенія.

2) Съ сокращеніемъ посѣвовъ, разумѣется, сократится и вывозъ нашего хлѣба за-границу. Не говоря уже о томъ, что съ этимъ мы окончательно уступаемъ европейскіе хлѣбные рынки нашимъ заокеанскимъ соперникамъ, уменьшеніе вывоза хлѣба обязательно повліяетъ неблагопріятно на нашъ торговый балансъ, что въ свою очередь отзовется гибельно на нашихъ финансахъ и поведетъ къ тому, что все золото, пріобрѣтенное и скопленное нашимъ казначействомъ съ такими громадными жертвами и затратами, нынѣ выпущенное въ обращеніе, немедленно уплыветъ за-границу, и мы снова вступимъ на путь новыхъ займовъ и безъ того уже крайне отягчающихъ государственный бюджетъ уплатой процентовъ, исторія же убѣдительно указываетъ, что это одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей къ государственному банкротству.

3) Убыточность хлѣбопашества вынудила сельскихъ хозяевъ сдѣлать сокращеніе посѣвовъ, но въ то же время оставшіяся свободными земли никоимъ образомъ не могутъ быть использованы съ какой-либо выгодой, такъ какъ другая важная и обширная отрасль сельскаго хозяйства—скотоводство—еще болѣе угнетена существующими желѣзнодорожными тари-

фами и развитіе ея совершенно невозможно при такихъ условіяхъ. Такимъ образомъ всѣ освободившіяся отъ хлѣбопашества земли должны оставаться непроизводительно заброшенными и поневолѣ одичаютъ. Все это съ одной стороны уже повело къ сильному сокращенію доходности земель, а съ другой—къ неизбѣжному ея спутнику—паденію цѣнъ на самую землю. Если же принять во вниманіе, что въ то же время ростъ всякихъ обложеній и повинностей не прерывается и платежъ процентовъ по задолженности нашего землевладѣнія не сокращается, то необходимо готовиться къ картинѣ чуть не поголовнаго банкротства сельскаго населенія Россіи—страны, имѣющей всѣ данныя для предоставленія полнаго благоденствія обладателямъ ея земельныхъ приволій.

4) Наконецъ, нельзя не остановиться и на томъ соображеніи, что съ сокращеніемъ посѣвовъ милліоны рабочихъ останутся безъ всякихъ средствъ къ существованію, лишившись и тѣхъ, хотя и ничтожныхъ заработковъ, которые они имѣли отъ хлѣбопашества. Сразу вся Россія никакъ не можетъ покрыться фабриками и заводами для того, чтобы дать заработокъ этимъ милліонамъ населенія, между тѣмъ всѣ они хотятъ ѣсть и жить и потребности эти должны быть удовлетворены безотлагательно. Въ этомъ году уже замѣчался, вслѣдствіе сокращенія повсемѣстно посѣвовъ, избытокъ предложенія труда надъ спросомъ на него [1]), причемъ и безъ того невысокая заработная плата повсюду понизилась въ значительной степени. Всякое дальнѣйшее сокращеніе посѣвовъ уменьшитъ спросъ на рабочія руки и поведетъ къ дальнѣйшему пониженію заработной платы. Подобное направленіе дѣлъ уже прямо грозитъ народнымъ бѣдствіемъ.

Такимъ образомъ неосновательная боязнь сомнительной потери 30—35 милліоновъ рублей, при милліардномъ бюджетѣ Россіи, можетъ разразиться надъ ней цѣлымъ рядомъ народныхъ бѣдствій.

Разумѣется, не дай Богъ ничего подобнаго, но можно всего ожидать, въ виду того, что такой основной рычагъ экономическаго развитія страны и народнаго благосостоянія, какъ желѣзнодорожные тарифы, управляется совершенно самостоятельно и безотчетно учрежденіемъ, въ которомъ судьба страны рѣшается по большинству голосовъ четырьмя — пятью чиновниками, и дѣйствія ихъ не только не разсматриваются и не утверждаются высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, какъ Государственный Совѣтъ, въ которомъ разрѣшаются всѣ даже мельчай-

---

[1]) См. изданіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ «1895 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ». Выпускъ IV, стр. 24, 28, 30, 32, 34, 41, 44, 46, 56 и 59.

шія дѣла народно-хозяйственнаго характера, но помимо всѣхъ инстанцій прямо публикуются въ особомъ органѣ „Сборникѣ Тарифовъ“ и пріобрѣтаютъ законодательную силу для всего населенія страны и всѣхъ желѣзныхъ дорогъ. Несомнѣнно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ нашего тарифнаго дѣла все можетъ случаться, въ подтвержденіе чего достаточно много приведено фактовъ въ настоящей статьѣ, но тѣмъ не менѣе я не теряю надежды, что намѣченные мною высшей государственной важности вопросы обратятъ на себя должное вниманіе, и Богъ отвратитъ отъ Россіи грозящія ей бѣдствія.

С. Короленко.

Изъ прошлаго Новогеоргіевской крѣпости.

Въ тридцати верстахъ отъ Варшавы, надъ широкою мутною Вислой, надъ чистыми и свѣтлыми водами впадающаго въ нее Нарева, на высокихъ, царящихъ надъ окрестностью, берегахъ, поднимаются земляные валы и на нихъ высокія каменныя стѣны—такія громадныя и мрачныя, что впечатлѣніе красоты и величія всей картины, и въ особенности несравненной аллеи пирамидальныхъ тополей на вершинѣ валовъ, если смотрѣть съ низу, съ рѣкъ,—отходитъ на второй планъ.

Это — созданіе Наполеона I, „Модлинъ", какъ онъ ее назвалъ, нынѣшняя Новогеоргіевская крѣпость, — какъ увѣряютъ военные люди, вторая въ мірѣ по своей огромности (до 40 верстъ въ окружности, считая и опоясывающіе ее форты) и неприступности.

Орлиный взоръ и военный геній ея великаго основателя выбрали для крѣпости едвали не самый выгодный во всемъ краѣ стратегическій пунктъ: высокій берегъ при сліяніи двухъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, защищающихъ крѣпость отъ Россіи. Однако, преданія, о Наполеонѣ I и его отношеніи къ крѣпости, сколько мнѣ извѣстно, въ ней не сохранилось. Памятью о немъ остается въ крѣпости только носящій и теперь его имя Наполеоновскій редутъ или другаго типа военное сооруженіе, имъ построенное. Да еще переправа на Вислѣ, въ 1 верстѣ ниже крѣпости, называется „Утрата", потому, будто бы, что при переправѣ войскъ Наполеона черезъ Вислу въ этомъ мѣстѣ много его солдатъ здѣсь потонуло.

Огромное большинство каменныхъ громадъ, нынѣ такъ поражающихъ въ крѣпости, построено императоромъ Николаемъ I за время 1833—1846 гг., и къ этому времени и къ императору Николаю относится большая часть преданій, которыя пришлось слышать при посѣщеніи крѣпости въ 1890 году. Привожу изъ нихъ наиболѣе, такъ сказать, удобныя.

Кажется, до 1833 года наше правительство не придавало особеннаго значенія Модлину, судя по тому, что въ 1831 году гарнизонъ

крѣпости въ незначительномъ числѣ состоялъ изъ сосланныхъ за извѣстный бунтъ солдатъ новгородскихъ аракчеевскихъ поселеній. Множество дѣтей этихъ солдатъ,—пишетъ въ своемъ рукописномъ дневникѣ, попавшемся мнѣ въ крѣпости, одинъ изъ ея старожиловъ,—безъ присмотра родителей шатались повсюду, воровали у бабъ булки, колбасы и другіе предметы,—а когда кому изъ нихъ миновало 14 лѣтъ, тѣхъ отвозили въ фургонахъ въ кіевскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ для дальнѣйшаго образованія.

14 мая 1834 года издано было высочайшее повелѣніе о переименованіи Модлина въ Новогеоргіевскъ, и въ крѣпость была прислана высочайшая грамота объ этомъ. Грамота эта послѣ торжественнаго богослуженія въ присутствіи свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, была задѣлана въ нижнюю стѣну Остроленскаго укрѣпленія.

Насколько Императоръ Николай Павловичъ интересовался Новогеоргіевской крѣпостью—видно изъ того, что, по воспоминаніямъ крѣпостныхъ старожиловъ, онъ въ свое царствованіе посѣтилъ ее 17 разъ, одинъ разъ былъ съ супругою и дочерьми, и нѣсколько разъ съ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, который, вступивъ на престолъ, во все свое царствованіе ни разу не посѣтилъ крѣпости. Какъ на причину такого нерасположенія императора Александра II къ крѣпости старожилы указываютъ на то, что покойному гасударю одинъ разъ въ бытность его цесаревичемъ, довелось сидѣть на гауптвахтѣ въ крѣпости. Именно—года этого не помнятъ—однажды Николай Павловичъ, во время своего пребыванія въ Варшавѣ съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, послалъ его зачѣмъ-то въ Новогеоргіевскую крѣпость и наказалъ посѣтить крѣпостную церковь. Послѣднее порученіе цесаревичъ забылъ, или вообще не выполнилъ его, а между тѣмъ первый вопросъ государя, обладавшаго вообще удивительною памятью, по возвращеніи цесаревича, былъ: посѣтилъ ли онъ крѣпостную церковь? Цесаревичъ отвѣчалъ отрицательно, и въ наказаніе за разсѣянность строгій отецъ послалъ его обратно на гауптвахту. Сколько времени отсидѣлъ цесаревичъ на гауптвахтѣ неизвѣстно.

Капитальная перестройка крѣпости при императорѣ Николаѣ была поручена инженерамъ-нѣмцамъ; они ухлопали на нее такую массу денегъ, что императоръ Николай Павловичъ былъ пораженъ. Обойдя кругомъ оконченныя уже работы по постройкѣ, онъ, по преданію, обратился къ окружавшимъ его строителямъ и спросилъ ихъ, гдѣ же крѣпость? На отвѣтъ смущенныхъ инженеровъ, что его величество все время ходитъ по крѣпости, государь замѣтилъ: „а я думалъ, что вся она изъ золота“.

Но инженеры-строители крѣпости, разоривши казну и, вѣроятно, не забывшія себя при этомъ, пожелали сверхъ того оставить свои имена въ назиданіе потомству и украсили ими нѣсколько крѣпостныхъ воротъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Николай Павловичъ разгнѣвался и приказалъ стереть съ крѣпостныхъ воротъ инженерскія имена, но тотчасъ передумалъ и приказалъ оставить надписи для того, чтобы онѣ были „въ позоръ“ мелочному и незаслуженному самолюбію строителей. И до сихъ поръ ясно красуются эти „позорныя“ имена на воротахъ крѣпости; всякій крѣпостной житель разскажетъ вамъ ихъ исторію. Любопытно было бы знать, не сохранилось ли какихъ нибудь письменныхъ свидѣтельствъ объ этой исторіи.

Наиболѣе памятными для старожиловъ остались посѣщенія Николаемъ I крѣпости 10 марта 1840 г. и весной 1838 г., т.-е. въ 1838 г. государю, при посѣщеніи имъ крѣпостнаго собора, такъ понравились мѣстные пѣвчіе изъ солдатскихъ дѣтей, что онъ, при выходѣ изъ церкви, сказалъ Орлову, указавши на нихъ рукой: „Скажи моимъ придворнымъ пѣвчимъ, чтобы они такъ пѣли, какъ эти поютъ!“ Помнятъ также посѣщеніе имъ крѣпости 18 ноября 1834 года.

Въ апрѣлѣ 1840 года на страстной недѣлѣ въ крѣпости произошелъ взрывъ пороха въ казармѣ, что противъ нынѣшняго резервуара. Казарму эту занимала рота Невскаго Морского полка и въ ней находилось въ день взрыва два пуда пороха въ котлѣ. Порохъ былъ выданъ для приготовленія патроновъ, а взрывъ произошелъ, какъ передаютъ, отъ того, что одинъ солдатикъ, тутъ же сидя, исправлялъ кремень своего ружья, которое на стрѣльбѣ не дало огня, и при насѣчкѣ кремня заронилъ искру въ котелъ. Взрывъ былъ ужасный: оторвало стѣну казармы съ окнами, полы вмѣстѣ съ людьми выбросило на улицу, на людяхъ рубахи обгорѣли и тѣла почернѣли, нѣкоторые еще дышали, а другіе уже безъ жизни были. Солдатскія жены, случайно бывшія на базарѣ, возвратившись, бросились искать своихъ мужей и не узнавали ихъ изувѣченныхъ, обожженыхъ. До 40 человѣкъ пало жертвами взрыва, въ томъ числѣ два офицера: поручикъ Тарарикинъ и юнкеръ Иванъ Дитириксъ, троихъ другихъ офицеровъ взрывомъ вышибло въ окна къ валу и они остались живы.

По окончаніи слѣдствія, дѣло о взрывѣ представлено было Николаю Павловичу и государь опредѣлилъ: ротнаго командира Матвѣева обойти три раза въ представленіи къ наградамъ, полкового командира считать не виновнымъ, а фельдфебеля за то, что оставилъ порохъ въ казармѣ и ослушался, разжаловать, снять орденъ св. Георгія, прогнать шпицру-

тенами сквозь строй 500 человѣкъ одинъ разъ и сослать рядовымъ въ другой корпусъ.

Для приведенія въ исполненіе наказанія надъ этимъ фельдфебелемъ назначенъ былъ тотъ же самый Невскій полкъ. Въ одно утро за казармами собрался полкъ съ полковымъ командиромъ и всѣми штабъ и оберъ-офицерами. Привели фельдфебеля къ мѣсту наказанія. Аудиторъ прочелъ конфирмацію и приступилъ къ снятію георгіевскаго креста, но фельдфебель отстранилъ его рукой: — „Позвольте ваше благородіе,“ сказалъ онъ, — „этотъ крестъ надѣлъ мнѣ самъ великій князь Михаилъ Павловичъ подъ Шумлою въ Турціи!“ — Затѣмъ онъ снялъ съ себя крестъ, поцѣловалъ его, отдалъ аудитору и горько заплакалъ, а за нимъ заплакали всѣ начальствующіе и солдаты, потому что всѣ знали, что онъ ни въ чемъ не виновенъ и никакого ослушанія не оказалъ, а принялъ всю вину на себя за другихъ, за начальство. Потомъ онъ снялъ мундиръ и рубашку и сказалъ, что готовъ. Его привязали къ ружьямъ, заиграли флейты какой-то особенный маршъ и его быстро повели черезъ строй по рядамъ. Лозы свистали надъ нимъ, но вреда и боли особенной ему не причиняли все по той же причинѣ...

Несмотря на разжалованіе, скоро онъ снова выслужился и лѣтъ черезъ 15 прибылъ въ крѣпость съ своимъ полкомъ уже въ чинѣ офицера.

Такъ разсказываетъ всю эту исторію вышеупомянутый авторъ дневника, ея очевидецъ.

Во время послѣдняго польскаго бунта въ 1863 году, всѣ помѣщенія въ крѣпости были наполнены плѣнными мятежниками: сапожниками, кузнецами и разнымъ сбродомъ. Продержали ихъ долгое время, потомъ судили и освободили почти всѣхъ.

На берегахъ Нарёва и Вислы возлѣ крѣпости теперь набросано множество громадныхъ желѣзныхъ, внутри пустыхъ цилиндровъ, печальныхъ памятниковъ нашего военнаго инженернаго искусства. Это остатки Дунайскаго моста. Онъ былъ построенъ передъ послѣдней турецкой войной для перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и стоилъ много милліоновъ; но когда привезли его на Дунай, оказалось, что онъ никуда не годенъ и навести его не могли, а по окончаніи войны привезли и сложили его здѣсь.

Въ качествѣ новѣйшей достопримѣчательности указываютъ подъ крѣпостью то мѣсто на Вислѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ утонуло до полусотни солдатъ при переправѣ, и разсказываютъ „обыкновенную“ исторію этой переправы. На нее до катастрофы каждый годъ

ассигновывались такія суммы, что хватило бы на заведеніе ежегодно по новому пароходу, а существовалъ лишь небольшой полугнилой баркасъ. Переправа была частая, сажали на баркасъ всегда больше, чѣмъ слѣдуетъ, и вотъ однажды онъ не вынесъ, *потекъ* и пошелъ ко дну насрединѣ рѣки, на самомъ бою, и унесъ въ могилу до полусотни человѣкъ. Слѣдствіе и судъ тянулись долго; виновные инженеры за это время одни умерли, другіе „отошли" отъ суда, и поплатился и пошелъ въ Сибирь несчастный дежурный офицерикъ, который долженъ былъ наблюдать за переправой, но какъ такія дежурства назначались всегда только для проформы, да и наблюдать было собственно не зачѣмъ: все равно и при немъ меньше бы не посадили на баркасъ,—то онъ и не былъ на переправѣ въ минуту несчастія.

Въ крѣпости такое множество огромныхъ роскошныхъ деревьевъ, сады, площади, широкія аллеи, расположена она на высокомъ мѣстѣ, такая чистота внутри, нѣсколько бассейновъ, и тѣмъ не менѣе страшный таинственный врагъ свилъ тамъ себѣ прочное гнѣздо и незамѣтно и неумолимо и неотразимо, какъ рокъ, исподволь подтачиваетъ жизнь ея казенныхъ и партикулярныхъ обитателей. Врагъ этотъ—чахотка. Отъ скопленія ли большого числа людей въ небольшомъ сравнительно мѣстѣ, окруженномъ тройнымъ рядомъ стѣнъ, изрытомъ глубокими рвами, наполненномъ казематами, или отъ какой другой причины зависитъ преобладаніе въ крѣпости этого бича человѣчества, но чахотка положительно царитъ тамъ и уноситъ ежегодно много солдатскихъ и офицерскихъ душъ.

Глядя на этотъ тройной рядъ стѣнъ, на широкіе и глубокіе рвы, убранные свѣжими красивыми коврами зелени, на высокіе валы, уставленные блестящими орудіями, невольно получаешь впечатлѣніе грозности и неприступности крѣпости, соображая при этомъ, что для осады ея непріятелемъ ему — по мнѣнію военныхъ людей—потребуется не менѣе 200,000 войска.

— А вы на стѣны-то и на рвы смотрите? Нѣтъ, это пустяки: нынѣшними орудіями всякія стѣны можно въ полдня взорвать, а рвы засыпать!—Главное—форты! Если нѣмцы [1]) сквозь форты прорвутся, то намъ здѣсь нѣчего будетъ дѣлать!

— А что же вы тогда сдѣлаете?—полюбопытствовалъ я систему обороны.

---

[1]) Сколько мнѣ пришлось лично замѣтить и узнать отъ другихъ: въ нашихъ польскихъ и западныхъ губерніяхъ, даже въ простомъ народѣ, распространено не только мнѣніе, но даже увѣренность въ недалекомъ нашествіи нѣмцевъ и въ гибельности для насъ ихъ нашествія. Авт.

— А тогда мы должны будемъ задать латата̀ изъ крѣпости! — отвѣчали мнѣ наши будущіе Мольтке. Эта, такъ сказать, *„система латата̀“* сейчасъ же напомнила мнѣ другой планъ обороны Россіи на случай нѣмецкаго нашествія, довольно извѣстный *„планъ отступленія до Сибири“*.

Изъ любви къ родинѣ, надо надѣяться, что въ случаѣ нашествія цѣмцевъ, у насъ найдутся и другія системы и планы обороны Россіи, менѣе наводящіе тоску.

Влад. Вельскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Турецкія дѣла.—«Константинополь долженъ быть нашъ».—На дальнемъ Востокѣ.—Новое министерство во Франціи.

„Исламъ медленно разлагается; въ наши дни онъ рушится съ шумомъ". Слова эти, сказанныя Ренаномъ еще въ 1862 г., оправдываются теперь на нашихъ глазахъ.

Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ публицистовъ объясняетъ нынѣшнюю смуту въ Турціи желаніемъ нѣкоторыхъ армянъ обогатиться, а другихъ управлять. Вотъ и все. Не слишкомъ ли это просто? Неужели громадная имперія не съумѣла бы справиться съ нѣсколькими безпокойными личностями, какъ бы изворотливы и ловки они не были. Дѣло, очевидно, не въ этомъ. Было время, когда занятіе всей „великой" Арменіи не составило бы для турокъ труда, и если теперь Оттоманская имперія отъ ничтожнаго дуновенія поколебалась отъ основанія и до верховъ, то само собою разумѣется, армяне могли играть здѣсь только послѣднюю роль. Для Европы, ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ армянскій вопросъ превратился въ турецкій. Быть или не быть Турціи,—вотъ о чемъ думаютъ въ Европѣ. Да, Ренанъ былъ правъ: Исламъ разлагается и первымъ должно погибнуть то мусульманское государство которое болѣе другихъ открыто было вліянію враждебной ему европейской цивилизаціи. Внутренній міръ современнаго турка, сколько нибудь образованнаго, (а такихъ довольно много), представляетъ изъ себя какой-то хаосъ противорѣчій: внушенная ему исламомъ нетерпимость ко всему неправовѣрному подрывается ученіемъ о широкой, безпредѣльной почти, терпимости, несравненно болѣе привлекательнымъ для развитаго ума; узкое, низменное представленіе о женщинѣ, созданной, по исламу, „для утѣхи мужчины", не выдерживаетъ сравненія съ идеальнымъ взглядомъ на нее христіанскаго міра; отношеніе ислама къ наукѣ также не можетъ не показаться варварствомъ, и такъ во всемъ. Эта часть турецкаго общества мечтаетъ о конституціи, о европейскихъ порядкахъ, но въ то же время не чувствуетъ себя въ силахъ порвать со всѣмъ старымъ, оттого шаги ея такъ робки и неувѣренны. Остальная же масса турокъ пребы-

ваетъ по нынѣ на той самой ступени развитія, на которой она находилась пять вѣковъ тому назадъ въ эпоху завоеванія Балканскаго полуострова: ея характерныя черты—крайній фанатизмъ, тупое и высокомѣрное пренебреженіе ко всему немагометанскому. „Всѣхъ поражаетъ, говоритъ Ренанъ, какая-то неизбѣжная ограниченность каждаго правовѣрнаго. Мусульманскій ребенокъ, иногда и не безъ способностей, около 10—12 лѣтняго возраста, въ пору своего религіознаго обученія, вдругъ становится фанатикомъ: имъ овладѣваетъ глупое высокомѣріе; онъ воображаетъ, что позналъ абсолютную истину, и радуется, какъ нѣкоторой привилегіи, тому, что именно составляетъ его слабость... Мусульманинъ питаетъ глубочайшее презрѣніе къ образованію, къ наукѣ,—словомъ ко всему, изъ чего слагается умъ европейца". Таковы внутреннія причины шаткости Турецкой Имперіи, обусловленныя характеромъ господствующаго тамъ вѣроисповѣданія; къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что у правовѣрнаго султана много подданныхъ христіанъ, которые не только не стараются поддерживать имперію, но, по мѣрѣ силъ, содѣйствуютъ быстрѣйшему ея разложенію. Конечно, мы это не въ укоръ турецкимъ христіанамъ говоримъ, ибо хорошо знаемъ, сколько имъ пришлось выстрадать „подъ игомъ Магометовымъ" и слишкомъ понимаемъ ихъ желаніе зажить наконецъ свободной и разумной жизнью...

Говорили, что Турцію надо было бы выдумать, если бы она не существовала въ дѣйствительности. Поговорка эта, мы подозрѣваемъ, англійскаго происхожденія; тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ обязательности существованія Турціи въ интересахъ европейскаго міра господствовало всюду до послѣдняго времени. Но окончательная несостоятельность турецкаго правительства, обнаружившаяся въ настоящее время, должна, кажется, заставить дипломатовъ провѣрить хорошенько выработанные ими много лѣтъ тому назадъ взгляды на восточный вопросъ. Весьма любопытной въ этомъ отношеніи представляется рѣчь маркиза Салисбюри, считавшагося до сихъ поръ первой опорой мусульманскаго уголка въ Европѣ. Выразивъ предположеніе, что султанъ, пожалуй, не пожелаетъ выполнить предложенныя ему Европой реформы, англійскій премьеръ продолжаетъ:

„Если это дѣйствительно произойдетъ, то мнѣ придется прежде всего заявить, что выше какихъ бы то ни было комбинацій между иностранными державами стоитъ природа вещей или божественный Промыселъ, которымъ опредѣлено, что постоянное дурное управленіе должно погубить виновное въ этомъ правительство. Допуская и для султана возможность, если онъ этого твердо захочетъ, справедливо управлять всѣми своими подданными, должно тоже констатировать, что султанъ,

какъ и всѣ земные властелины, подчиненъ общему закону, а именно, что неправда можетъ быть причиною гибели самаго высокопоставленнаго въ мірѣ человѣка. Но сверхъ того имѣется еще авторитетъ великихъ державъ. Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, продолжающемся уже полвѣка, Турція пребываетъ потому лишь, что великія державы рѣшили, что этого требуетъ спокойствіе христіанскаго міра. Пришли онѣ къ этому рѣшенію съ полвѣка тому назадъ, и я не думаю, что бы онѣ нынче держались иного мнѣнія. Если Оттоманская имперія падетъ, паденіе ея будетъ грозить опасностью не только землямъ, входящимъ въ настоящее время въ ея составъ, а придется опасаться, какъ бы пожаръ не распространился на другія націи и не вовлекъ бы самые могущественные и цивилизованные элементы Европы въ опасное соперничество, что оказалось бы настоящимъ бѣдствіемъ. Опасность эту узрѣли отцы наши, когда они рѣшили сдѣлать цѣлость и независимость Оттоманской имперіи предметомъ европейскаго договора. Опасность эта не миновала. Намъ слѣдуетъ остерегаться двухъ иллюзій. Одна изъ этихъ иллюзій—убѣжденіе, что трактатъ этотъ, имѣющій обязательную для Европы силу, можетъ утратить эту силу, и что которая-либо изъ державъ можетъ не подчиняться условіямъ договора и рѣшить вопросъ по собственному усмотрѣнію. Я почитаю себѣ за счастье заявить вамъ, что, на мой взглядъ, ничего подобнаго не представляется возможнымъ. Я думаю, что державы будутъ дѣйствовать совмѣстно, что никогда еще онѣ не были такъ расположены, какъ въ настоящее время, къ поддержанію согласія въ европейской системѣ. Вторая иллюзія сводится къ тому, что тѣ, кто даетъ вредные совѣты султану, воображаютъ, что державы до такой степени озабочены поддержаніемъ этого согласія, что какія бы то ни было злоупотребленія въ Оттоманской имперіи не могутъ подвергнуться той естественной карѣ, которой, согласно обычному теченію вещей въ этомъ мірѣ, ждетъ всякое дурное правительство. Это—опасное заблужденіе. Я думаю, напротивъ, что державы исполнены рѣшимости дѣйствовать согласно во всемъ, что касается Оттоманской имперіи. Но какъ поступятъ эти державы? Не мнѣ подобаетъ выступать въ роли пророка. Я не могу знать, какія произойдутъ еще случайности, но всякій допуститъ возможность, что утомленная раздирающими душу воплями страдальцевъ Европа въ состояніи замѣнить, наконецъ, другимъ соглашеніемъ соглашеніе, не отвѣчающее болѣе тѣмъ надеждамъ, которыя на него возлагались лѣтъ сорокъ тому назадъ. Концертъ державъ, это весьма характеристичное, на мой взглядъ, явленіе нашей эпохи, и при томъ явленіе самаго ободряющаго свойства, не приходится, конечно, по вкусу тѣмъ, кто желаетъ продолженія заблужденій. Оттоманское правительство и силится зажать ротъ тѣмъ, кто ста-

рается внушить государю Оттоманской имперіи, что самая настоятельная потребность момента—дарованіе хорошаго управленія всѣмъ подданнымъ этой имперіи. Полагая этимъ ограничиться, избѣгать недоразумѣній не легко. Прибавлю только въ заключеніе, что во время всѣхъ этихъ переговоровъ ничто такъ сильно меня не поражало, какъ склонность всѣхъ державъ дѣйствовать согласно и глубокое сознаніе опасностей всякаго отдѣльнаго дѣйствія, которымъ всѣ онѣ проникнуты. Даже тѣ изъ державъ, которымъ народная молва создала репутацію безпокойныхъ, соперничали съ остальными въ желаніи уладить затрудненія благополучно, поддерживая согласіе державъ общими мотивами и въ виду общей цѣли — сохраненія мира въ обширной христіанской общинѣ. Этимъ исключительно духомъ онѣ руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ. Это чувство весьма успокоительнаго свойства. Надѣюсь, что представится возможность положить его въ основу системы дѣйствій, которая продержится не только по нынѣшнему вопросу, но и по многимъ другимъ на многіе годы. Держась того же духа взаимнаго содѣйствія, требуемаго опасностями и нуждами переживаемой нами эпохи, мы достигнемъ, надѣюсь, рѣшенія и многихъ другихъ грозныхъ проблемъ, производящихъ на насъ столь угнетающее дѣйствіе, и въ особенности,—въ свое время,—прекращенія того состоянія вооруженнаго мира, которое такъ пагубно отражается на всесвѣтной промышленности".

Въ этой рѣчи обращаютъ на себя особое вниманіе двѣ вещи: указаніе на возможность, что „утомленная раздирающими воплями страдальцевъ" Европа замѣнитъ существующее относительно Турціи соглашеніе—новымъ, само собою разумѣется, гораздо менѣе для послѣдней желательнымъ, и затѣмъ отрадная для англичанъ увѣренность, что Европа будетъ дѣйствовать въ восточномъ вопросѣ сообща. Первое было особенно любопытно услышать изъ устъ англійскаго премьера. Наконецъ-то! Въ Россіи объ этомъ твердятъ уже 200 лѣтъ, а сознаніе обязанности, нравственнаго долга освободить восточныхъ христіанъ существовало и гораздо раньше. Извѣстно обѣщаніе, данное Тишайшимъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ глубокою скорбью и искренними слезами выслушивавшимъ разсказы о турецкихъ звѣрствахъ надъ христіанами: извѣстна также смѣлая попытка, сына его Петра, чуть не закончившаяся плѣномъ Императора и войска. Затѣмъ безконечныя войны съ Турціей въ теченіе всего XVIII в., наконецъ, въ XIX в. Россіи пришлось вынести цѣлыхъ четыре кровопролитнѣйшихъ войны изъ-за того же восточнаго вопроса. Балканскій полуостровъ пропитанъ русской кровью. Наши недруги, при всей ихъ ненависти къ намъ, не могутъ не сознавать, что, въ случаѣ паденія Блистательной Порты, главнѣйшая часть изъ имѣющаго остаться

наслѣдства, т.-е. Константинополь и проливы по всѣмъ законамъ „божескимъ и человѣческимъ", должна перейти къ намъ. Вотъ почему они такъ горячо отстаивали и продолжаютъ отстаивать существованіе Турціи. Къ крайнему ихъ огорченію, однако, поддерживать Турцію оказывается все труднѣе. Она, Турція, крѣпче всѣхъ, повидимому, увѣрилась въ необходимости ея существованія для самихъ гяуровъ и въ этой пріятной увѣренности не считаетъ нужнымъ позаботиться объ устраненіи даже наиболѣе вопіющихъ безобразій. Умные охранители неразумной Турціи почти сознались уже въ тщетѣ своихъ усилій; теперь они озабочены по возможности выгоднѣе для себя ликвидировать ея дѣла. Вопросъ собственно заключается въ томъ, какими средствами, какими силами удержать Россію, буде она обнаружитъ стремленіе воспользоваться нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ въ Турціи и добиться, наконецъ, давно уже намѣченной цѣли. Маркизъ Салисбюри возлагаетъ свои надежды на концертъ великихъ державъ; вѣримъ, что онъ охотно отправился бы снова на второй какой-нибудь „Берлинскій конгресъ," но онъ ошибается, если думаетъ, что Россія будетъ и нынѣ также уступчива, какъ 17 лѣтъ тому назадъ. Берлинскій конгрессъ вызвалъ общее негодованіе въ Россіи; оскорбленное чувство—не самолюбія только, а справедливости, не изгладилось изъ русскаго сердца. Ничего подобнаго повториться не можетъ: Россія, сама болѣе сильная, чѣмъ когда-либо и опираясь на союзъ съ Франціей, съумѣетъ отстоять свои законныя права на ближнемъ Востокѣ не менѣе успѣшно, какъ и на дальнемъ, несмотря на всѣ англійскія происки. Своимъ представителямъ, которыхъ русскій народъ пошлетъ на новый конгрессъ, онъ прикажетъ крѣпко запомнить слова одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ (Ѳ. М. Достоевскаго): „Константинополь долженъ быть нашъ и остаться нашимъ на вѣки", ибо „Константинополь есть центръ восточнаго міра, а духовный центръ восточнаго міра и глава его есть Россія," ибо завладѣніе Константинополя Россіей въ высшей степени важно не только въ интересахъ этой послѣдней, но и всѣхъ народностей Востока. „Россія, владѣя Константинополемъ, будетъ стоять именно какъ бы на стражѣ свободы всѣхъ славянъ и *всѣхъ восточныхъ* народностей, не различая ихъ съ славянами. Мусульманское владѣніе было во всѣ эти столѣтія для всѣхъ этихъ народностей не единительной, но подавляющей силой. Съ уничтоженіемъ же мусульманскаго владычества, можетъ наступить въ этихъ народностяхъ, выпрыгнувшихъ вдругъ изъ гнета на свободу, страшный хаосъ. Такъ что не только правильная федерація между ними, но даже просто согласіе— есть, безъ сомнѣнія, лишь мечта будущаго. А пока новой единительной для нихъ силой и будетъ Россія, именно тѣмъ отчасти, что твердо станетъ въ Константинополѣ.

Она спасетъ ихъ другъ отъ друга и именно будетъ стоять на стражѣ ихъ свободы. Она будетъ стоять на стражѣ всего Востока и грядущаго порядка его. И, наконецъ, она же и лишь она одна способна поднять на Востокѣ знамя новой идеи и объяснить всему восточному міру его новое назначеніе“ и т. д. (Дневникъ писателя).

Одна нѣмецкая газета замѣтила какъ-то, что международное положеніе Россіи ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не вызываетъ такого сильнаго чувства зависти, какъ въ Англіи. Отсюда логически вытекаетъ, что завидуютъ нашей политической мощи всѣ, но болѣе всѣхъ Англія. Увы, мы давно уже въ этомъ убѣдились и знаемъ, что можемъ уповать только на Бога и на собственныя силы... Цѣлый океанъ злобы излили на насъ англійскіе газетчики по поводу ими же измышленнаго соглашенія между Россіей и Китаемъ. Намъ останется только пожалѣть, если соглашеніе это не осуществится въ дѣйствительности: проведеніе желѣзной дороги черезъ Манчжурію и морская стоянка въ Портъ-Артурѣ были бы весьма для насъ полезны. Тревога, поднятая въ Англіи сообщеніями „Times'a“ о мнимомъ русско-китайскомъ договорѣ, не нашла кажется себѣ сочувствія на континентѣ Европы. Какъ бы то то ни было, Европа можетъ только выиграть отъ включенія Сѣвернаго Китая въ сферу ея торгово-промышленнаго оборота; помимо того какое-нибудь значеніе имѣютъ, вѣдь, эти постоянныя разглагольствованія о цивилизаторской миссіи Европы; чѣмъ же Европа могла бы оправдать недопущеніе нашего вліянія въ части Китая, гдѣ совсѣмъ ужь нелѣпо было бы отрицать его просвѣтительное значеніе.

Во Франціи пало министерство Рибо, не смотря на удачную въ общемъ внѣшнюю политику правительства. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото своей осторожной и въ то же время твердой политикой на дальнемъ Востокѣ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, пріобрѣлъ общее уваженіе и немало содѣйствовалъ возвышенію авторитета Франціи; дружба къ Россіи подчеркивалась сильнѣе, чѣмъ когда либо, заискиванія англичанъ оставались тщетными. Но внутреннія дѣла оставляли желать многаго: оппортунистскіе министры слишкомъ откровенно отстаивали интересы буржуазіи во вредъ рабочимъ и выказали непростительную снисходительность къ подозрительной дѣятельности „законодателей-финансистовъ“. По возобновленіи парламентской сессіи внесены были запросы о стачкѣ въ Кармо (депутатомъ Жоресомъ) и о дѣлѣ южныхъ желѣзныхъ дорогъ (Руанне́).

Причины образованія стачки въ Кармо заключались въ слѣдующемъ. Директоръ заводовъ Рессегье́ уволилъ двухъ рабочихъ, отправившихся на рабочій конгрессъ въ качествѣ представителей отъ мѣстнаго синди-

ката рабочихъ. Необходимо замѣтить, что во Франціи, гдѣ синдикаты капиталистовъ пользуются полнымъ признаніемъ, на синдикаты рабочихъ смотрятъ весьма подозрительно, какъ на исчадіе соціализма. Такъ какъ Рессегье наотрѣзъ отказался уступить просьбамъ рабочихъ и принять обратно уволенныхъ, послѣдніе созвали синдикатъ, который и постановилъ прекратить работы, пока оба уволенные не будутъ вновь приняты. Черезъ нѣсколько дней въ Кармо прибылъ Жоресъ, который уговорилъ рабочихъ не предъявлять дальнѣйшихъ требованій и возобновить работы. Рабочіе согласились, они отправляются на работу, но къ своему удивленію и ужасу находятъ всѣ входы запертыми. Г. Рессегье заявляетъ, что онъ поставитъ имъ „свои условія". Черезъ недѣлю рабочимъ объявлено было, что всѣ они уволены и вновь будутъ приняты лишь тѣ, которыхъ пожелаетъ принять г. Рессегье. Рабочіе, конечно, были возмущены до крайности. Характерно, что рабочіе нѣсколько разъ во время этой исторіи предлагали Рессегье разрѣшить ихъ споръ третейскимъ судомъ, но онъ, въ гордомъ сознаніи своихъ правъ, покоящихся на законѣ, и слышать ничего не желалъ объ ихъ предложеніяхъ. Также какъ Рессегье разсуждали и министръ внутреннихъ дѣлъ Лейгъ, и самъ Рибо; для нихъ всѣхъ ясно только одно, что хозяинъ, какъ собственникъ, имѣетъ право вышвырнуть работника-наемника и никому въ этомъ отчета давать не обязанъ. Они не хотятъ понять, что повыше частнаго интереса стоитъ интересъ общественный, который требуетъ обезпеченія сноснаго существованія *для всѣхъ*. Тысячи людей связанныхъ съ заводомъ, гдѣ работали и отцы, и дѣды ихъ, не могутъ быть удалены изъ него и лишены куска хлѣба по капризу какого-нибудь директора. Буржуазные министры разъясняли рабочимъ, что воля хозяина охраняется законами и потому должна быть уважена. Но рабочіе, не имѣвшіе счастья изучать Ульпіана, Павла и другихъ римскихъ юристовъ, само собою разумѣется, ничего изъ этихъ разъясненій не поняли; они укрѣпились лишь въ убѣжденіи, что и законы, и власть на сторонѣ богачей. Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что буржуазія сама толкаетъ рабочихъ въ раскрытыя для нихъ объятія соціалистовъ? Запросъ Жореса самъ по себѣ не имѣлъ успѣха въ палатѣ, такъ какъ всегда, когда споръ разгорается на почвѣ рабочаго вопроса, умѣренные либералы находятъ опору въ консерваторахъ. За то онъ подготовилъ въ значительной степени успѣхъ втораго запроса Руанне—о дѣлѣ южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Слишкомъ зазорнымъ показалось даже буржуа, когда послѣ строгихъ сужденій о незаконности (!) рабочихъ синдикатовъ, министръ юстиціи Трарье имѣлъ безтактность заявить, что депутаты и сенаторы имѣютъ право участвовать въ эмиссіонныхъ синдикатахъ, завѣдомо мошенническихъ. Иначе говоря, рабо-

чіе не имѣютъ права соединяться въ цѣляхъ обезпеченія своей семьѣ куска насущнаго, въ потѣ лица добытаго хлѣба, а сенаторы и депутаты имѣютъ право участвовать въ шайкахъ, организуемыхъ для ограбленія ближняго, участвовать какъ приманка для привлеченія довѣрчивой публики. Палата единогласно осудила министерство, и оно пало. На смѣну явилось радикальное министерство Буржуа, послѣднее воодушевлено самыми благими намѣреніями: оно успѣло уже внести въ палату проектъ, воспрещающій депутатамъ и сенаторамъ участвовать въ синдикатахъ по выпуску процентныхъ бумагъ. Кромѣ того оно заявило о своемъ намѣреніи внести законопроекты о прогрессивномъ налогѣ на наслѣдства, объ обезпеченіи рабочихъ въ старости, о свободѣ ассоціаціи и т. д. Можно только усумниться, чтобы эти проекты (за исключеніемъ перваго) были приняты нынѣшней палатой, мало склонной къ уступкамъ въ пользу недостаточныхъ классовъ населенія.

Что касается внѣшней политики новаго министерства, то въ этомъ отношеніи все будетъ идти по старому. Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ только назначеніе на постъ министра иностранныхъ дѣлъ Бертело, имя котораго до сихъ поръ связано было съ научными открытіями въ области химіи; настолько же странное, насколько страннымъ показалось бы у насъ назначеніе на тотъ же постъ, напримѣръ, Д. И. Менделѣева. Впрочемъ во Франціи многое дѣлается не такъ, какъ у насъ, что не мѣшаетъ намъ быть, однако, хорошими друзьями.

Итоги V международнаго тюремнаго конгресса.

(Продолженіе).

СЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Мѣры предупрежденія.

Вопросъ 1-й. Какія мѣры слѣдовало-бы принять для того, чтобы помѣшать заключенному, по выходѣ изъ тюрьмы, непроизводительно истратить тюремный заработокъ и такимъ образомъ, оставшись безъ средствъ, почти фатально, впасть въ рецидивъ?

1) Желательно было-бы, дабы заключенные, по выходѣ изъ тюрьмы, не могли свободно располагать своимъ заработкомъ тюремнымъ. (?!)

2) Конгрессомъ выражено желаніе, чтобы тюремный заработокъ освобожденнаго, каждый разъ, когда онъ значителенъ по суммѣ, или нравственность освобожденнаго требуетъ мѣры такого рода, былъ помѣщаемъ въ сберегательную кассу, или довѣряемъ властямъ той мѣстности, гдѣ водворяется освобожденный, или какому-либо покровительствующему обществу, при необходимыхъ ручательстахъ, что деньги будутъ выдаваемы освобожденному въ случаяхъ ожидаемой или признанной необходимости.

3) Кромѣ того конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы въ такихъ случаяхъ предпочтеніе отдавалось покровительствующимъ обществамъ.

Вопросъ 2-й. Какъ должны быть организованы тюремныя школы и библіотеки, дабы онѣ поистинѣ могли служить съ пользою заключеннымъ предварительно и по приговорамъ? Слѣдуетъ-ли, въ особенности, поощрять чтеніе заключенными періодическихъ и другихъ изданій, для нихъ предназначенныхъ?

1) Школы должны быть организованы такъ, чтобы они могли служить одинаково какъ заключеннымъ по приговорамъ, такъ и предварительно,— тѣмъ изъ нихъ, которые или безграмотны, или получили недостаточное образованіе. Школы должны дать заключеннымъ не только научныя знанія, которыхъ имъ не хватаетъ, но и воспитаніе, под-

нимающее ихъ нравственный уровень. Воспитаніе это, не оскорбляя профессіональныхъ вѣрованій заключенныхъ, должно быть проникнуто религіознымъ духомъ, необходимымъ началомъ нравственнаго перевоспитанія [1]).

Библіотеки, также имѣя главной цѣлью образованіе и нравственное оздоровленіе заключенныхъ, должны быть организованы въ томъ же духѣ. Кромѣ религіозныхъ и нравственныхъ книгъ, онѣ должны содержать описанія путешествій, нравственные романы, иллюстрированные журналы въ родѣ „Magasin pittoresque“ и т. д. Составленіе библіотекъ лежитъ на обязанности администраціи, однако она можетъ согласиться на участіе въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ и свободныхъ сообществъ, въ особенности для пріобрѣтенія, для заключенныхъ иностранцевъ, книгъ на ихъ родномъ языкѣ. Съ этой цѣлью можно совѣтовать обмѣнъ книгъ и другихъ изданій съ тюремными администраціями другихъ странъ.

---

[1]) По этому поводу не можемъ не передать слѣдующаго инцидента; По приглашенію парижскаго генеральнаго совѣта делегаты конгресса осматривали, въ свободное отъ засѣданій время, ближайшія къ Парижу тюрьмы и другія тюремному вѣдомству подчиненныя заведенія. Въ субботу 6-го іюля послѣ осмотра Нантернской тюрьмы, делегаты отправились въ Монтессонъ, гдѣ двѣ недѣли тому назадъ президентомъ республики торжественно былъ открытъ «Maison d'education», воспитательный домъ для дѣтей неразвитыхъ и заключаемыхъ на исправленіе по волѣ родителей.—Въ матеріальномъ отношеніи нельзя было и пожелать ничего лучшаго; это не тюрьма, а рай для дѣтей...

Иностранцы делегаты были въ восторгѣ отъ построекъ, сада, мастерскихъ и т. д., но вотъ они вступили въ обширную залу, предназначенную для exercices du culte—религіозныхъ упражненій и постороннихъ конференцій.

— «А гдѣ-же изображеніе Христа?» спросилъ М. Н. Галкинъ-Врасскій, старшій изъ русскихъ делегатовъ.

— «Въ другомъ мѣстѣ», былъ отвѣтъ.

— «Мы въ Россіи не понимаемъ религіи безъ изображенія Бога, какъ не понимаемъ тюремнаго режима безъ религіи», замѣтилъ главный начальникъ тюремнаго управленія Россіи.

Нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ французскаго тюремнаго управленія хотѣли дать объясненія, но М. Н. Галкинъ-Врасскій остановилъ ихъ словами: «Pardon! Я задалъ вопросъ лишь какъ простой членъ международнаго конгресса, изучающій иностранную организацію»...

Настало краснорѣчивое молчаніе и всѣ поспѣшили оставить эту залу *религіозныхъ упражненій*, гдѣ изображеніе Спасителя считается излишнимъ.

Замѣчательно, что Гвюліо, судья-слѣдователь и авторъ многихъ серьезныхъ трудовъ по тюремнымъ вопросамъ, мѣсяцъ передъ этимъ по поводу именно этого заведенія писалъ: «Иностранцы, которые будутъ участвовать въ конгрессѣ, конечно, посѣтятъ, между прочимъ, и эту колонію. Быть можетъ, они будутъ искать капеллу, гдѣ должно даваться религіозное воспитаніе, предписанное закономъ 1850 года.

Если они не найдутъ ея—они скажутъ: «Что-же это за дѣти, какое ихъ отечество, какой и гдѣ ихъ Богъ»?

Объ этихъ словахъ не одни делегаты-иностранцы, но и сами французы думали, возвращаясь въ Парижъ, послѣ небольшого урока, полученнаго въ Монтессанѣ отъ нашего начальника главнаго тюремнаго управленія и почетнаго президента конгресса М. Н. Галкина-Врасскаго.

3) Желательно чтеніе заключенными спеціальнаго ежедневнаго журнала, редактированіе котораго должно находиться подъ контролемъ тюремной администраціи.

Вопросъ 3-й. Какія мѣры слѣдуетъ принять въ интересахъ общественной безопасности противъ преступниковъ невмѣняемыхъ или тѣхъ, вмѣняемость которыхъ уменьшалась въ моментъ преступленій (слабоуміе, помѣшательство и т. д.)?

1) Необходимо устройство убѣжищъ или спеціальныхъ помѣщеній для содержанія, по судебнымъ рѣшеніямъ, индивидуумовъ, оправданныхъ или оставленныхъ безъ преслѣдованія вслѣдствіе состоянія ихъ умственныхъ способностей.

2) Слѣдуетъ принять принципъ тройного вмѣшательства,—a) судебной власти, b) власти административной и c) медицинскаго корпуса,—при освобожденіи (разрѣшеніи выхода) изъ убѣжищъ или спеціальныхъ помѣщеній слабоумнымъ, или душевно-больнымъ.

Вопросъ 4-й

Не предпочтительнѣе-ли приговорамъ на опредѣленные сроки помѣщеніе административной властью хотя и на сроки опредѣленные-же, въ рабочіе дома, взрослыхъ бродягъ рецидивистовъ.

Къ этому вопросу, по сродности его, отнесенъ былъ вопросъ 6-й, секціи 1-й, слѣдующаго содержанія:

Вопросъ 6-й. (Секціи первой). Какіе явленія должны быть разсматриваемы, какъ заключающія въ себѣ понятіе о бродяжничествѣ и нищенствѣ? Въ какихъ предѣлахъ и какими средствами слѣдуетъ заботиться о прекращеніи явленій такого рода?

Заключенія первой и третьей секцій:

1) Общество имѣетъ право принимать, противъ бродягъ и нищихъ, мѣры соціальнаго предохраненія даже принудительныя. Къ этому праву относится долгъ организаціи, по раціональной методѣ, общественнаго призрѣнія, частной помощи и покровительства.

2) Образъ дѣйствій относительно бродягъ и нищихъ долженъ быть различенъ, смотря по тому, касается ли дѣло до

a) бѣдняковъ больныхъ и неспособныхъ къ работѣ,

b) бродягъ и нищихъ случайныхъ, или

c) бродягъ и нищихъ профессіональныхъ.

Первые должны призрѣваться до тѣхъ поръ пока не пріобрѣтутъ силы и возможность добывать средства къ существованію, вторые изъемлются изъ общественнаго или частнаго призрѣнія и должны получать пріютъ въ спеціальныхъ учрежденіяхъ помощи, методически организованныхъ, гдѣ работа должна быть обязательною.

Третьи должны быть предметомъ строгихъ мѣръ съ цѣлью препятствованія повторенію преступленій (?).

3) Мѣра наиболѣе дѣйствительная противъ профессіональныхъ бродягъ и нищихъ — заключеніе на долгіе сроки, по судебнымъ приговорамъ въ спеціальныхъ работныхъ колоніяхъ.

Вопросъ 5-й. Каковы, съ точки зрѣнія предупрежденія, выгоды убѣжищъ для излѣченія пьяницъ и каковы результаты до сихъ поръ полученные этими учрежденіями.

Работа въ этихъ учрежденіяхъ должна быть разсматриваема не только какъ мѣра взысканія, но какъ условіе нравственнаго улучшенія.

Конгрессъ, возмущенный все растущимъ прогрессомъ алкоголизма, главная причина чего лежитъ въ употребленіи неочищеннаго алкоголя и напитковъ искусственныхъ и сложныхъ, вліяніе которыхъ заявляетъ себя съ каждымъ днемъ все болѣе—развитіемъ преступленій,—выражаетъ желаніе, дабы въ борьбѣ съ этимъ зломъ общественныя власти соединили свою дѣятельность съ таковою же свободныхъ обществъ, для мѣръ профилактическихъ и терапевтическихъ.

Среди первыхъ мѣръ совѣтъ рекомендуетъ съ одной стороны упорядоченіе правилъ о питейныхъ заведеніяхъ, ограниченіе числа ихъ, уменьшеніе налоговъ на напитки гигіеническіе, очищеніе алкоголя, и съ другой—образованіе союзовъ воздержанія съ надлежащими учрежденіями и пропаганду ими организуемую для свободнаго воздѣйствія на нравы и привычки.

Съ точки зрѣнія терапевтической, каждая страна должна устроить убѣжища для алкоголиковъ, въ которыхъ работа должна быть широко организована,—число ихъ должно быть ограничено смотря по числу алкоголиковъ въ области.

Законодательства должны установить правила для помѣщенія въ эти убѣжища, какъ алкоголиковъ добровольно для излѣченія въ нихъ поступающихъ, такъ и тѣхъ, которые туда будутъ заключаемы по судебнымъ приговорамъ,—рецидивистовъ пьянства, или, обычное невмѣняемое состояніе которыхъ будетъ служить опасностью какъ для самаго алкоголика, такъ и общества. Выходъ, или освобожденіе алкоголиковъ изъ этихъ убѣжищъ также должны быть упорядочены правилами.

СЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Вопросы относительно преступниковъ — дѣтей и несовершеннолѣтнихъ.

Вопросъ 1-й. Что касается молодыхъ людей, не признается ли болѣе цѣлесообразнымъ продлить періодъ ихъ несовершеннолѣтія, относительно наказуемости, до возраста вступленія въ военную службу?

Слѣдуетъ продлить періодъ несовершеннолѣтія относительно наказуемости до 18 лѣтъ, при условіяхъ, что дѣти старше 16 лѣтъ отправляемыя въ воспитательно-исправительныя дома будутъ отдѣлены отъ прочихъ (меньшаго возраста).

Вопросъ 2-й. Въ какихъ случаяхъ право государственной опеки можетъ полезно замѣнить лишенную права родительскую власть?

Слѣдуетъ ли довѣрить, во всѣхъ случаяхъ, установленіе правъ опеки судамъ уголовнымъ?

Секція отвѣчаетъ утвердительно:

1) Лишеніе права опеки должно имѣть мѣсто въ случаяхъ, когда судъ признаетъ необходимымъ замѣнить власть родительскую.

2) Съ точки зрѣнія попечительства и опеки интересы несовершеннолѣтнихъ подлежатъ вѣдѣнію судовъ гражданскихъ, но суды уголовные, усматривающіе, изъ дѣлъ, разбираемыхъ ими, недостойность родителей, имѣютъ право, сами лишить послѣднихъ права опеки.

Вопросъ 3-й. Не слѣдуетъ ли замѣнить единственный типъ исправительныхъ домовъ серіею учрежденій, приспособленныхъ для различныхъ категорій несовершеннолѣтнихъ? Не слѣдуетъ ли въ особенности предохранительную школу (домъ перваго разряда) предоставить просто нищимъ и бродягамъ? Какая мѣра можетъ считаться наиболѣе дѣйствительною въ борьбѣ, съ точки зрѣнія предупрежденія, съ нищенствомъ и бродяжничествомъ несовершеннолѣтнихъ?

Заключенія: I. Классификація различныхъ учрежденій, приспособленныхъ для различныхъ категорій несовершеннолѣтнихъ, согласно уголовнымъ законамъ. 1) Несовершеннолѣтніе, преслѣдуемые за бродяжничество и нищенство послѣ ихъ освобожденія по суду, будутъ отправляемы, вплоть до поступленія ихъ на военную службу, въ учрежденія, расположенныя внѣ городовъ и называемыя *предохранительными школами* (école de préservation), каковыя будутъ организованы государствомъ, или основаны частными средствами съ разрѣшенія и подъ наблюденіемъ тюремной администраціи.

Юные бродяги и нищіе, задержанные въ возрастѣ моложе одиннадцати лѣтъ, будутъ отправляемы преимущественно въ таковыя школы — частныя и воспитаніе ихъ довѣрено—женщинамъ.

Эти два рода учрежденій подраздѣляться будутъ на учрежденія промышленныя и земледѣльческія, въ которыхъ воспитанники будутъ заниматься промышленными ремеслами или земледѣльческими работами, смотря по ихъ происхожденію, предшествовавшимъ занятіямъ и способностямъ.

Въ предохранительныхъ школахъ для дѣвушекъ, особыя помѣщенія и вполнѣ отдѣленныя, будутъ посвящены тѣмъ изъ нихъ, которыя уже предались разврату.

2) Во всѣхъ случаяхъ содержанія несовершеннолѣтняго въ предохранительной школѣ въ расходахъ по воспитанію его должна принимать участіе особа, имѣвшая надъ нимъ власть, за исключеніемъ случаевъ ея несостоятельности.

3) Несовершеннолѣтніе обоихъ половъ, преслѣдуемые за всѣ прочія дѣянія, кромѣ бродяжничества и нищенства, и освобожденные по суду, какъ дѣйствовавшіе безъ разумѣнія, будутъ отправляемы въ общественныя или частныя учрежденія, называемыя *школами исправленія* (écoles de réforme). Они будутъ получать тамъ воспитаніе при строгой дисциплинѣ до полнаго совершеннолѣтія, за исключеніемъ случаевъ помѣщенія ихъ подъ частное покровительство, и будутъ опредѣляемы, смотря по ихъ происхожденію и способностямъ, къ работамъ промышленнымъ или земледѣльческимъ.

Дѣти, задержанные моложе 11 лѣтъ, будутъ отправляться преимущественно въ частныя подобныя учрежденія.

Школы предохранительныя и исправительныя, организованныя государствомъ, будутъ изъяты изъ вѣдѣнія тюремной администраціи. Онѣ будутъ имѣть составъ дирекціи, воспитательный и наблюдательный, отдѣльный отъ тюремныхъ.

Средства борьбы съ точки зрѣнія предупрежденія, съ бродяжничествомъ и нищенствомъ несовершеннолѣтнихъ:

1) Несовершеннолѣтніе бродяги и нищіе, удовлетворяющіе условіямъ законовъ и военныхъ регламентовъ, будутъ освобождаемы отъ содержанія въ предохранительныхъ школахъ въ случаяхъ поступленія до совершеннолѣтія охотниками въ военную службу. Также освобождаемы до совершеннолѣтія будутъ дѣвушки, съ разрѣшенія родителей или попечителей выходящія замужъ.

2) Если будетъ установлено, что положеніе малолѣтняго какъ бродяги или нищаго должно быть вмѣнено въ вину или небрежность власть надъ нимъ имѣвшимъ, то послѣдніе будутъ преслѣдуемы закономъ

и наказуемы штрафомъ съ лишеніемъ или безъ лишенія ихъ права власти родителей или попечителей.

3) Кабатчики, или хозяева квартиръ, дающіе временный или постоянный пріютъ несовершеннолѣтнимъ, гдѣ они предаются разврату, будутъ преслѣдуемы исправительнымъ судомъ.

Закрытіе заведеній можетъ быть опредѣляемо послѣ перваго же проступка этого рода,—въ случаѣ же рецидива закрытіе будетъ обязательнымъ.

Вопросъ 4-й. Чьею властью должна опредѣляться участь дѣтей, виновныхъ въ ошибкахъ, или нарушеніяхъ закона? На основаніи чего и по какимъ признакамъ должно рѣшаться, вызываютъ ли проступки малолѣтнихъ: а) уголовный приговоръ и заключеніе въ тюремныхъ учрежденіяхъ, б) помѣщеніе въ спеціальныхъ учрежденіяхъ для дѣтей порочныхъ, или в) отправленіе въ одно изъ воспитательныхъ учрежденій, предназначенныхъ для малолѣтнихъ, находящихся подъ попечительствомъ общественной власти? При опредѣленіяхъ этихъ долженъ ли возрастъ несовершеннолѣтнихъ быть единственнымъ предметомъ обсужденія? г) По какимъ правиламъ и вслѣдствіе какихъ причинъ малолѣтніе, содержимые въ упомянутыхъ учрежденіяхъ, могутъ быть освобождаемы временно, условно или окончательно? е) При какихъ условіяхъ несовершеннолѣтній можетъ быть разсматриваемъ какъ рецидивистъ и какія послѣдствія для него долженъ влечь рецидивъ?

1) Дѣти, привлеченныя къ суду, смотря по ихъ возрасту, могутъ быть отправляемы въ общественныя, или частныя учрежденія, имѣющія характеръ предохраняющій или благотворительный, или исправительный.

Дѣти моложе 12 лѣтъ всегда должны быть отправляемы въ предохранительныя школы. Дѣти приговоренныя должны быть помѣщаемы въ учрежденія спеціальныя.

2) Желательно было бы, чтобы названія, данныя этимъ учрежденіямъ, не имѣли предосудительнаго, для будущности дѣтей, характера.

3) Подлежитъ ли малолѣтній попечительству администраціи — должна рѣшать власть судебная. Выборъ, если окажется нужнымъ, перемѣны режима, которому подчиненъ малолѣтній, подлежитъ власти, занятой его воспитаніемъ.

4) Вопросъ о рецидивѣ отнести къ первой секціи.

5) Временное освобожденіе малолѣтняго можетъ быть допускаемо, когда послѣ совѣщанія съ властью административной, признано будетъ, что несовершеннолѣтній получилъ достаточное и профессіональное образованіе. Кромѣ того должны быть на лицо доказательства, что малолѣтній будетъ

находиться подъ непрестаннымъ наблюденіемъ, что онъ будетъ имѣть обезпеченую работу и вообще не будетъ ни въ чемъ матеріально и нравственно нуждаться.

Вопросъ 5-й. Не признается ли нужнымъ дать, въ учрежденіяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ,—широкое развитіе раціональному физическому воспитанію.

Господствующая роль въ физическомъ-раціональномъ воспитаніи должна быть сохранена за профессіональной работой, въ особенности же за работами земледѣльческими на открытомъ воздухѣ и для обоего пола.

Вопросъ 6-й. Слѣдуетъ ли установить minimum срока для отправленія на исправленіе несовершеннолѣтнихъ (согласно уголовнымъ законамъ)? Слѣдуетъ ли рѣшить, что во всѣхъ случаяхъ, когда несовершеннолѣтніе будутъ приговорены—они подлежатъ отправленію до совершеннолѣтія (по гражданскимъ законамъ) въ тюремно-воспитательные дома?

1) Разъ малолѣтній отданъ въ распоряженіе правительства и административному попечительству, онъ долженъ оставаться въ этомъ положеніи до совершеннолѣтія гражданскаго.

2) Желательно постановить, дабы всѣ несовершеннолѣтніе приговоренные подлежали административному попечительству до ихъ гражданскаго совершеннолѣтія [1]).

3) Въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе можетъ положить конецъ попечительству, когда властями будетъ признана выполненною воспитательная задача.

Вопросъ 7-й. Подъ чьимъ наблюденіемъ должны находиться малолѣтніе, вышедшіе изъ тюремныхъ колоній и помѣщенные въ семействахъ? Въ какихъ предѣлахъ полезно съ этой цѣлью участіе обществъ покровительства?

Въ этомъ случаѣ наблюденіе дѣйствительное могутъ имѣть только общества покровительства.

Вопросъ 8-й. Какія средства могутъ служить къ предупрежденію и искорененію проституціи среди несовершеннолѣтнихъ (по законамъ уголовнымъ)? Не будетъ ли желательно соглашеніе различныхъ государствъ съ цѣлью предупрежденія проституціи молодыхъ дѣвушекъ заграницею ихъ отечества, нерѣдко впадающихъ въ порокъ благодаря дѣяніямъ различныхъ и извѣстныхъ агентствъ.

Къ этому вопросу по сродности его отнесенъ былъ 7-й вопросъ секціи первой:

---

[1]) Т. е. до 21 года, а не до 18—уголовнаго совершеннолѣтія согласно постановленію конгресса (Вопросъ 1, секціи 4-й).

Вопросъ 7-й (секціи первой). Какія репрессивныя мѣры слѣдуетъ принимать противъ тѣхъ, кто съ помощью обмана увлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ изъ ихъ отечества съ цѣлью предать ихъ проституціи?

Заключеніе первой и четвертой секцій:—Склоненіе силою къ проституціи, если бы даже употреблялось надъ особою совершеннолѣтнею, должно строго искореняться съ увеличеніемъ наказанія въ случаяхъ рецидива (предложеніе сенатора Беранже).

Слѣдуетъ необходимо созвать конференцію правительственныхъ делегатовъ съ цѣлью принятія международныхъ мѣръ противъ торговли бѣлыми невольницами.

Лучшими средствами предупрежденія проституціи среди несовершеннолѣтнихъ слѣдуетъ считать: а) увеличеніе до пятнадцатилѣтняго возраста предѣла, до котораго обольщеніе считается покушеніемъ на чистоту нравовъ (attentat aux moeurs); б) увеличеніе числа исправительныхъ школъ, убѣжищъ, пріютовъ и другихъ учрежденій этого рода, предназначенныхъ для бѣдныхъ, несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ, уже совершившихъ проступокъ противъ нравственности.

Вполнѣ признавая вліяніе религіознаго воспитанія на общественную нравственность, конгрессъ съ почтеніемъ относится къ той важной роли которая принадлежитъ ему (воспитанію).

Всѣ несовершеннолѣтніе того или другого пола, отдавшіеся проституціи ранѣе 18 лѣтъ, должны быть, послѣ слѣдствія, привлекаемы къ суду, каковой, смотря по обстоятельствамъ, отдаетъ виновную на попеченіе родителей, или до гражданскаго совершеннолѣтія отправляетъ въ исправительное учрежденіе, или отдаетъ, по выбору суда, на попеченіе почтенному семейству.

Выше нами было упомянуто, что пренія, которыхъ въ частностяхъ за ихъ обширностью, мы привести не можемъ, были какъ на засѣданіяхъ секцій, такъ и на общихъ засѣданіяхъ—чрезвычайно любопытны, выраженіе это, конечно, слишкомъ недостаточно, ибо будучи всегда оживлены, споры эти были и глубоко поучительны, благодаря участію въ конгрессѣ опытнѣйшихъ тюрьмовѣдовъ и юристовъ Европы, какъ, напримѣръ, депутата Левалье, теоріи котораго о ссылкѣ имѣли крупный успѣхъ, несмотря на сильную оппозицію многихъ иностранныхъ делегатовъ, нашихъ извѣстныхъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ М. Н. Галкина-Врасскаго, сенаторовъ Фукса и Закревскаго, Фойницкаго и др.; Ягманна, Баденскаго министра-резидента въ Берлинѣ, предложившаго образованіе международной комиссіи, покровительства, сочувственныя заявленія которому уступали только таковымъ же, вспыхивавшимъ каждый разъ, какъ кто-либо изъ делегатовъ русскихъ выступалъ съ предложеніемъ,

или просто какъ ораторъ, и, наконецъ, сенатора Беранже, рѣчь котораго, произнесенная въ отвѣтъ оппозиціи, аттаковавшей законъ его имени [1]) была замѣчательна не только по силѣ краснорѣчія, но и по ея высокому содержанію.

Особымъ оживленіемъ отличались засѣданія четвертой секціи, ибо здѣсь обсуждались вопросы о преступникахъ малолѣтнихъ, и такъ какъ три четверти изъ участвующихъ въ секціи и публики состояли изъ женщинъ, которыя не только со вниманіемъ, слушали, но принимали дѣятельнѣйшее участіе въ спорахъ. Всѣмъ этимъ матерямъ хорошо было понятно, что предохранить ребенка отъ опасностей, дать ему религіозное воспитаніе,—значитъ, въ будущемъ, уменьшить армію преступниковъ и число юныхъ злодѣевъ, которые въ послѣдніе годы, въ особенности во Франціи, сдѣлались героями ассизныхъ и полицейскихъ судовъ.

Въ одномъ изъ заведеній этой секціи выдѣлялась рѣчь Ваузена, горячо поддерживавшаго впослѣдствіи принятое конгрессомъ предложеніе о продленіи возраста невмѣняемости до 18 лѣтъ. Здѣсь горячее въ преніяхъ участіе принимали мадамъ Дюньи, генеральная инспектриса французскихъ тюремъ, отличающаяся въ рѣчахъ спокойствіемъ государственнаго дѣятеля высшаго ряда, прекрасно изучившая и основательно знающая тюремное и воспитательное дѣло, и мадамъ Божело, президентъ Общества покровительства женщинамъ, освобожденнымъ изъ Сенъ-Лазарской тюрьмы. Крупный успѣхъ имѣли наша соотечественница г-жа Корвинъ-Піотровская и мадамъ Повельи изъ Антверпена.

То явленіе, что въ столь серьезныхъ собраніяхъ женщины играли такую же дѣятельую роль, какъ и мужчины, что ихъ рѣчамъ съ трибуны внимали съ глубокимъ почтеніемъ, признавая, что имъ, какъ матерямъ и агентамъ милосердія—предметъ обсужденія и знакомъ и близокъ—явленіе крупной важности. Имъ исключительно принадлежитъ честь настойчиваго распространенія простой, но глубокой, хотя и не новой, мысли, которую онѣ смѣло поддерживали и на конгрессѣ и которая уже завоевала всеобщее сочувствіе и нашла много приверженцевъ,—мысли о томъ, что для преобразованія общества надо заботиться о ребенкѣ съ перваго дня появленія его на свѣтъ.

Въ итогѣ—какова бы ни была участь, уготованная правительствами и парламентами постановленіямъ конгресса, нами выше приведеннымъ, каковы бы ни были тѣ измѣненія резолюцій, которыя могутъ послѣдовать при осуществленіи ихъ въ видѣ законовъ,—работы конгресса, какъ и всѣ направленныя къ уменьшенію зла на землѣ и возрожденію и нравственному подъему падшихъ, заслуживаютъ добраго привѣтствія всѣхъ хотя немного озабоченныхъ преуспѣяніемъ человѣчества.

Лео.

[1]) См. Вопросъ 8-й, секціи первой.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Черногорская война

(различные ея виды и способы воеванья).

(Продолженіе).

II.

Общая война.

Пятое столѣтіе идетъ съ тѣхъ поръ, какъ пало Зетское государство и входившія въ его составъ Черногорскія скалы сдѣлались вѣчнымъ убѣжищемъ и въ то-же время военнымъ станомъ для той горсти сербовъ, которая единственно не хотѣла признать надъ собою господство азіатскихъ завоевателей, и съ тѣхъ поръ до недавняго времени черногорецъ не полагалъ оружія и не снималъ его съ себя ни днемъ, ни ночью, ни въ работѣ, ни на пиршествѣ, ни даже въ божіемъ храмѣ на молитвѣ. Отъ участія въ войнѣ не освобождали—ни крайняя молодость, ни глубокая старость, ни даже духовный санъ. Напротивъ, священникъ или монахъ всегда принимали участіе въ войнѣ, служили примѣромъ другимъ, и бывали даже предводителями войска. Не исключался изъ этого общаго правила ни владыка (митрополитъ). Даже женщины не только замѣняли своему войску военный обозъ или санитарный отрядъ, но и участвовали прямо въ бою съ оружіемъ въ рукахъ.

Что жъ это была за война?

Въ главномъ это была оборонительная война противъ турокъ, которые, занявши ровную область Зеты, употребляли всѣ свои усилія на то, чтобы покорить себѣ и скалы Черной-Горы, дававшія убѣжище и защиту непокорнымъ элементамъ не только изъ Зеты, но и изъ другихъ сербскихъ земель. Но цѣль ихъ никогда не была достигнута, что однако не мѣшало имъ включить и Черногорію въ число своихъ провинцій. И это признавалось и другими государствами: въ прежнее время Вене-

ціей, а въ позднѣйшее—всѣми европейскими державами, кромѣ Россіи. Причина такого отношенія къ Черногоріи отчасти заключалась въ томъ, что она своимъ бытомъ не находила никакого образца въ существовавшихъ тогда европейскихъ государствахъ, и потому на нее смотрѣли, какъ на нѣчто незаконное и желали видѣть ее подчиненною кому бы то ни было, хотя бы и Турціи.

Но, какъ мы видѣли, Черногорія не разъ была приглашаема тѣми же государствами къ участію въ ихъ дѣлахъ, и она исполняла эту роль участницы, съ пользою для пригласившихъ, и съ честью и голою славой для себя. А въ самостоятельной борьбѣ противъ Турціи она часто переходила въ наступленіе и дѣлала завоеванія отъ этой великой азіатско-европейской державы. Поэтому напрасно турки и ихъ сторонники старались отнять у этой войны ея международный характеръ и низвести ее на рядъ экспедицій со стороны Турціи для приведенія въ повиновеніе вѣчно бунтующей провинціи. Когда наставало временное затишье, если не полнаго мира, то перемирія, тогда между Черногоріей и Турціей были сношенія, какъ между двумя государствами, заключались договоры, которые однако всегда нарушались турками, до сихъ поръ еще плохо понимающими святость договора и не привыкшими соблюдать миръ и порядокъ. Однимъ словомъ, это была настоящая война между двумя государствами или народами, требовавшая съ той и другой стороны значительнаго напряженія силъ, сопровождавшаяся крупными сраженіями, которыя иногда требовали большой подготовки и искусства и разыгрывались на широкомъ планѣ. Изъ исторіи Черногоріи мы знаемъ, что турки три раза проникали до Цетинья, предавая все опустошенію; но конечный исходъ войны — уничтоженіе непріятеля — ни разу не былъ достигнутъ турками: всякій разъ изъ страха самимъ подвергнуться нападенію они торопились удалиться, не воспользовавшись своей побѣдой, даже не нанесши Черногоріи большого урона въ людяхъ. Это были дни, когда въ Черногоріи были какія-либо внутреннія разстройства, вслѣдствіе которыхъ черногорцы и не принимали горячаго участія въ битвахъ, и за которыми непремѣнно должно было наступить поднятіе духа, угрожавшее случайному побѣдителю. При томъ, какъ мы видѣли, эти пораженія не мѣшали черногорцамъ вслѣдъ затѣмъ одерживать надъ турками болѣе блестящія побѣды, сопровождавшіяся страшнымъ урономъ въ турецкомъ войскѣ и богатой добычей и многочисленными трофеями, достававшимися побѣдителямъ-черногорцамъ. Такія славныя побѣды одержаны въ Царевомъ-лазѣ (1712 г.), на Крусахъ (1796 г.); но менѣе блестящія, сопровождавшіяся однако важными послѣдствіями, были побѣды въ 1756, 1768, 1795 и друг.; а менѣе крупныхъ было множество.

Во всѣхъ этихъ сраженіяхъ турки являлись въ подавляющемъ численномъ большинствѣ, несравненно лучше черногорцевъ вооруженные, въ изобиліи снабженные боевыми и другими припасами; предводителями ихъ были паши, беги и другіе, спеціально подготовленные, избранные и опытные военачальники. Чтобы получить ближайшее понятіе объ этой войнѣ, нужно бы войти въ подробное изображеніе нѣсколькихъ случаевъ, описать самыя сраженія. Къ сожалѣнію, обо всѣхъ этихъ битвахъ мы знаемъ только изъ народнаго преданья и пѣсни, въ которыхъ поэзія въ значительной степени затемняетъ дѣйствительное событіе. Впрочемъ главное событіе побѣды или пораженія остается всегда нетронутымъ. Если черногорцы пострадали отъ турокъ, то народная пѣсня не скрываетъ того и откровенно выноситъ имена своихъ погибшихъ въ бою; побѣды же подтверждаются такою же гибелью турецкихъ главныхъ предводителей, какъ напр. Махмудъ-паша Бушатлія, и трофеями, которые они не разъ посылали Русскому Двору. Замѣтимъ при этомъ, что о великихъ сраженіяхъ, какъ въ Царевомъ-лазѣ и Крусахъ, сохранилось меньше всего подробностей; а пѣсня о битвѣ на Крусахъ чуть ли не самая слабая и мѣшается притомъ съ пѣснью о битвѣ въ Мартиничахъ, бывшей за $2^1/_2$ мѣсяца передъ тѣмъ. Таково свойство вообще народнаго ума и творчества, что въ великомъ событіи подробности исчезаютъ, а оттого блѣднѣетъ и самое представленіе о цѣломъ событіи. И наоборотъ, относительно другихъ, менѣе крупныхъ происшествій, совершавшихся на небольшомъ пространствѣ и при болѣе ограниченномъ числѣ участвовавшихъ со стороны Черногоріи, сохранилось больше всего подробностей, въ которыхъ такъ живо и ярко рисуется народный способъ веденья дѣла, что какъ будто слушаешь разсказъ очевидца и даже непосредственнаго участника дѣла.

Значительное число этихъ пѣсенъ издано при владыкѣ Петрѣ II и подъ его наблюденіемъ, подъ названіемъ „Српско Огледало“ (Сербское зеркало), которымъ историкъ Черногоріи Д. Милаковичъ пользовался, какъ историческимъ матеріаломъ; мы же воспользуемся только тѣми частностями, въ которыхъ обрисовывается народный военный духъ и народный способъ воеванья.

На основаніи этого народнаго источника и представимъ нѣсколько случаевъ изъ черногорской войны съ турками.

Впрочемъ относительно сраженія на Крусахъ (1796 г.) мы имѣемъ источникъ, на который можно положиться, какъ на историческій документъ; это — записка о немъ русскаго дьякона Алексѣя, служившаго владыкѣ Петру II письмоводителемъ и главнымъ образомъ для сношеній съ Россіей. Какъ ни коротка эта записка, она даетъ намъ болѣе или менѣе

точныя данныя относительно численности войска съ той и другой стороны, о пространствѣ, на которомъ происходила битва, и отчасти о ея общемъ ходѣ.

Скажемъ однако предварительно, что происходило передъ тѣмъ и какъ подготовлялось это сраженіе.

Битва на Крусахъ составляетъ одно изъ событій и вмѣстѣ съ тѣмъ заключительное дѣйствіе войны, которая длилась не одинъ годъ, а началась съ разоренія Цетинья въ 1785 г. Съ того времени, будучи не въ состояніи удержаться въ Черногоріи сразу, турки повели противъ нея рядъ аттакъ съ разныхъ сторонъ: то нападаютъ на Бѣлопавлицкую долину, то на Пиперъ, то на Морачу, то опять на Мартиничей въ Бѣлопавличахъ. Это была война непрерывная и упорная съ опредѣленною цѣлью истощить Черногорію и покорить во что бы то ни стало. Связанная съ Турціей торговыми выгодами и проникнутая духомъ католическаго прозелитизма, Венеціанская республика никогда не поддерживала Черногоріи; а напротивъ, въ угоду Турціи и съ своей стороны выставляла войско противъ черногорцевъ, чтобы закрыть имъ отступленіе на свою землю, а главное — лишала ихъ возможности получить боевые припасы. И Черногорія такимъ образомъ оказывалась совершенно блокированною. Далѣе о числѣ и расположеніи турецкаго войска мы знаемъ изъ записки дьякона Алексѣя слѣдующее. Со стороны Турціи въ дѣйствіи было 23,000 войска и въ запасѣ (резервѣ) 17,460, не считая множества башибузуковъ; а со стороны Черногоріи—6,540 въ дѣйствіи и 3,978 въ запасѣ. При этомъ, кромѣ Крусъ, гдѣ были сосредоточены главныя силы, турецкое войско было разставлено противъ Морачи, Бѣлопавличей, Пѣшивцевъ и въ двухъ мѣстахъ противъ Цермницы, не считая крайней западной границы Черногоріи Грахова, гдѣ также стояло турецкое войско, о которомъ однако черногорцы въ то время не знали. И на всѣхъ этихъ мѣстахъ должно было находиться и черногорское войско; и такъ оказывается, что боевая линія, не считая Грахова, была растянута въ одну сторону (къ Цермницѣ) верстъ на 50 и въ другую (къ Никшичу) верстъ на 25.

Главный операціонный базисъ турокъ составляла Подгорица, а въ то же время сильный укрѣпленный лагерь находился въ Лѣшкополѣ на Горицѣ (возвышенье и село), откуда до Подгорицы разстояніе было 1 часъ (ок. 5 в.), а до Крусъ не болѣе $^3/_4$ часа. Въ этомъ лагерѣ турки стояли уже 15 дней, готовясь къ бою. Сильную опору представлялъ г. Спужъ съ крѣпостью и укрѣпленными форпостами, также придвинувшимися къ мѣсту дѣйствія. Все это были очень крѣпкія позиціи, потому что

опирались на каменные холмы, которые сами по себѣ представляли укрѣпленія.

Противъ этой турецкой силы одинъ черногорскій отрядъ въ 3,000 чел. подъ командою губернатора Ивана Радонича расположился въ с. Крусахъ, укрѣпившись въ домахъ, и сзади его у подножія горы Бусовника, скрывшись въ скалахъ. Другой отрядъ въ 3,590 чел. подъ предводительствомъ владыки Петра стоялъ въ мѣстности Вучьи-Студенци, лицомъ къ Спужу и его форпостамъ, а въ то же время готовясь въ помощь Крусамъ, до которыхъ было верстъ 5—7.

Турецкое войско въ числѣ 15,000 пошло прямо на Крусы четырьмя отрядами, чтобы окружить и уничтожить засѣвшее тамъ черногорское войско. Положеніе села было невысокое и пути къ нему не крутые и не тѣсные; поэтому восхожденіе совершено было быстро и безпрепятственно, и тотчасъ сдѣланъ натискъ на дома. Несмотря на сильный огонь изъ домовъ, турки пошли на приступъ, сопровождая его сильнымъ крикомъ. На это отвѣтили такимъ-же крикомъ и сильнымъ огнемъ черногорцы изъ-за скалъ Бусовника; эхо скалъ такъ усилило крикъ черногорцевъ, что турки пришли въ нѣкоторое смущеніе, но тотчасъ-же оправились и сдѣлали такой натискъ, что черногорцы поколебались. Но въ это время сбоку и съ тыла ударилъ владыка со своимъ свѣжимъ войскомъ и въ то же время подоспѣла помощь отъ Рѣцкой-нахіи и Цермницы. Тутъ турки окончательно растерялись и бѣжали, а черногорцы били ихъ въ догонку.

Свидѣтель этой битвы дьяконъ Алексѣй говоритъ, что жаркій бой длился 4 часа (отъ 8 ч. утра до полдня) и войско (турецкое) до тѣхъ поръ стояло на мѣстѣ, пока побѣдители (черногорцы) мѣсто и путь себѣ очистили. На этомъ мѣстѣ было паденіе людей, разрушенію зданія подобное. Но верхъ благополучія нашей побѣды и совершенное торжество составляетъ то, что съ такою поспѣшностью обратилось въ бѣгство противное турецкое войско, на которое такой страхъ напалъ, что то, что раньше къ оборонѣ имъ служило, того самаго они теперь боялись. Тогда уже *оба наши корпуса* (!), одержавъ совершенную побѣду, погнались за бѣгущими даже и чрезъ самое ихъ лагерное мѣсто и далѣе, сколько возможно было въ такомъ случаѣ побѣдителямъ за бѣгущими успѣвать“.

Турокъ въ этой битвѣ погибло такъ много, что для очистки поля отъ труповъ не нашли другого средства, какъ сжигать ихъ. Въ числѣ прочихъ труповъ по незнанію сожжено было и тѣло Махмуда-паши; но раньше отрубленная голова принесена была въ главный станъ, гдѣ и признали, чья она была. Принесенная потомъ на Цетинье, она долго

хранилась въ монастырѣ въ особомъ сундучкѣ и недавно только предана землѣ.

Часть трофеевъ этой битвы послана была владыкою императрицѣ Екатеринѣ II; посланные съ ними черногорцы, однако, не застали её въ живыхъ; но императрица по первому извѣстію объ этой битвѣ назначила владыкѣ орденъ Александра Невскаго.

Смерть Махмуда-паши и пораженіе его войска, такъ долго подготовлявшагося къ нанесенію Черногоріи рѣшительнаго удара, должны были произвести удручающее впечатлѣніе на всѣхъ тамошнихъ турокъ и на всю Албанію. Арнауты, вообще мало вспоминающіе свою исторію, забывшіе даже Скендерберга, въ числѣ весьма немногихъ историческихъ пѣсенъ до сегодня сохранили пѣсню на смерть Махмуда-паши въ видѣ какого-то штурмового марша, зовущаго впередъ и напоминающаго о мести въ перемежку съ напоминаніями нѣкоторыхъ моментовъ изъ самой битвы.

Не будетъ, полагаю, лишнимъ привести здѣсь эту арнаутскую пѣсню въ дословномъ переводѣ, какъ дающую нѣкоторое освѣщеніе какъ самому событію, такъ и произведенному имъ впечатлѣнію. Вотъ она:

„О, паша Кавайи! [1]) Тебѣ жаль твоего дяди?“ — Нѣтъ, мнѣ не жаль, что потерялъ дядю, а жаль, что сломлена наша сила. Теперь въ той церкви [1]), памятникѣ древности, поставлены наши 7 знаменъ. Бейте, мирдиты! [2]) впередъ! Нашъ паша остался одинъ!

„Всѣ ущелья и шанцы полны невѣрныхъ, какъ мошекъ. Бейте, мирдиты!..

„Махмудъ-паша, падая въ полѣ, вскричалъ: „О, я несчастный, зачѣмъ у меня нѣтъ сына, который отомстилъ бы за меня Балабардамъ! [3]) Бейте!..

„Надъ тѣми золотыми пистолетами [4]) клялися беги Ульцина. Бейте!..

„Въ той церкви съ каменнымъ поломъ, тамъ остался Махмудъ-паша. Бейте!..

„Бейте молодцы-груды, изъ бойницъ вашихъ кулъ. Бейте!..

„Эти Пиперы и Балабарды, они убили пашу кольями изъ тына [5]). Бейте!..

---

[1]) Городокъ Албаніи къ югу отъ Драча, близъ моря, гдѣ былъ пашою Махмедъ, сынъ сестры Махмуда-паши.

[1]) На Цетиньѣ; [2]) албанское племя, все равно какъ и ниже упоминаемые груды; [3]) бѣлопавличамъ; [4]) пара пистолетовъ въ серебряной оправѣ, доставшихся въ числѣ трофеевъ черногорцамъ; [5]) намекъ на плохое вооруженіе черногорцевъ.

„О, аманъ, владыка! не отсѣкай мнѣ голову. Бейте, мирдиты, впередъ! Еще живъ Левъ Скадра. Бейте молодцы и герои! Бейте, пока не ворвемся внутрь Черногорья. Бейте, мирдиты, впередъ!..“

Кромѣ войны, которая охватывала всю Черногорію и въ которой участвовали всѣ составлявшія ее племена подъ предводительствомъ ихъ господаря, цетинскаго владыки, безпрестанная война происходила на ея окраинахъ. И въ этой войнѣ турецкаго войска собиралось отъ 10 до 30,000. Ближайшею цѣлью такихъ нападеній было разгромить одну какую-нибудь часть Черногоріи прежде, чѣмъ приспѣетъ ей помощь отъ сосѣдей, а въ такомъ случаѣ туркамъ открывался свободный путь на Цетинье; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ дѣло шло, если не о покореньи, то о тяжкомъ погромѣ Черногоріи.

Да и что могло назваться въ Черногоріи не окраиной? Впрочемъ, собственное названіе *краишниковъ* присвоивается преимущественно тѣмъ племенемъ, которыя граничили съ турками, какъ: озриничи, цуцы, команы, загарчане, цекличане и др. И каждая изъ этихъ мѣстностей имѣетъ свою исторію, состоящую изъ битвъ съ турками впродолженіи почти двухсотъ лѣтъ.

Съ турецкой стороны это были цѣлыя военныя предпріятія, которыя предпринимались сильными мѣстными пашами и бегами, таковы были Любовичи, Ченгичи и Ресульбеговичи въ Герцеговинѣ, Бушатліи въ Албаніи; или главарями ближайшихъ къ Черногоріи городовъ, какъ Амза-капитанъ изъ Никшича, Ибрагимъ-паша Пармаечовичъ изъ Спужа, бегъ Зотовичъ изъ Скадра, послѣ жившій въ Подгорицѣ, Селимъ-бегъ изъ Бара (Антивари) и др.

Приведемъ изъ этой войны нѣсколько случаевъ, сообщаемыхъ намъ народною пѣсней въ упомянутомъ вышѣ сборникѣ „Српско Огледало“; при чемъ будемъ останавливаться главнымъ образомъ не на самомъ сраженьи, а на способѣ, какъ оно велось, и на обстоятельствахъ, обрисовывающихъ духъ и военныя способности народа.

Послѣ погрома Черногоріи въ 1714 г., объ которомъ мы уже упоминали, турки ведутъ непрерывный рядъ натисковъ на ея окраины, а главнымъ образомъ на цуцкое село Трнины и озриничское—Чево.

Въ 1717 г. нападаетъ на нихъ герцеговинскій бегъ Ченгичъ Спанъ-бегъ, имѣя въ виду уничтожить *кулу* кнеза Рогана, „въ которой сушатся турецкія головы и заключаютъ турецкихъ плѣнныхъ, чтобы потомъ брать за нихъ выкупъ“ (пѣсня Срп. Огл. IX). А *кула*, это—обычный черногорскій домъ зажиточнаго человѣка: каменный съ толстыми стѣнами, въ два этажа, изъ которыхъ внизу стоитъ скотина, а вверху люди; оконъ нѣтъ; двери затворяются засовомъ изъ цѣлаго

бревна; но кругомъ продѣланы *пушкарицы*, т.-е. отверстія, черезъ которыя можно стрѣлять. Кнезъ Роганъ—запершись въ своей кулѣ съ 30-ю удальцами, а въ то время, конечно, и другіе жители Трнинъ позапирались въ болѣе крѣпкихъ домахъ, бросивши слабые. Такимъ образомъ туркамъ привелось вести осаду десяти или болѣе блокгаузовъ; дѣло не легкое. А пока они осаждали; успѣли собраться ближніе цуцы, чевляне, велестовцы и бѣлицы и своимъ неожиданнымъ появленьемъ и дружнымъ ударомъ на турокъ привели ихъ въ смятенье и обратили въ бѣгство. Но бѣгство-то было очень трудно, потому что они зашли слишкомъ глубоко внутрь страны, которая представляетъ собою сплошное хаотическое нагроможденье скалъ и проваловъ между ними, и, попавъ въ нихъ, трудно не сбиться съ пути и въ спокойномъ состояніи, а въ попыхахъ они или падали со скалъ и разбивались, особенно конница, или попадали въ западни, гдѣ ихъ брали живьемъ и уводили въ плѣнъ.

Здѣсь мы видимъ тотъ же маневръ, какъ и на Крусахъ, т.-е. пока турки осаждаютъ дома, черногорцы успѣваютъ собраться и нападаютъ на нихъ съ тыла и съ боковъ, въ ту минуту, когда турки значительно пострадали и утомились. То же самое бывало и въ позднѣйшее время; при чемъ, если было время, семейства удаляли въ неприступныя мѣста; но случалось, что оставались и нѣкоторыя изъ женщинъ. Такъ въ 1847 г., когда турки напали на селенья *ускоковъ* Малинико и Стругъ, то въ *чардакъ* [1]) Алексича, въ числѣ 16 защитниковъ его была и Ружа Лаковича. Этотъ случай и въ немъ подвиги Ружи воспѣты владыкою Петромъ II подъ названіемъ „Чардак Алексича“. Около того же времени такую же осаду выдержала и кула Дагоришича въ Цермницѣ.

Турки въ этомъ случаѣ, если верхъ дома былъ деревянный, зажигали его, придвинувши солому и сѣно къ самымъ стѣнамъ на колесахъ и скрываясь за щитами.

Защищались иногда черногорцы въ церквахъ, которыя въ виду этого также строились безъ оконъ и съ маленькими дверями; а окошечко въ алтарѣ представляло собою очень узенькое отверстіе. Случалось, что въ церкви наскоро пробивали пушкарицы; и такимъ образомъ отсиживались.

Вторгаясь въ черногорское село, турки безчестили церкви, не имѣя времени ихъ разорить; поэтому въ нихъ обыкновенно и не держалось ничего изъ священной утвари, а хранилось въ домѣ священника или же

---

[1]) То же, что кула; только верхъ деревянный; такіе у дробнякъ и васоевичей.

уносилось въ послѣднюю минуту. Тогда турки разбивали колокола, а внутри церкви раскладывали костеръ, наругавшись впередъ надъ стѣнными изображеніями святыхъ. Поэтому черногорцы запирались въ церкви не ради своего спасенія, а для того, чтобъ не дать туркамъ надругаться надъ нею. Такъ въ 1853 г. воевода Мирко, отецъ нынѣшняго князя Николая, отстоялъ Острожскій монастырь, затворившись съ нѣсколькими удальцами въ пещерѣ, гдѣ находились мощи св. Василія, отправленныя въ то время на Цетинье; а въ послѣднюю войну его также защитили отъ Сулеймана-паши. Бѣлопавличи не разъ отстаивали свою церковь (во имя св. Ѳеклы). Но бывало, что защитники и гибли въ церкви. Такъ въ 1714 г., когда визирь Тюприличъ шелъ на Цетинье и все уклонялось ему съ пути, бѣлицкій воевода Милія не хотѣлъ оставить свою церковь (во имя Рождества Богородицы) и затворился въ ней съ 12-ю сыновьями и еще нѣсколькими товарищами. Осада длилась 9 дней, и напослѣдокъ турки забрались на крышу, сбросили черепицу и, пробивши отверстія въ сводѣ, убили всѣхъ. Отъ этого воеводы и теперь въ Бѣлицахъ существуетъ знатный родъ Миличей, возникшій отъ оставшейся беременною его жены.

Спасались и выдерживали осаду черногорцы также и въ пещерахъ, которыми такъ богата Черногорія. Такимъ убѣжищемъ служила пиперамъ ихъ пещера вверху отвѣсныхъ утесовъ въ мѣстности называемой поэтому Стѣна съ селомъ того же названія, раскинувшимся у ея подножія, но тоже высоко надъ другими частями Пиперъ.

Она издавна служила убѣжищемъ; а въ 1792 г. въ ней спасались пиперы, когда на нихъ ударилъ Махмудъ-паша Бушатлія. Въ ней же затворялся впослѣдствіи капитанъ Вуле Марковичъ, обороняясь впрочемъ не отъ турокъ, а отъ своихъ же пиперъ, предавшихся туркамъ; и держался онъ тутъ около года, пока не перемѣнились обстоятельства. Въ другой разъ онъ же выдержалъ въ ней осаду въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ (въ 1853 г.) По нему она и называется *Вулова-печина*, и ее можно видѣть съ дороги, идущей отъ Подгорицы въ Даниловъ градъ, когда поровняешься со Спужемъ.

Еще лучше убѣжище по своему далекому углубленію внутрь представляетъ Граховская пещера, въ которой однажды затворялся отъ турокъ воевода Граховскій Яковъ Даковичъ. Турки ничего не могли ему сдѣлать: но его выманили изъ нея обманомъ.

Впрочемъ бывало, что направляли въ отверстія этихъ пещеръ пушки и, бросая въ нихъ разрывныя бомбы, производили страшное опустошеніе, и осажденные сдавались; такъ было съ васоевичами, затво-

рившимися въ пещерѣ Жолевицѣ въ очень давнее время, и съ дробняками не такъ давно въ пещерѣ Турiѣ.

Другой черногорскiй маневръ состоитъ въ томъ, что туркамъ не дѣлаютъ никакого сопротивленiя, даютъ пройти глубже въ страну и сжечь село, а потомъ уже нападаютъ.

Такъ въ 1722 г. (С. О. XI) нападаютъ турки на с. Трнины подъ предводительствомъ невесинскаго бега Любовича, которому удалось увлечь на то и родственника своего по женской линiи требинскаго пашу Хусейна, соблазнивъ его прелестями жены кнеза Рогана, а въ то же время, чтобы отомстить за своего брата Али-бега, убитаго черногорцами въ Сомпной, гдѣ онъ охотился. Въ этомъ случаѣ черногорцы бросили свое село на жертву, унесли съ собою все, что было годнаго, такъ что вся добыча турокъ, по насмѣшливому выраженiю пѣсни, состояла въ „выщербленной мискѣ, двухъ ложкахъ, одномъ пѣтухѣ и слѣпомъ конѣ, принадлежавшемъ Рогану“. Но засѣли черногорцы, приблизительно 1,000 чел., близъ дороги, которою турки должны были возвращаться, и тамъ нанесли имъ жестокое пораженiе.

Иногда черногорцы бывали слишкомъ оплошны и совсѣмъ неподготовлены къ встрѣчѣ непрiятеля. Тогда они, пропустивши турокъ впередъ, прибѣгали къ какому-нибудь особенному маневру.

Въ 1750 г. отправляется на Черногорiю боснiйскiй визирь молодой Тьехай-паша съ 30,000 боснiйско-герцеговинскаго войска, а съ нимъ 30 капитановъ (главари округа, какъ Никшичъ и др.). Предпрiятiе это объясняется молодостью визиря, желавшаго, конечно, увѣнчать себя военною славой, а въ то же время благопрiятствовало тому, по всѣмъ вѣроятiямъ, и нѣсколько разстроенное внутреннее состоянiе Черногорiи при слабомъ владыкѣ Саввѣ, такъ какъ въ томъ же году онъ, по требованiю народа, долженъ былъ избрать себѣ соправителемъ племянника своего Василiя.

Безпрепятственно прошли турки до с. Чевскiе-Убли, откуда легко пройти на Чево, главное мѣсто важнаго въ то время племени озриничей, сломивши которыхъ легко было пройти и на Цетинье. Озриничи одни не смѣли ничего предпринять, а сосѣднiе цуцы также не отваживались безъ своего главнаго вождя Никца Томановича изъ с. Ровинъ, который гостилъ на Нѣгушахъ у своего побратима Тома Жутковича. Услышавъ, однако, объ этомъ, Никацъ тотчасъ отправляется домой и съ нимъ его побратимъ, а на пути къ нимъ присоединился кнезъ Станко изъ с. Предиша со своими бѣлицами. И собралось ихъ такимъ образомъ до 1,500 чел.; а озриничскiй сердарь Дьиканъ засѣлъ уже въ скалистомъ хребтѣ возлѣ Ублевъ.

Но и тутъ они не смѣли вступить въ открытый бой, а рѣшились на слѣдующее: убить главнаго вождя, зная, что турки въ такомъ случаѣ всегда растеряются, и тогда уже ударить на нихъ со всѣхъ сторонъ и со всею силой, а послѣ того—„что Богъ дастъ и счастье молодецкое“.

Исполненіе этого принялъ на себя Никацъ съ 40 избранными товарищами, между которыми были и два побратима. Чтобы достигнуть палатки Тьехая-паши, они приняли видъ, будто хотятъ ему покориться.

Рѣшившись на такой подвигъ, они отправились, но, очутившись лицомъ къ лицу съ дѣломъ, не были равнодушны, и вотъ какъ описываетъ ихъ состояніе пѣсня: „Когда подошли къ тому мѣсту, гдѣ стояли турки, и увидѣли, что все пространство покрыло собою турецкое войско, испугались три побратима и съ ними ихъ дружина. Трясутся въ рукахъ у нихъ ружья, отъ дрожи звенятъ на грудяхъ ихъ токи; сидятъ они онѣмѣлые, какъ камни, только туда-сюда поглядываютъ. Да и чудо ли испугаться, когда видишь передъ собою неминуемую смерть и жаль становится разстаться съ жизнью? Но тутъ говоритъ имъ Никацъ: „Не бойтесь, соколы, братья мои черногорцы! у меня есть хорошее предзнаменованіе: задрожало все мое тѣло; на нашей сторонѣ Божьей помощью будетъ счастье“.

Страхъ тутъ былъ не столько за себя, сколько за самое дѣло: погибнуть и не принести никакой пользы, какъ то было съ Милошемъ Обиличемъ на Косовомъ полѣ. Но, какъ бы то ни было, ободривши своихъ товарищей, три вождя отправляются прямо въ турецкій станъ съ видомъ покорности; но только привели ихъ къ палаткѣ паши и они могли увидѣть самого пашу, они быстро обернули свои ружья къ нему и дали залпъ. Паша тутъ же палъ мертвый и изъ бывшихъ съ нимъ семь-восемь беговъ; а затѣмъ, вынувъ ножи, они ринулись черезъ турецкое войско. „Широкая улица отворилась передъ ними—продолжаетъ пѣсня — но тутъ же погибло ихъ 34 чел. и между ними Томо Жутковичъ и кнезъ изъ Предиша, а только шестеро ушло и въ томъ числѣ весь израненный Никацъ. Не уйти бы и имъ, если бы не подоспѣло черногорское войско, предводимое сердаремъ Дьиканомъ; оно и отбило своихъ соколовъ и ударило на смутившихся турокъ“.

Маневръ удался вполнѣ: турки, сбитые въ кучу на небольшой равнинѣ, видѣли кругомъ себя только скалы, изъ-за которыхъ мѣтко поражали ихъ черногорскія пули и множество ихъ легло на мѣстѣ; а остальные бѣжали безъ оглядки, побросавши коней, палатки и всѣ свои припасы.

Еще одинъ случай возьмемъ изъ мѣстности на противуположномъ краю Черногоріи, въ Рѣцкой нахіи, при томъ при совершенно другихъ условіяхъ,—бой на Салковинѣ (1840 г.).

Салковина было прежде черногорское село, расположенное на совершенно открытой и низкой равнинѣ, съ одной стороны которой возвышался высокій каменистый островъ Одринская гора, принадлежащій Черногоріи, съ другой—турецкая крѣпость Жаблякъ. Село это разселилось, вслѣдствіе усилившихся съ годами наводненій; но въ то время сохранились еще стѣны брошенныхъ домовъ. Здѣсь и произошла битва; но началось дѣло не отсюда.

Туркамъ вздумалось уничтожить черногорское же село Додоши, находившееся на краю рѣки, какъ разъ подъ Жаблякомъ, въ разстояніи отъ него не больше двухъ верстъ, которому они, однако, ничего не могли сдѣлать, такъ какъ за нимъ невдалекѣ въ горахъ находились другія черногорскія села, всегда готовыя въ помощь додошанамъ. На этотъ разъ изъ Подгорицы и отъ сосѣднихъ арнаутскихъ племенъ собралось турецкаго войска до 7,000, о чемъ додошане ничего не знали. Но замѣтили это движеніе жители с. Рвашей, которые и понеслись на выручку своимъ подъ предводительствомъ Вука Лѣшевича. Поднявши на ноги додошанъ, они вмѣстѣ вступили въ схватку съ турками. Вукъ Лѣшевичъ былъ убитъ тутъ же, но его мѣсто заступилъ додошанинъ Мрдьенъ Янковичъ.

Въ это время черногорцы сообразили, что, занявши хоть одну позицію на Салковинѣ, они могутъ дѣйствовать противъ турокъ съ тыла и сбоку; и потому тотчасъ же отдѣлилось 26 человѣкъ и незамѣтно для турокъ переправились черезъ отдѣлявшій ихъ протокъ Каротеру, заняли одинъ домъ и открыли стрѣльбу въ турокъ.

Тутъ только турки поняли, въ чемъ дѣло, и часть своего войска отправили, чтобы уничтожить засѣвшихъ тамъ черногорцевъ. Эта осада составляетъ главный моментъ во всей битвѣ и потому мы прослѣдимъ ее во всѣхъ частностяхъ по относящейся къ тому пѣснѣ (С. О. LVIII),

Успѣвъ укрыться въ одномъ домѣ, безъ крыши, конечно, съ полуразрушенными стѣнами и дверьми, черногорцы съ одной стороны должны были защищать эти двери, въ которыя ломились турки; съ другой—отбивать ихъ отъ стѣнъ, на которыя имъ также легко было подняться. Одни только и дѣлали, что заряжали ружья и пистолеты, передавая другимъ, которые стрѣляли черезъ такъ называемыя *пушкарицы*. Но иногда, не успѣвая заряжать ружья, они бились ими *врзимице*, т.-е. съ плеча, прикладами, какъ дубинками. Турки между тѣмъ сосредоточили пальбу въ двери и тутъ начинаютъ гибнуть черногорцы. Одинъ выстрѣлъ уби-

ваетъ Іова Николина, о которомъ говоритъ пѣсня: „Совсѣмъ еще дитя, но змѣя лютая: осталась изъ-за него мать одинокая“; а сквозь него пуля убила Луку Богдановича: оба пали одинъ на другого. Гремятъ выстрѣлы, не переставая, черезъ стѣны и въ двери, и еще убили четверыхъ замертво, а шестерыхъ ранили; всѣ 10 пали одинъ возлѣ другого. Но вотъ бѣда еще пуще! Нашли турки два остожья соломы и, зажегши ее, бросили внутрь дома. Стало душить осажденныхъ дымомъ; а лютые арнауты отъ Хотской горы Никъ Дьека и родной братъ его Мирошъ съ голыми ножами кинулись, чтобы отрубить убитымъ головы. Черногорскіе выстрѣлы, однако, положили обоихъ ихъ на мѣстѣ: одного втащили внутрь дома и тамъ отрубили ему голову, другому отрубили голову на порогѣ. Арнауты тогда нападаютъ еще яростнѣе, погибаютъ еще нѣсколько черногорцевъ, а остальнымъ грозитъ гибель неминучая“. Но въ это время появляется главное черногорское войско; турки бѣгутъ подъ защиту своей крѣпости, укрываются въ Жаблякъ, откуда уже не смѣли выступить, и тѣмъ бой окончился.

Пропускаемъ битвы, которыя происходили у разныхъ черногорскихъ племенъ: бѣлопавличей, пиперъ, кучъ, васоевичей и др. съ турками, хотя между ними есть очень важныя и въ нѣкоторыхъ частностяхъ дополняющія общую картину,—такъ какъ это задержало бы насъ слишкомъ много. Но, упомянувши выше, какъ черногорцы вмѣстѣ съ нами воевали противъ французовъ, приведемъ одинъ случай изъ ихъ войны съ австрійцами.

Въ 1838 г. произошло разграниченіе между Черногоріей и Приморьемъ, вступившимъ послѣ паденія Венеціанской республики подъ власть Австріи. По этому разграниченію, основанному, конечно, на документахъ, предъявленныхъ Австріей, много земли, считавшейся прежде черногорскою, отошло въ австрійскую границу, и это обстоятельство вызвало сильное негодованіе въ черногорцахъ. Австрійскія же власти, вмѣсто того, чтобы смягчить это, сразу повернули дѣло очень круто, и въ августѣ того же года австрійская стража убила одного черногорца, переступившаго границу. Но, чтобы отклонить это отъ себя, австрійцы объявили, что убійство совершено паштровичами (племя въ Приморьѣ), имѣя въ виду въ тоже время поссорить сосѣдей, не только родственныхъ по крови и вѣроисповѣданію, но и по нравамъ и обычаямъ. И дѣйствительно тотчасъ же побились паштровичи съ цермничанами, и съ обѣихъ сторонъ пало нѣсколько мертвыхъ и раненыхъ. Пользуясь этимъ столкновеніемъ и смотря на него, какъ на поводъ къ войнѣ, австрійское правительство, кромѣ войскъ мѣстныхъ Которскаго округа, призвало еще войско изъ Дубровника и въ то же время подняло приморцевъ, такъ, что собралось войска до 2,000. Собравшееся войско приняло по отношенію къ Черногоріи

угрожающее положеніе, а для большаго страха распущенъ былъ слухъ, что идутъ и турки, пропущенные австрійцами черезъ Суторину.

Положеніе правившаго тогда Черногоріей владыки Петра II было затруднительно тѣмъ болѣе, что въ самой Черногоріи было много недовольныхъ заведенными имъ новыми порядками. Онъ, однако, не растерялся и рѣшился защищаться до послѣдней крайности, и тотчасъ послалъ своего двоюроднаго брата Георгія съ 12-ю перяниками, чтобы наскоро собрать цермничанъ и послать на границу, а потомъ должна была собраться и Рѣцкая нахія. Цермничане были тому рады. Австрійцы, не ожидая, чтобы черногорцы собрались такъ охотно и такъ быстро, спокойно стояли на такъ называемой Паштровской горѣ, посрединѣ которой находилось австрійское укрѣпленіе Кропацъ.

Георгій очень ловко обошелъ позицію австрійцевъ и, размѣстивъ свое войско кругомъ, открылъ по нимъ со всѣхъ сторонъ сильный огонь. Командующій австрійскимъ войскомъ Штернъ былъ этимъ такъ пораженъ, что тотчасъ же выразилъ желаніе вступить въ переговоры, на что Георгій и согласился. Оставивши при себѣ только 10 перяниковъ (личная гвардія) съ сердаремъ Филиппомъ Дьюрашковичемъ и 200 чел. изъ ближайшихъ цермницкихъ селъ, онъ послалъ сказать владыкѣ, что войска больше не требуется, сообщивши о томъ и австрійскому военачальнику.

Но, узнавъ объ этомъ, Штернъ направилъ приморцевъ на черногорскую границу, которые и начали жечь цермницкіе катуны [1]) съ запасами сѣна и захватывать скотъ; а самъ, занявъ позицію выше черногорцевъ, повелъ на нихъ жестокую аттаку. Георгій, однако, успѣлъ послать объ этомъ вѣсть владыкѣ и сдѣлать покличъ въ Цермницѣ; покуда же приспѣетъ помощь, ему предстояло одно изъ двухъ: сдаться на капитуляцію или взять приступомъ возвышеніе, съ котораго больше всего громили его австрійцы, и черногорцы взяли его, а также и укрѣпленіе Крупацъ, куда скрылись было австрійцы; а тутъ приспѣла помощь и австрійцы отступили, оставивши на мѣстѣ 70 чел. убитыми, и послѣ снова открылись переговоры.

Свѣдѣнія эти мы беремъ у В. М. Г. Медаковича, который вскорѣ послѣ того былъ въ Черногоріи. Онъ же сообщаетъ любопытныя подробности и относительно переговоровъ между обоими военачальниками. „Георгій—говоритъ онъ—послалъ сердаря Филиппа Дьюрашковича для переговоровъ съ австрійскимъ военачальникомъ, который спросилъ при этомъ; „А сколько погибло черногорцевъ?“ Сердарь ему на это отвѣтилъ:

---

[1]) Катуны—пастбища.

„Изъ нашихъ никто не убитъ; кое-кого только оцарапали (т.-е. легко ранили); а у тебя?“—У меня—никто, отвѣчаетъ Штернъ. Тогда сердарь, любившій пошутить, спрашиваетъ его со смѣхомъ; „Шутишь ли ты—*аманаты!* а вонъ ихъ—*божа ти вѣра*—полна долина; не знаю чьи, только не наши, потому что всѣ въ узкихъ штанахъ, ноги какъ дудки!“ Тогда Штернъ попросилъ допустить его посмотрѣть и, когда увидѣлъ, то сказалъ: „Наши“. Затѣмъ онъ попросилъ сердаря: „Нельзя ли, чтобы твои люди перенесли ихъ до казармы?“ Сердарь на это обратился къ своимъ: „Пойдите, ребята, возьмите то мясо и перебросьте къ нимъ“. Когда все это было исполнено, Штернъ вынулъ кошелекъ и хотѣлъ заплатить тѣмъ черногорцамъ; но сердарь, въ другихъ случаяхъ любившій деньгу, на этотъ разъ отвѣтилъ ему съ презрѣніемъ: „Клянусь Богомъ, не нужно намъ за это мясо ни копѣйки, ни полушки, возьми его даромъ!“ [1])

П. Ровинскій.

(Продолженіе будетъ).

[1]) П. П. Нѣгошъ. 1882 г., стр. 84—88.

Критическія бесѣды.

«Русское Богатство». «Безъ дороги», В. Вересаева. — «Нухимъ» и «Случай», разсказы А. Яблоновскаго.—«Вѣстникъ Европы»: «Скорбная» разсказъ В. А. Цуриковой.

Не помню, кто именно, кажется—Н. К. Михайловскій—пустилъ въ литературный обиходъ игривое выраженіе: „гамлетизированный поросенокъ". Одно время это изреченіе было въ большомъ ходу. Оно пришлось у насъ, что называется, ко двору, потому-что мѣтко выражало довольно непонятное обиліе въ русскомъ обществѣ, всякихъ разныхъ, въ большей или меньшей степени, „гамлетизированныхъ" господъ. Хотя, кажется, поросята по самой природѣ своей болѣе склонны къ оптимизму и вообще придерживаются сравнительно жизнерадостнаго тона, принимая меланхолическій видъ только на блюдѣ подъ хрѣномъ, но за то наши русскіе „интеллигенты", дѣйствительно, во всякихъ затруднительныхъ и даже только чуть-чуть сложныхъ обстоятельствахъ искони норовили, по мѣткому выраженію Тургенева, стать „подъ тѣнь Гамлета". Постигнетъ ли насъ неудача въ любви, оконфузимся ли на какомъ-нибудь дѣловомъ поприщѣ, обойдутъ ли чиномъ къ празднику, словомъ, чуть только жизнь такъ или иначе обремизитъ насъ,—сейчасъ же разбитый и подшибленный интеллигентъ, прихрамывая и меланхолически вздыхая о суетѣ всего земного, прячется подъ великую и гостепріимную тѣнь. „Рефлектировать", лежа на диванѣ, и „сомнѣваться", приставивъ ко лбу указательный перстъ, куды легче и привычнѣе для русскаго интеллигента, чѣмъ дѣйствовать и бороться. Мы, ближайшіе потомки Тентетниковыхъ и Обломовыхъ, врожденные „Гамлеты въ халатахъ"; къ этому насъ приводитъ не столько философія и вѣковѣчные разлады отвлеченной мысли, сколько по просту барская лѣнь и исторически воспитанная отвычка отъ общественной жизни. Это, такъ сказать, въ порядкѣ вещей. Но странно видѣть, когда рядомъ съ представителями такого, такъ сказать, халатнаго гамлетизма, съ „рефлектирующими" Обломовыми и гамлетизированными поручиками—въ драматическую позу гамлетовскаго раздумья, рефлексіи и сомнѣній становятся люди, которыхъ принято счи-

тать героями дѣла и дѣятельной вѣры. Странно видѣть сомнѣвающихся апостоловъ, дѣятелей, задумчиво сложившихъ руки, которыя, казалось бы, должны дѣйствовать и работать. Такое именно зрѣлище представлялъ довольно часто встрѣчавшійся въ 70-хъ годахъ типъ Нежданова изъ Тургеневской „Нови". Что онъ такое: гамлетизированный ли энтузіастъ или, напротивъ, только фанатизированный скептикъ? Настоящій ли революціонеръ въ гамлетовскомъ плащѣ или, наоборотъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда въ красной фескѣ революціонера? Разобраться трудно. Такою же живою загадкой смотритъ на насъ со страницъ „Русскаго Богатства" герой дневника г. Вересаева „Безъ Дороги". Повидимому онъ выступилъ на житейское поприще съ самымъ опредѣленнымъ нравственно-гражданскимъ маршрутомъ и вдругъ оказывается застрялъ посреди поля темнаго безъ пути „безъ дороги" и не знаетъ куда идти, гдѣ искать потерянной колеи. Онъ былъ докторомъ, служилъ въ земствѣ, истощалъ себя непосильной работой, ссорился, какъ полагается, съ земцами за ихъ нерадѣніе къ народной нуждѣ, и—при *такой* кипучей дѣятельности по *такой* опредѣленной программѣ,—все-таки въ концѣ-концовъ, умирая отъ чахотки, оглядывается на весь пройденный путь съ полнымъ недоумѣніемъ, не зная что къ чему слѣдуетъ отнести и чувствуя глубокую внутреннюю ложь шаблонныхъ проповѣдей о работѣ на пользу меньшаго брата, которыя заставляетъ его говорить нравственно свѣжая непосредственная барышня Наташа. Докторскаго ли ума это дѣло — гамлетизировать и мучиться внутренними разладами?—а между тѣмъ вы воочію видите какъ замутился въ его душѣ источникъ непосредственнаго чувства, и ясно слышите, какою внутреннею ложью звучатъ его надтреснутыя рѣчи о любви къ ближнему, о работѣ для народа и т. д. Эта ложь тѣмъ трагичнѣе, что она слышится не въ устахъ передоваго гостиннаго болтуна, у котораго дѣло не угоняется за звонкимъ словомъ, а въ душѣ человѣка, дѣйствительно работавшаго для народа, доработавшагося до истощенія, до чахотки и умирающаго на работѣ же въ холерномъ баракѣ. Онъ отдалъ за эти слова всю жизнь, а ему все-таки стыдно повторять ихъ передъ свѣжею, вѣрующею душою Наташи, потому что не чувствуетъ онъ ихъ внутренней правды. Когда нѣтъ въ сердцѣ теплаго непосредственнаго чувства, люди лгутъ не только словами и фразами любви, но даже поступками героизма и подвигами самопожертвованія.

Самъ герой г. Вересаева докторъ Чекановъ объясняетъ свою душевную смуту и разладицу вліяніемъ нашего подленькаго времени и, такъ сказать, общею атмосферою прохвосничества, которой невольно поддаются даже и болѣе свѣтлыя единицы толпы. Времена теперь, правда, подловатыя, но объяснить глубокую душевную болѣзнь несчастнаго доктора

зараженіемъ міазмами прохвосничества все-таки, по меньшей мѣрѣ, рискованно ужъ хотя бы потому, что у него есть такая готовая во все увѣровать современница, какъ Наташа и такой вѣрующій современникъ, какъ фигурирующій въ его же дневникѣ толстовецъ Гавриловъ; да, вѣдь, и самъ-то докторъ, хоть и лишонъ внутренней вѣры въ заученный кодексъ, но все-таки, въ концѣ-концовъ, и живетъ и умираетъ „за великое дѣло любви“, настоящимъ героемъ, а не прохвостомъ. Если ему хотѣлось лишній разъ ругнуть свое время,—въ этомъ ему сочувствовать можно, но въ заправду сводить мотивы внутренняго, душевнаго кризиса къ совокупности текущихъ вѣяній и обратныхъ теченій—никакъ нельзя. Причины его душевной смуты гораздо шире и лежатъ онѣ гораздо глубже, чѣмъ думаетъ докторъ Чекановъ и его авторъ г. Вересаевъ.

Послушайте, какъ описываетъ свое душевное состояніе самъ докторъ. Онъ не любитъ заглядывать въ свою душу—„такъ тамъ холодно и темно“; онъ по собственному признанію не живетъ, а только „*наркотизируется* своимъ дѣломъ“, своею работою до упаду. Послѣ встрѣчи съ толстовцемъ онъ пишетъ:

«Я вижу какъ карикатурно-убога его программа и все таки чувствую себя передъ нимъ такимъ мелкимъ и жалкимъ. И передо мною опять и опять встаетъ вопросъ: а я то, *чѣмъ же я живу?*» (Курсивъ разсказа).

«Время идетъ—день за днемъ, годъ за годомъ... Что же, такъ всегда и жить, боясь прямого отвѣта на вопросъ? Вѣдь у меня *ничего нѣтъ* (Курсивъ разсказа). Къ чему мнѣ мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ даетъ? Оно уже давно *мертво*; это не любимая женщина, съ которою я живу, это лишь ея трупъ. И я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ, не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно-холоденъ; однако, обмануть себя я не въ состояніи... Но почему же, почему нѣтъ въ немъ жизни»?

«Я съ радостью иду на жертву, я работаю упорно, живя душою только въ этомъ трудѣ... И все-таки... пусто и мертво на сердцѣ; кругомъ посмотрѣть—жизнь молчитъ, какъ могила»...

Наташа смотритъ на него, что называется, снизу въ верхъ, и, разинувъ ротъ, ждетъ отъ него рѣшенія всѣхъ житейскихъ вопросовъ. Онъ нѣсколько разъ невольно воодушевляется ея благоговѣніемъ и, покорно взбираясь на любезно подставляемый пьедесталъ, произноситъ горячія тирады на счетъ того, что легко-де было тургеневской Еленѣ умирать за Болгарію изъ любви къ Инсарову, а ты займись-ка дѣломъ безъ всякаго героя, полюби „тяжелый трудъ, красный лишь сознаніемъ, что живешь не напрасно“, да еще отдай „на служеніе ему молодость, счастье, здоровье“ и т. д.

«Уже тогда, когда я говорилъ, тотчасъ же прибавляетъ онъ, — во мнѣ шевельнулось отвращеніе къ моему приподнятому тону; но меня подчинило себѣ

то страстное вниманіе, съ которымъ слушала Наташа. Она не спускала съ меня радостно-недоумѣвающаго взгляда и столько въ этомъ взглядѣ было страха, что я оборву себя, по обыкновенію замну разговоръ. Ну вотъ — я не остановился, не свелъ разговоръ на другое... О мерзость»!

Ему „скверно и стыдно, словно, говоря эти фразы, онъ нарядился въ чужое богатое платье“. А между тѣмъ вѣдь онъ сознательно шелъ на гибель, принимая мѣсто земскаго врача. Если тутъ есть ложь, то не въ противорѣчіи съ чувствами, потому что онъ искрененъ, и не въ разладицѣ слова и дѣла, потому что онъ дѣлаетъ хорошаго гораздо больше, чѣмъ говоритъ, а гдѣ-то глубже—въ самой основѣ его надломленной души.

Когда черезъ нѣсколько дней, несмотря на все его увиливаніе, Наташа снова пристаетъ къ нему съ разговорами, онъ совѣтуетъ ей идти въ учительницы и тотчасъ спрашиваетъ себя: „а что бы я сказалъ ей, если бы не было этой спасительной сельской учительницы, альфы и омеги „настоящаго дѣла“? Когда же она поставила ребромъ вопросъ: вѣритъ ли онъ въ то, что говоритъ, онъ откровенно сознается, что всю жизнь только обманываетъ себя „дѣломъ“. „Жить для другихъ, любить ближняго—нѣтъ выше этой заповѣди“,—ею только онъ и держался на свѣтѣ—но... „все это слишкомъ обще“ и еще не даетъ „идеи, которая заполнила бы всю жизнь, захватила бы цѣликомъ всего человѣка“. И не только онъ одинъ, но, по словамъ героя, и все современное поколѣніе тоже блуждаетъ безъ знамени, безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, у него тоже *ничего* нѣтъ, и оно, также какъ несчастный докторъ Чекановъ, въ тихомолку „гибнетъ невидно и безповоротно“...

Что это: злой ли геній окропилъ мертвою водою самый источникъ жизни или это только временное затмѣніе души, мимолетная смута сердца, которое все же можетъ жить и биться только одной любовью? Вслѣдствіе неясности и спутанности психологической обрисовки героя, его душевныя невзгоды можно толковать и такъ и иначе. Намъ кажется, что горчайшее горе современныхъ интеллигентовъ заключается главнымъ образомъ въ раздвоенности ихъ чувства и мысли: они любятъ, любятъ искренно и правдиво, хотятъ жить любовію, но у нихъ нѣтъ такого міровоззрѣнія, которое дѣлало бы порывы любви сознательнымъ принципомъ существованія, сливая въ одинъ могучій стимулъ и требованія непосредственнаго чувства и выводы отвлеченной мысли. Не только въ христіанствѣ, но и въ буддизмѣ и во всѣхъ великихъ пережитыхъ религіяхъ мораль сливалась съ философіею въ нѣчто органически-цѣльное и единое; нынѣшнее же общее міропониманіе ничѣмъ и никакъ не связано съ на-

шимъ нравственнымъ чувствомъ. Раньше и общее представленіе о мірѣ, и мораль были въ одинаковой мѣрѣ теологическими, но постепенно знаніе накоплялось, развивалось своими путями, стало позитивнымъ, а мораль по прежнему осталась христіанской, такою же, какою была двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Выработаетъ ли положительная наука положительную мораль—мы не знаемъ, но съ тѣхъ поръ, какъ знаніе, обособившись и диференцировавшись, стало позитивнымъ, а мораль осталась теологическою, человѣческая душа страшно томится этимъ вѣковымъ расколомъ когда-то единой мысли и совѣсти. Христіанскую мораль любви мы совмѣщали въ различныя эпохи развитія то съ языческою философіею классицизма, то съ различными метафизическими системами, то съ мертвымъ научнымъ матеріализмомъ, то съ безплоднымъ позитивизмомъ, механически пристегивая ее къ каждому изъ переживаемыхъ міросозерцаній. Очевидно, что при этихъ смѣнахъ наше чувство было само по себѣ, а мышленіе само по себѣ, что отвлеченная мысль не давала никакой обосновки нравственному чувству, и если любовь все еще жила въ человѣческихъ сердцахъ, то во всякомъ случаѣ совершенно независимо отъ смѣнявшихся въ головахъ философій, а иногда даже и вопреки имъ. Для христіанина первыхъ вѣковъ, не знавшаго нашего раздвоенія, подвигъ любви былъ въ одинаковой мѣрѣ и дѣломъ чувства и дѣломъ убѣжденія, для насъ же такой подвигъ можетъ быть только одною потребностью чувства, не обоснованною отвлеченною мыслью и даже часто противорѣчащею ей. „Убѣжденіе“ насъ уже ни на что не толкаетъ, хотя бы потому, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно въ насъ отсутствуетъ. Всѣ мы, разсуждающіе европейцы конца вѣка, за весьма малыми исключеніями, или примиренные или страдающіе скептики; наше знаніе мертво и пусто и уже по одному этому не рождаетъ нравственнаго одушевленія. Съ этимъ разладомъ еще можно было мириться, пока сильное непосредственнымъ чувствомъ человѣчество могло жить однимъ чувствомъ. Но, къ сожалѣнію, проклятый верхній позвонокъ спинного хребта все болѣе и болѣе развивается, сознаніе прогрессируетъ, укореняется скверная привычка разсуждать, потребность цѣлесообразности ростетъ, и вся духовная жизнь становится болѣе сознательной и поэтому болѣе зависитъ отъ разладовъ и высшихъ запросовъ отвлеченной мысли. Интеллигентный человѣкъ уже не можетъ жить безсознательными—хотя бы и самыми чистыми—порывами, и для него любовь, не обоснованная мыслью, является уже не болѣе какъ настроеніемъ, прекраснымъ, возвышеннымъ, но все же лишеннымъ того высшаго авторитета истины, которымъ она пользовалась въ глазахъ первыхъ христіанъ.

На почвѣ этого внутренняго раздвоенія сами собою, какъ грибы послѣ дождя, выростаютъ милліоны гамлетовскихъ сомнѣній и „проклятыхъ“ вопросовъ насчетъ того: почему мы должны любить человѣчество? настолько ли оно прекрасно, чтобы его любить? По какимъ резонамъ придавать такое исключительное значеніе любви къ ближнему и на какомъ основаніи ставить ее выше всякихъ иныхъ чувствъ, настроеній, инстинктовъ и пр. Прекрасно ли самопожертвованіе и не безсмысленно ли оно хотя бы въ тѣхъ, напримѣръ, случаяхъ, когда гибнущій выше и лучше спасаемаго? и т. д., и т. д., и т. д. Всѣ эти вопросы, оставаясь вѣрнымъ холодной логикѣ, можно, конечно, рѣшать и тако и сяко, но разъ они приходятъ въ голову, то въ сердцѣ уже не можетъ быть прежней цѣльности и непосредственности чувства любви. На этой почвѣ вполнѣ возможна вся та сумятица душевной раздвоенности, грустную картину которой нарисовалъ г. Вересаевъ: человѣкъ, искренно любя ближняго и жертвуя собою во имя этой любви, можетъ не видѣть въ своемъ самопожертвованіи ничего кромѣ безсмыслицы, можетъ стыдиться „высокихъ словъ“, которыя звучатъ въ его душѣ, обманывать себя и „наркотизировать“ свою мысль напряженной работой, лгать чистыми дѣлами, поступками и подвигами, не чувствуя въ нихъ внутренней правды; при самомъ твердо-заученномъ кодексѣ гражданской и христіанской морали онъ можетъ, какъ докторъ Чекановъ, ясно сознавать, что его душа пуста и мертва, что у него *ничего* нѣтъ, что ему жить нечѣмъ и не для чего, что все его міросозерцаніе—мертвый, безжизненно-холодный трупъ, который не даетъ никакого стимула жизни... Для яснаго, отчетливаго изображенія этой потрясающей душевной драмы настоящаго современнаго гамлета (а не только гамлетизированнаго народолюбца) требуется талантъ и кругозоръ несравненно болѣе крупный, чѣмъ у г. Вересаева. Можетъ быть намеки ея есть и въ мятущейся душѣ доктора Чеканова, но они до такой степени не ясны, что не даютъ достаточныхъ данныхъ для окончательнаго діагноза. Избитый полупьяной толпой мастеровыхъ, которыхъ онъ самоотверженно спасалъ отъ холеры, бѣдный докторъ умираетъ на рукахъ Наташи съ свѣтлымъ ощущеніемъ „безграничнаго счастья“, потому что только по горечи перенесенной обиды узнаетъ, какъ онъ искренно и глубоко любилъ этотъ народъ, и на смертномъ, мученическомъ ложѣ ему уже не стыдно говорить „высокія слова“, повторять завѣты любви и самопожертвованія. Эти шаблонныя предсмертныя просвѣтлѣнія и примиренія вообще кажутся мнѣ не особенно правдоподобными и реальными, но если даже и считать ихъ вполнѣ естественными, то все-таки весь ужасъ драмы надо видѣть не въ слѣпомъ злодѣйствѣ толпы, а въ томъ, что, только ставъ ея жертвою, бѣдный гамлетизиро-

ванный народникъ могъ повѣрить въ свою любовь къ народу. Въ этомъ, такъ сказать, психологическая драма развязки. Но на ряду съ этимъ, нѣкоторыя другія подробности могутъ наталкивать и на иныя болѣе частныя и узкія объясненія личности и душевныхъ невзгодъ героя. Въ разговорѣ съ Наташей онъ говоритъ, что работою врача онъ только обманывалъ себя, а настойчивый внутренній голосъ все время твердитъ ему, что есть нѣчто болѣе важное и необходимое, да невѣдомо что́. Если припомнить, что, по его словамъ, въ такомъ же положеніи находится и все современное поколѣніе да, сопоставить это съ укорами нашимъ подлецкимъ временамъ, то можно подумать, что все его горе и внутренняя распутица дѣйствительно только плодъ переживаемаго „безвременья“, когда извѣрившаяся въ старыхъ программахъ интеллигенція еще не рѣшается открыто и громогласно порвать съ ними, чтобы искать новыхъ путей жизни, и растерянная и безпомощная стоитъ среди поля „безъ дороги“, какъ и пришибленный герой г. Вересаева.

Въ умонастроеніи передовыхъ людей нашей эпохи рѣзко чувствуется эта безпрограмность переходнаго времени, безжизненная пустота умершихъ ученій, уже отжившихъ, но еще не схороненныхъ, пережитыхъ, но не сданныхъ въ архивъ. Въ душѣ самаго энергичнаго человѣка въ такіе періоды смутнаго междуцарствія идеаловъ поневолѣ тускло и мрачно, какъ въ домѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, котораго не отнесли еще на кладбище. Подобныя времена очень тяжелы, но къ счастію не продолжительны: умершихъ уносятъ въ склепы, а ихъ мѣсто на земномъ пиру занимаютъ новые люди, съ новыми взглядами на жизнь и новыми маршрутами въ жизни.

Въ художественномъ отношеніи произведеніе г. Вересаева написано очень неровно. Вторая часть, рисующая ужасныя картины эпидеміи, холерные бараки, больничный персоналъ, дикое отношеніе населенія къ врачу и ужасъ расправы съ нимъ пьяной толпы, полна реальными, несомнѣнно схваченными съ натуры подробностями и положительно прекрасна. За то первая часть, рисующая пребываніе героя въ барскомъ домѣ у дяди, явно сочинена и при томъ сочинена довольно плохо. Его деревенскія барышни больше похожи на манекеновъ, чѣмъ на живыхъ людей. Найдите хоть искру жизни въ этой, напримѣръ, сценкѣ:

— Ахъ, какая чудная луна! томно вздохнула Вѣра.

Соня засмѣялась.

— Вотъ смотри, Митя, она всегда такая: просто не можетъ равнодушно видѣть мѣсяца. Разъ мы съ нею шли въ Поморскѣ черезъ мостъ; на небѣ луна—тусклая, ничего хорошаго; а Вѣра смотритъ: «ахъ великолѣпная луна»!.. Такая сантиментальная!

— Сантиментальная! А вотъ Наташа только-что говорила, что я—рыба. Развѣ рыбы бываютъ сантиментальныя? спросила Вѣра съ своею медленною и доброю улыбкою.

— Отчего жъ нѣтъ? Высунула рыба носъ изъ воды, смотритъ на луну: «ахъ, ахъ!—великолѣпная луна!»

Соня съострила неожиданно для самой себя и залилась смѣхомъ.

Ну, остроты, ну, и разговоры, можно сказать! Для развлеченія читателя и оживленія пейзажа вмѣстѣ съ барышнями и докторомъ катается на лодкѣ подростокъ гимназистъ Петька. Онъ старательно выкидываетъ всякія гимназическія штуки, очень удачно выпаливаетъ разъ ни къ селу, ни къ городу замѣчаніе о свободѣ вѣроисповѣданій (самая удачная выходка) и чтобы какъ-нибудь развеселить скучающаго читателя, хватаетъ за носъ своего старшаго брата Мишу, за что получаетъ увѣсистый подзатыльникъ. Таковъ убогій юморъ г. Вересаева. А вотъ образецъ описательныхъ красотъ вересаевской кисти, рисующей возвращеніе съ прогулки:

«Наконецъ мы собрались домой. Мѣсяцъ уже давно сѣлъ, на востокѣ появилась свѣтлая полоска; лощина тонула въ бѣломъ туманѣ и становилось холодно. Было поздно, приходилось возвращаться домой по самой короткой дорогѣ; Наташа взялась сходить завтра утромъ за лодкой и пригнать ее домой. Мы поднялись на гору, прошли черезъ рожь, потомъ долго шли по парку и вышли наконецъ на торную дорогу; круто обогнувъ (что?) въ крестьянскіе овсы, она мимо березовой рощи спускалась внизъ къ Большому Лугу. Весь лугъ былъ покрытъ густымъ туманомъ и передъ нами какъ-будто медленно колыхалось огромное озеро. Мы спустились въ это туманное озеро. Грудь тѣснило сыростью, тяжело было дышать; на травѣ по бокамъ дороги бѣлѣла роса. Мы шли, разсѣкая туманъ».

«Вдали начали вырисовываться въ туманѣ темные силуэты деревьевъ и крыши избъ; у околицы тявкнула собака. Мы поднялись по деревенской улицѣ и вошли во дворъ. Здѣсь тумана уже не было; крыша сарая рѣзко чернѣла на свѣтлѣвшемъ небѣ. Отъ скотнаго двора несло тепломъ и запахомъ навоза, тамъ слышалось мычаніе и глухой топотъ. Собаки спали вокругъ крыльца».

Въ этомъ безпорядочномъ нагроможденіи подробностей нѣтъ собственно говоря никакой картины. Вы видите спящихъ собакъ, крышу сарая, читаете, „что тумана на дворѣ уже не было“, но всѣ эти разрозненныя подробности какъ-то не укладываются въ вашемъ воображеніи въ одну картину. И по стилю словно обрубленныхъ фразъ, и по нанизыванію мало чѣмъ связанныхъ между собою обстоятельствъ этотъ описательный винигретъ напоминаетъ не то полицейскій протоколъ, не то свидѣтельскія показанія, записанныя судебнымъ слѣдователемъ. Какъ счастливъ долженъ быть читатель, что у Вересаева сравнительно не много описаній! Вообще въ его очеркѣ вы часто видите слѣды грубой

неумѣлой руки, чувствуете, что имѣете дѣло съ неособенно тонко обработанымъ произведеніемъ кустарной беллетристики. Иногда авторъ вдается вдругъ въ совершенно излишнюю точность. Описывая, напримѣръ, поѣздку верхомъ, онъ говоритъ: „отъ сѣдла пахло кожею и этотъ запахъ мѣшался съ запахомъ влажной луговой травы“. Ишь ты, какъ тонко подмѣчено! Извотольте-ка разнюхать эту смѣсь атскихъ несходныхъ ароматовъ...

Но все это, конечно, сравнительно мелочи и пустяки, не лишающіе очерка крупнаго нравственнаго значенія многихъ литературныхъ достоинствъ. Гораздо важнѣе другой недстатокъ — блѣдность образа и, если можно такъ выразиться, *выдуманность* главной героини. Наташа очевидно тоже сочинена, какъ и остальныя барашни очерка, и вдобавокъ еще сочинена по весьма и весьма заѣжанному шаблону. Это непремѣнно цѣльная и непосредственная натура само собою разумѣется, собирается на курсы, какъ полагается, читаетъ „про общину“, размышляетъ „о значеніи сектантства“, „о судьбахъ капитализма“, пускаетъ въ ходъ слова: „долгъ народу“, „дѣло“ „идея“; излишне и говорить, что она очень близка съ крестьянами, смѣло скачетъ верхомъ на лошади и учитъ крестьянскихъ ребятишекъ. Характеризуя храбрость ея, Вересаевъ разсказываетъ какъ однажды на ночной прогулкѣ, съ игривою шаловливостью раскачавшись на краю надтреснутаго обрыва, она молодецки сваливается внизъ, послѣ чего докторъ видите, что у нея „одна щека разгорѣлась“—это ночью-то при лунномъ освѣщеніи. Дома у нея тоже, какъ и палагается разладъ со старшими. „Наташа видите ли, была живѣе и красивѣе сестры (25-лѣтней Сони) и дядя надѣялся хоть отъ нея дождаться внучатъ. Между тѣмъ Натша съ головою ушла въ своихъ „классиковъ“— совершенно серьезно говоритъ авторъ, предоставляя читателю по этой склонности героини къ классикамъ судить о тщетѣ дядиныхъ надеждъ. Какъ такая, если можно такъ выразиться, грубо-идейная дѣвица, Наташа, сразу рѣзко мѣняетъ отношеніе къ доктору послѣ, того какъ онъ открываетъ ей свои сомнѣнія и тяжелую душевную смуту. Она вдругъ стала глядѣть на него сурово, холодно, почти враждебно, въ глазахъ ея онъ видитъ даже что-то жестокое и презрительное, между тѣмъ, какъ по человѣчеству казалось бы естественнѣе было бы ожидать, что дѣйствительно непосредственная женская натура, понимая тяжелую внутреннюю драму близкаго человѣка, должна отнестись совершенно иначе—несравненно мягче и любовнѣе, чѣмъ даже относилась раньше. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ художественно правдивъ и свѣжъ только одинъ эпизодъ съ поросятами, которые, бѣжа впереди по лѣсной дорогѣ, помѣшали имъ скакать на перегонки, послѣ чего вся предшествовавшая неловкость между Наташей и докторомъ вдругъ неожиданно исчезла. Когда всадники

придерживали лошадей, „поросята бѣжали медленнѣе, взволнованно хрюкая и трясясь боками другъ о друга“, когда же лошади прибавляли шагу, они начинали неуклюже галопировать, неистово хрюкая и отчаянно махая коротенькими тонкими хвостиками“, но все-таки продолжали бѣжать впередъ, ни за что не желая свернуть съ дороги. Очевидно, это были настоящіе, живые и нисколько не гамлетированные поросята, иначе бы имъ ни за что не разогнать хандру и дутость гамлетированныхъ героевъ.

*
* *

Въ нашей глубоко гамлетированной литературѣ очень мало смѣха. Общій ли колоритъ нашей жизни таковъ, что не предрасполагаетъ къ веселью, омрачаетъ ли души дѣйствительно ложащаяся на всѣ интеллигентныя сердца „тѣнь Гамлета“ — кто его знаетъ, только рѣдко услышите вы среди образованнаго люда дѣйствительно веселую рѣчь, рѣдко увидите лицо, смѣющееся искреннимъ, веселымъ смѣхомъ. Литература въ общемъ итогѣ довольно вѣрно отражаетъ вѣчно хмурое настроеніе общества, подобно тому какъ стѣсненная суровыми гранитами Нева отражаетъ тусклое и унылое петербургское небо; народъ въ этомъ отношеніи несравненно счастливѣе и богаче насъ. Самыя суровыя невзгоды жизни не лишаютъ его ни бодрости, ни веселья; онъ терпитъ горе, но не забываетъ и шутку, каторая намъ какъ-то на умъ не идетъ; вмѣстѣ со стономъ по необъятной деревенской Руси звучитъ и смѣхъ, да не доходитъ онъ почему-то доНасъ и не находитъ отзвука въ нашей унылой литературѣ. Для того, что бы пробить толстую броню русскаго интеллигентнаго унынія, нужна колосальная, почти вулканическая сила юмористическаго таланта. Благодаря этому, у насъ могли разцвѣтать и развиваться только такіе крупные геніи смѣха, какъ Гоголь и Салтыковъ; таланты же болѣе мелкіе и посредственные задыхались и гибли, въ неблагопріятной атмосферѣ хмурыхъ настроеній въ самомъ зародышѣ, какъ птенцы, не способные пробить скорлупу яйца и выбраться на свѣтъ божій, гдѣ такъ мого простора, красокъ, лучей и жизни. У насъ есть только могучая бытовая, политическая сатира, но нѣтъ обыденнаго мелкаго юмора, которымъ красятъ жизнь суровые англосаксы—въ родѣ Бретъ Гарта и Марка Твена—нѣтъ искрящагося остроумія французской и польской журналистики. Мы не говоримъ, конечно, о профессіональномъ смѣхѣ юмористическихъ изданій, увеселяющихъ читателей портерныхъ плоскимъ издѣвательствомъ надъ тещами и рогатыми мужьями; эта спеціально- увеселительная литература угождаетъ вкусамъ своей избранной публики и, само собою разумѣется, не можетъ имѣть никакого значенія въ характеристикѣ русскаго общества и его настроеній.

Русскій читатель, испытывающій *голодъ смѣха*, будетъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ струю бодраго, свѣжаго юмора въ произведеніяхъ начинающаго писателя г. А. Яблоновскаго. Судя по сюжетамъ, языку и общему колориту его разсказовъ, онъ, повидимому, уроженецъ юга Россіи, подарившаго намъ великаго Гоголя; но этимъ пока и ограничивается все его сходство въ Гоголемъ.

Общею чертою всѣхъ, попадавшихся мнѣ, его разсказовъ служитъ бѣдность, несложность, иногда даже почти полное отсутствіе фабулы. Онъ ловитъ и заноситъ на бумагу картины, пейзажи жизни, еще не вникая въ ея глубь, не охватывая ея перемѣнчивыхъ теченій, не сталкиваясь съ непрестанною, то созидающею, то разрушающею дѣятельностью ея демоническихъ силъ. Оттого-то въ его произведеніяхъ такъ мало „дѣйствія", интриги. Нравоописатель явно преобладаетъ въ немъ надъ романистомъ. Одинъ его разсказъ изображаетъ, напримѣръ, какъ томится отъ жары и скуки бездѣлія толстый помѣщикъ, придумывая себѣ невинныя развлеченія въ родѣ пустопорожнихъ разговоровъ съ прохожимъ евреемъ „Нухимомъ". Другой, неудачно озаглавленный „Случаемъ", повѣствуетъ о томъ, какъ передовые офицеры какого-то армейскаго батальона устраиваютъ солдатскій спектакль, чтенія съ туманными картинами, и хотѣли даже устроить воскресную школу для солдатъ, да генералъ не позволилъ. Отъ третьяго, напечатаннаго года два назадъ, у меня осталось впечатлѣніе нелѣпой фигуры толстяка помѣщика изъ хохловъ, непристойно ругающагося съ южно-русскимъ акцентомъ. Тщательному фонографированію мѣстныхъ и индивидуальныхъ особенностей рѣчи, молодой юмористъ придаетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ большое значеніе. Его герои то мягко произносятъ окончанія глаголовъ напр., „бьють", „говорять" и пр., то картавятъ на букву „р". Нѣтъ спора, что тщательно схваченныя мѣстныя оттѣнки рѣчи придаютъ въ извѣстной степени живость нравоописательному разсказу, но этимъ очень опасно злоупотреблять: цѣлыя страницы, пестрѣющія такими извращеніями языка, какъ „бьють", „говорять", „игозникъ" и пр. даютъ не высокое понятіе о юморѣ автора. Онъ прибѣгаетъ къ слишкомъ грубымъ средствамъ комическаго эффекта, какъ гимназистъ, желающій разсмѣшить общество передразниваніемъ косноязычнаго товарища. Кромѣ того впечатлѣніе художественной правдивости мѣстныхъ ломанныхъ нарѣчій можетъ быть понятно только мѣстнымъ же уроженцамъ или жителямъ, а большая публика журналовъ читаетъ ихъ съ чувствомъ непріятнаго недоумѣнія, не находя въ нихъ ничего живого, естественнаго и жизнеподобнаго. Подкупая немногихъ, подобные пріемы творчества отталкиваютъ всѣхъ. Этимъ отчасти объясняется, что первый разсказъ г. Ябло-

новскаго, имѣвшій большой успѣхъ среди читателей юга, прошолъ совершенно незамѣченнымъ въ общей литературѣ и даже вызвалъ положительныя неодобреніе петербургскихъ литературныхъ кружковъ. Вообще, къ сожалѣнію, г. Яблоновскій не боится грубыхъ пріемовъ. Въ самомъ удачномъ изъ его разсказовъ („Нухимъ") одно изъ дѣйствующихъ лицъ, по словамъ автора, не говоритъ, а хрюкаетъ:

Такъ... лѣниво сказалъ или вѣрнѣе «хрюкнулъ» Александръ Петровичъ, стр. 76.

Описывая того же Александра Петровича на купаніи авторъ говоритъ.

«Съ него можно было бы писать Геркулеса, если бы фигуры его не портилъ большой животъ шиломъ».

Почему-то оба послѣдніе разсказа г. Яблоновскаго начинаются съ пробужденія героевъ. Разсказъ „Случай" начинается такой интродукціей:

«Поручикъ Стариковъ проснулся часовъ въ 7 утра. Проснувшись онъ съ гримасою отвращенія пожевалъ губами и плюнулъ на середину комнаты; потомъ расправилъ свою длинную, черную бороду и закурилъ папиросу съ цѣлью отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія, которое всегда бывало у него въ первыя минуты пробужденія. Минуты три лежалъ онъ неподвижно и лѣниво посасывалъ папиросу».

Даже и въ этомъ описаніи, не смотря на его грубую, постельную реальность, вы чувствуете уже намекъ на художественную оригинальность и тонкую наблюдательность автора.

Яблоновскій чуждъ гамлетизма, какъ веселый юмористъ, который по свойству своей художественной воспріимчивости ищетъ въ жизни не трагическаго, а смѣшного; г-жа же В. А. Цурикова далека отъ гамлетовскихъ сомнѣній, какъ глубоко вѣрующій художникъ, умѣющій находить въ народной жизни цѣльныя законченные типы героевъ-смиренниковъ и подвижниковъ нравственнаго чувства.

Героиня ея талантливаго, поражающаго богатствомъ и красотой чисто народной рѣчи, разсказа „Скорбная" — живое воплощеніе положительныхъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ народа, составляющее такую рѣзкую противоположность нашей сбившейся со всѣхъ путей жизни гамлетизированной интеллигенціи. Мы со всѣми нашими знаніями и развитіемъ похожи не на мудрецовъ, знающихъ „истину жизни", а на жалкихъ „перемудрившей", утратившихъ даже то, что познается почти само собою, и что составляетъ житейскіе завѣты немудрствующаго человѣчества. Свѣточъ знанія не вывелъ насъ на большую дорогу, но,

какъ обманчивый блуждающій огонекъ, завелъ куда-то въ темь и топь, гдѣ мы сидимъ неподвижно, безсильные и погибающіе, безъ бодрости въ душѣ, безъ свѣта истины въ сознаньи, а жизнь немудрствующаго народа течетъ, между тѣмъ, не останавливаясь, своимъ вѣковѣчнымъ русломъ, руководимая и направляемая немеркнущими въ его душѣ идеалами. Носителями и, такъ сказать, свѣточедержцами народной философіи, исполнявшими роль дѣйствительной интеллигенціи народа,—издавна были у насъ странники, отшельники, юродивые, „скорбные" и пр. Героиня г-жа Цуриковой изъ этого же разряда. По ея собственнымъ словамъ „Богъ оскорбилъ ее великою скорбью"—отнялъ у нея нѣжно любимую дочку; но и до этого печальнаго событія она въ теченіи всей своей очень счастливой и довольной по крестьянскому быту жизни „все скорбѣла отъ своихъ мыслей". Чтобы понять ея скорбь и всю ея личность, нужно знать ту исключительную духовно-нравственную обстановку, въ которой она воспиталась въ родной семьѣ.

Ея отецъ землю не работалъ—слабъ былъ, служилъ овчаромъ, а мать господскую птицу водила и была семья ея большая—десять душъ.

Жили они во всемъ бѣдно, а скуки въ домѣ не было. Батюшка нашъ—разсказываетъ дольше героиня—по мужицкому человѣкъ былъ не умный, а по моему бабьему разуму любопытенъ былъ и мыслистъ. Вотъ какъ мыслистъ: придетъ, бывало, вечеромъ, про все-то разскажетъ, что промежъ себя твари говорятъ, видно понималъ ихъ; скажетъ какъ солнышко встаетъ, куда на ночь уходитъ, какъ роса на землю падаетъ; все-то онъ зналъ, до всего охотникъ былъ нашъ батюшка и рѣчистъ страсть. Мы,—ребячье дѣло — словно сказки, его слушали»... «Недѣли не пройдетъ, бывало, чтобы у насъ чужой человѣкъ на ночлегъ не зашолъ, прохожій или странный, завсегда принимали ласково, и одежду его перемоешь, перечинишь, а который изъ бывалыхъ—разговорится, и послушать его хорошо.

Засидѣлась Варвара по бѣдности въ дѣвкахъ и выдала ея замужъ помѣщица барыня за хозяйственнаго парня изъ богатой крестьянской семьи.

«Загрустила я тутъ—говоритъ Варвара,—и была такая думка — брала охота дѣвкой остаться. Лягу я, бывало, съ матерью, скажу ей: не пойду я лучше замужъ. Станетъ она меня уговаривать: «Ты, голубеночекъ; жить хорошо будешь; человѣкъ онъ хорошій, семья у нихъ хорошая. Богъ повелѣлъ и пташкѣ всякой гнѣздо свое вить, а человѣку и того нужнѣй. Заведешь себѣ дѣтокъ; какъ мы васъ съ отцомъ поили, кормили, добру наставили, такъ и ты своихъ дѣтокъ учить и жалѣть будешь; *долгъ это вѣковѣчный: Родителямъ не отдашь, что они изъ-за васъ терпятъ, а дѣтушкамъ своимъ вернешь*».

Бывало мы съ ней такъ лежимъ да все промежъ себя говоримъ, а на дворѣ ночь темная, густая, дождь бьетъ въ оконушко, а не то вѣтеръ завоетъ

да таково грустно—съ тѣхъ поръ и скорбь стала заводиться во мнѣ; она, должно, и допрежь была, да я ни чѣмъ ее не тревожила.

Такова дѣятельная одухотворенная философія и мораль господствовавшихъ въ этой семьѣ чисто народныхъ воззрѣній на міръ, на бракъ, на отношенія къ ближнему — прохожему человѣку, даже на „тварей", языкъ которыхъ былъ понятенъ ихъ благодушному пастуху. Нельзя не отмѣтить тонкую психологическую передачу героиней своего душевнаго состоянія,—когда она говоритъ, что „скорбь въ ея душѣ и допрежь была", да только ни что ее не тревожило.

Въ новой семьѣ—образцово-порядочной, суровой и хозяйственной—Варвара жила первое время „робко", даже мало что помнила изъ первыхъ впечатлѣній новой обстановки. Сначала она грустила за роднымъ домомъ, на второй годъ пошла къ родителямъ, пожила у нихъ мѣсяцъ съ старшимъ сыночкомъ и повеселѣла, наговорилась съ ними. Утѣшили они ее: „ты, говорятъ, не переболѣла на новомъ мѣстѣ, ровно какъ дерево—иное отрубишь вѣтку, воткнешь въ землю, оно сейчасъ укоренилось, зацвѣло, а другое, нѣжное, все будетъ болѣть, чахнуть. Такъ и баба, иная какъ ракиточка, отрубишь отъ семьи, въ новую посадишь, она глядишь и обвыкла; а ты не можешь; это все не отъ насъ, а такъ ужъ назначено". Не правдали, какое образное и поэтическое истолкованіе явленій человѣческой жизни сравненіями изъ жизни природы? Въ этихъ сравненіяхъ слышится та же спокойная и умиротворяющая одухотворенная философія, которою проникнуто все міровоззрѣніе этой семьи, а можетъ быть и всего Русскаго народа. У Варвары было все, что нужно для немудренаго крестьянскаго счастья: богатое хозяйство, здоровые ребятишки, ласковое и нѣжное отношеніе окружающихъ, любовь суроваго мужа, а на душѣ ея все скорбь и нѣтъ веселости. Стала она раскидывать мыслями: чѣмъ она недовольна?—и додумалась такъ-то: „Вижу люди хорошіе, умные, да нѣтъ у нихъ милости къ человѣку, или къ скоту, однимъ хозяйствомъ живутъ, только у нихъ и думушки. А о чемъ другомъ, какъ жить, какъ помирать надо, какъ съ детонышемъ обойтись—у нихъ и помысла нѣтъ. И вотъ „задумала она тутъ своимъ глупымъ разумомъ весь домъ на свой ладъ устроить, чтобы они о себѣ поразмыслили и стали бы къ людямъ и милость и жалость имѣть".

Она вступаетъ въ героическую нравственную борьбу съ окружающей ее семьей. Случай не замедлилъ представиться.

Взяли во дворъ новую невѣстку, Марью, бабу хорошую и правдивую, но болѣзненную и въ работѣ плохую. За неисправность ее и побранятъ и побьютъ иной разъ. Стала Варвара за нее кой-что работать.

Всѣ это видятъ, свекровь сердится, а прямо не говоритъ; только бывало приговариваетъ: „у насъ въ домѣ небесный ангелъ завелся, всесвѣтская печальница, мiровая заступница“.

Разъ велѣла свекровь Марьѣ на рѣчку идти, рубахи мыть, а Марья на грѣхъ расхворалась. Варвара кончила свой урокъ,

«пришла въ избу, стала въ плетушку бѣлье собирать и ворохъ его большой; Илья тутъ же у стола сбрую чинитъ; Иванъ, деверь, лапоть ковыряетъ, а свекровь у печи хлѣбъ сажаетъ. Какъ она повернется вдругъ ко мнѣ, вся трясется, лицо даже перекосилось: «ты куда?»—говоритъ.

— На рѣчку, говорю, матушка.

— А кому я велѣла?

— Марья, говорю, больна, подняться не можетъ.

Какъ начала она тутъ и изъ рота у нея, точно гады, ругань полѣзла: и дохлая-то она, и околѣвать не околѣваетъ, и того еще хуже говорила.

Замолчала она тутъ, духъ перевела, я и спрашиваю:

— Чтожъ, мать, идти мнѣ на рѣчку?

Какъ закричитъ она: «Не пойдешь ты, мiровая заступница! Думаешь, я не вижу, какъ ты насъ учить вздумала. Я вотъ сама пойду, подниму лѣнтяйку». Схватила съ лавки веревку и къ двери, и стала я тутъ въ дверяхъ и заплакала.

— Матушка, видитъ Богъ, она больна, вся горитъ.

Не сдержалась свекровь и въ первый разъ меня почемъ попало веревкой.

Эпизодъ заканчивается вмѣшательствомъ Ильи, который отнимаетъ жену отъ матери и отпускаетъ ее на рѣку. Когда она вернулась съ рѣчки, Марьюшка металась въ бреду,

«а свекровь молчитъ, на меня не глянетъ. Напала на меня тутъ скука: пятый годъ живу и вдругъ я ее въ первый разъ такъ разсердила. Остались мы съ ней однѣ въ избѣ и поклонись я ей въ ноги: «Прости, говорю, мать, не сердись». А она мнѣ: «Охъ ты, моя дѣточка, пичѣмъ ты меня не обидѣла, прости ты меня старую».

Этотъ случай былъ только началомъ нравственной побѣды Варвары.

Въ ея семьѣ милостыню подавать-подавали, но весьма не охотно и жестко.

«Бывало—разсказываетъ Варвара—сядемъ за столъ, ну лѣтомъ въ окна хлѣбный духъ идетъ, притянетъ какую голодную нищенку, подойдетъ подъ оконце, скажетъ: «хлѣбъ-соль, православные». А ужъ свекровь ей прибауточку: «по-отдаль постой!» или еще что хуже скажетъ; всѣ захохочутъ ребята, а мнѣ вотъ какъ скучно станетъ и кусокъ въ ротъ не идетъ. Стали мы съ Марьей про себя говорить и стали подавать съ ласкою. Спросимъ свекровь и дадимъ. Она не мѣшала. Хорошая была женщина, только окаменѣлая.

Однажды въ холодный зимній вечеръ, когда изба отъ вѣтра ходуномъ ходила и на дворѣ свирѣпствовалъ буранъ, къ нимъ кто-то постучался въ дверь. Вышелъ Илья посмотрѣть, а за нимъ обратно идетъ женщина.

Невысокая въ лохмотьяхъ; на горбу и на плечахъ снѣгу намело многое множество; палочка у нея въ рукахъ, облокотилась она на нее, шепчетъ что-то губами, а отъ холода онѣ посинѣли, слова не выходятъ.

Свекровь говоритъ Ильѣ: „Чего пустилъ, мы постоялый дворъ не держимъ". Онъ молчитъ, а мать повернулась къ Сенькѣ и приказываетъ:

«Сведи старуху на барскій дворъ (тамъ изба для прохожихъ была), а намъ ее дѣвать некуда».

Какъ вдругъ старуха заплачетъ: «родимая, говоритъ, не гони меня, не бери грѣхъ на душу, нѣтъ больше силушки». И повалилась ей въ ноги. Хотѣла ей еще что-то свекровь сказать да глянула на меня, а у меня силы терпѣть нѣту. Думаю, возьму ее въ свой чуланъ, пойду противъ ихъ воли въ первый разъ.

Поглядѣла свекровь и говоритъ: «Богъ съ тобой, заночуй», а мнѣ приказываетъ: «ну, міровая печальница, собери ей ужинать».

Старуха-странница разсказала имъ всю свою жизнь.

Какъ была богата—купчиха московская, какіе хоромы были, дѣти умныя, ученыя, и ни въ комъ она не нуждалась, никому не кланялась, долго жила въ почетѣ и въ богатствѣ. Пришла холера, померли ея дѣти, ушло все богатство, и стала она по святымъ мѣстамъ ходить, Богу молиться. Только о дѣтяхъ и плакала, а за бѣдность Бога благодарила, что онъ послалъ ей тяжелую старость, отнялъ богатство, смирилъ ея гордость, повелѣлъ людской милостыней жить. И много она намъ говорила про тѣхъ,—что не милосердые люди».

Глубокимъ чувствомъ состраданія проникнуты эпизоды съ коровой, которая прокормивъ всю жизнь семью хозяевъ своимъ молокомъ, предчувствуетъ, по словамъ Варвары, что вотъ-вотъ ее старую продадутъ эти неблагодарные люди на убоину; и съ собакой Бѣлянкой, которую хозяйственная свекровь, больную и обезсилѣвщую, велитъ ребятишкамъ отвезти въ лѣсъ на морозъ. Послѣ неожиданной смерти дочери Варвары, на нее нашло помраченіе, „Все-то я помню, все свое житье съ малолѣтства, а тѣ дни не могу явственно припомнить: дымъ, словно, черный дымъ кругомъ былъ"—описываетъ она пережитое душевное состояніе своимъ прекраснымъ образнымъ, чисто народнымъ языкомъ, которымъ, кажется, никто еще кромѣ г-жи Цуриковой, не рисковалъ до сихъ поръ описывать такія психологическія тонкости. „Такъ жила я долго, будто дня не видя, словно все ночь; сплю не сплю, работать не работаю; а думушка была—зачѣмъ дѣтушки раньше матерей умираютъ. А какъ не-

погода, вотъ—затошную по ней бывало; не въ окно вѣтеръ бьетъ, не въ окошечко воетъ, а сердце мое рветъ словно на куски; кажется, ушла бы хоть могилку пригрѣла грудью своею, да не пускали меня изъ дома, сторожили за мною". Давно не приходилось намъ встрѣчать такого безыскуственнаго, поэтическаго и сильнаго выраженія скорби. Закончился этотъ душевный процессъ—многолѣтнимъ странствованіемъ по богомоліямъ; вернувшись домой Варвара послѣ смерти свекрови — не стала на себя хозяйство брать, („одна, думаю, гордость это"), а передала главенство въ семьѣ Марьѣ.

Варвара—яркій образецъ праведницы, носительницы народной правды или, вѣрнѣе сказать Божьей правды въ народѣ. Какъ бы ни развращали и ни извращали народную душу новыя условія быта со всѣми приманками нашей трактирной цивилизаціи, въ нѣдрахъ народа никогда не оскудѣваетъ Божья правда и носителями ея священнаго огня, передаваемаго изъ сердца въ сердце, служатъ такія нравственно чуткія личности, какъ Варвара г-жи Цуриковой. Отъ обычнаго и такъ сказать шаблоннаго типа народныхъ сподвижниковъ и правдоискателей она отличается тѣмъ, что она служитъ Божіей правдѣ не отрекаясь отъ жизни, какъ они, но въ самой жизни, не въ отшельничествѣ, а на міру. Суровое, аскетическое начало, свойственное большинству нашихъ праведниковъ, заставляетъ ихъ уходить въ пустыни, скрываться въ кельяхъ, спасаться въ скитахъ. Жизнь во всемъ ея многообразіи, во всей ея сложности, кажется имъ грѣховной, полной соблазнами и неправдой. Вопреки имъ Варвара, какъ поэтъ въ душѣ и одухотворенный философъ, любитъ Бога въ Его твореніяхъ, въ мірѣ, созданномъ Имъ, и ищетъ воплощенія Его завѣтовъ любви и милосердія не въ пустынной кельѣ, а среди людей, созданныхъ по образу и подобію Его. Отсутствіе догматовъ и формулъ, тонкая воспріимчивость къ красотамъ и жизни природы, внутреннее, свойственное высшимъ душамъ пониманіе печалей и страданія всего живущаго, не позволяютъ ей сосредоточить свою любовь въ отвлеченныхъ религіозно-нравственныхъ экстазахъ, но заставляютъ разсѣевать ее на все окружающее, подобно лучамъ солнца, разсѣивающимъ теплоту по всей вселенной. Такая непосредственная любовь сама собою ищетъ воплощенія въ дѣлахъ и окружающей жизни. Она нравственно перевоспитываетъ всю свою семью, пріобщаетъ ихъ къ чувству любви къ ближнему, любитъ прохожаго, любитъ и понимаетъ вздыхающую о предательствѣ людскомъ корову, которую скоро въ награду за долгую службу поведутъ на убой, понимаетъ и любитъ собаку Бѣлянку, которую тѣже хозяйственные люди выбрасываютъ издыхать на морозѣ. Она умираетъ полной побѣдительницей, видя вокругъ себя въ семьѣ общій миръ и любовь.

Въ заключеніе разсказа г-жа Цурикова ведетъ читателя на кладбище, гдѣ схоронена Варвара, и заказываетъ надъ ея могилой панихиду. Когда дьячекъ запѣлъ „Вѣчная память", она не совсѣмъ основательно подумала: „не есть ли это безсознательная потребность сохранить живыми въ памяти своей стремленія умершаго къ добру, любви и правдѣ, которыя такъ сильно сознаются, чувствуются и временами проявляются въ жизни русскаго народа, но такъ шатки и измѣнчивы въ обыденной жизни большинства русскихъ людей". „Вѣчную память" поютъ одинаково и надъ праведниками и надъ грѣшниками и совсѣмъ не въ назиданіе потомству. Величественная гармонія этого пѣнія должна удовлетворять нашу потребность вѣчности, которая такъ сильно чувствуется возлѣ гроба близкаго человѣка, закончившаго свою земную жизнь. Но помимо того, что толкованіе г-жи Цуриковой не вѣрно, вся эта сцена панихиды въ заключеніе разсказа совершенно не нужна. Образъ Варвары написанъ авторомъ очень ярко и краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, поэтому заключительная рекомендація отъ лица автора, что это, молъ, была праведница— невольно производитъ впечатлѣніе какой-то художественной ненужности и риторическаго излишества.

И. Залетный.

Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ [1]).

По 31 Декабря 1894 года.

Къ 1-му Января 1894 г. въ капиталахъ Комитета состояло:

а) Процентныхъ бумагъ, по нарицательной ихъ цѣнѣ:

5% облигацій 3-го Восточнаго займа на . .	318.400 р.	—	к.
4% облигацій Золотаго займа 5-го выпуска на	111.875 »	—	»
4½% свидѣтельствъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка на	62.400 »	—	»
4½% облигацій Внутренняго Консолидированнаго займа 2-го выпуска на	18.000 »	—	»
4½% облигацій Внутренняго займа 1893 г. на	15.800 »	—	»
4% облигацій Общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ на	33.300 »	—	»
5% банковыхъ билетовъ 2-го выпуска на .	200 »	—	»
5% облигацій С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества на	900 »	—	»
4% облигацій 1-го Внутренняго займа на .	300 »	—	»
4% облигацій 4-го Внутренняго займа на .	100 »	—	»
	561.275 »	—	»
и б) наличныхъ денегъ на сумму	7.694 р.	03	к.
Итого . .	568.969 р.	03	к.

Къ нимъ поступило съ 1-го Января по 31-е Декабря 1894 года:

Пожертвованій наличными деньгами, черезъ Хозяйственное Управленіе при Св. Сѵнодѣ . . 150 р. 25 к.

Процентовъ:

а) по процентнымъ бумагамъ, состоящимъ въ капиталахъ Комитета . . . . . . 27.398 р. 54 к.

[1]) Полученъ отъ Предсѣдателя Комитета Петра Алексѣевича Васильчикова.

б) по текущему счету въ Государственномъ Банкѣ за 1893 годъ. . . . . 119 р. 74 к.

27.518 р. 28 к.

Полученъ капиталъ по тиражнымъ 5% облигаціямъ 3-го Восточнаго займа на 5000 р. и 5% обл. Спб. Государственнаго Кредитнаго Общества въ 100 руб., всего . . . . 5.100 р. — к.

5% купоннаго налога, полученнаго обратно за 1894 г. . . . . 756 » 53 »

Пріобрѣтено процентныхъ бумагъ:

а) покупкою:

4½% закл. листовъ Дворянскаго Земельнаго Банка на 5.000 р. — к.

4% свидѣтельствъ Государственной ренты на . . . . 32.700 » — »

37.700 р. — к.

б) отъ конверсіи 5% банковыхъ билетовъ 2-го выпуска и облигацій 3-го Восточнаго займа:

4% свидѣтельствъ Государственной ренты на . . . . 340.600 » — к.

378.300 » — »

Сверхъ того получено остатковъ наличными деньгами отъ конверсій означенныхъ бумагъ . . . . 162 » 03 »

и ¼% преміи по конвертированнымъ бумагамъ . . . . 796 » 50 »

Поступило изъ духовныхъ семинарій оставшихся отъ содержанія воспитанниковъ изъ болгарскихъ уроженцевъ . . . . 623 » 31 »

Итого поступило въ 1894 году . . . . 413.406 » 90 »

А съ остаткомъ отъ 1893 года къ 1-му Января 1894 всего въ приходѣ . . . . 982.375 » 93 »

Съ 1-го Января по 31-е Декабря 1894 года израсходовано:

Переведено во Французское Консульство въ Филиппополѣ на расходы по храненію имущества Комитета, а именно на содержаніе сторожей въ Шипкѣ, проѣзды консула, разъѣзды, посылки, телеграфные, почтовые и гругіе расходы . . . . . . 749 р. 40 к.

Выдано въ пособіе, въ окончательный расчетъ, уволенному надсмотрщику надъ имуществомъ Комитета въ Шипкѣ Шиповалову . . . . 116 » — »

Переведено въ Императорско - Россійскую Миссію въ Цетиньѣ—пенсій потерявшему зрѣніе на службѣ Комитета Черногорцу Николаю Пырлѣ, за время съ 1-го Октября 1893 1 Октября по 1894 г., 12 фунт. стерл. или 75 р. 38 к. м., составившіе по курсу, съ расходами по переводу . . . . 113 р. 55 к.

Согласно Высочайше утвержденному 19 Іюня 1891 г. постановленію Комитета отъ 7-го Марта того же года, отослано Хозяйственнымъ Управленіемъ при Св. Синодѣ въ духовно-учебныя заведенія, на содержаніе воспитанниковъ изъ болгарскихъ уроженцевъ и выдано нѣкоторымъ изъ нихъ въ пособіе и на проѣздъ въ учебное заведеніе и на родину . . . . 1.838 » 55 »

На томъ же основаніи и на тотъ же предметъ перечислено означеннымъ Управленіемъ въ учебный капиталъ Св. Синода. . . . . 4.650 » — »

Внесено въ уплату 5% купоннаго налога . 1.038 » 59 »

Уплачено Государственному Банку за храненіе цѣнностей . . . . 71 » 72 »

Тому же банку за обмѣнъ 5% облигацій С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества въ 100 р. . . . . » 10 »

Употреблено на покупку % бумагъ на 37.700 руб. нарицательныхъ . . . . 33.080 » $60^{1}/_{2}$ »

Примѣчаніе. Въ дѣйствительности за бумаги уплачено 36.260 р. 15 к., т. е. на 3179 р. $54^{1}/_{2}$ к. болѣе, которые взяты изъ спеціальныхъ средствъ Св. Синода и подлежатъ возврату 1895 году.

Издержано на дѣлопроизводство, помѣщеніе канцеляріи, канцелярскія принадлежности, печатаніе отчетовъ и бланковъ, телеграфные и почтовые расходы, освѣщеніе и т. п. расходы . . . . . 1.029 » 25 »

Представлено въ С.-Петербургскій Международный Комерческій Банкъ для конверсій:

5% облигацій 3-го Восточнаго займа на. . . . . 318.400 р. — к.
(въ томъ числѣ тиражныхъ на 5000 руб.)

и 5% банковыхъ билетовъ 1-го выпуска на. . . . 200 » — »

318.600 р. — к.

Отослана въ Государственный Банкъ, для оплаты, погашенная 5% облигація С.-Пе-

тербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества . . . . 100 р. — к.			
	318.700	р. —	к.
Всего въ 1894 г. въ расходѣ . . .	361.387	р. $76^1/_2$	к.

Затѣмъ къ 1-му Января 1895 г. въ остаткѣ:

б) Процентными бумагами по нарицательной ихъ цѣнѣ:

$4^0/_0$ свидѣтельствъ Государственной ренты на	373.300	р. —	к.
$4^0/_0$ облигацій Золотаго займа 5-го выпуска на	111.875	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ свидѣтельствъ Крестьянскаго Поземельго Банка на	62.400	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ заклад. листовъ Дворянскаго Земельнанаго Банка на.	5.000	» —	»
$4^0/_0$ облигацій Юго-Западныхъ желѣзныхъ доргъ на	33.300	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ облигацій внутренняго консолидированнаго займа 2-го выпуска на.	18.000	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ облигацій Внутренняго займа 1893 года на.	15.800	» —	»
$5^0/_0$ облигацій С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества на	800	» —	»
$4^0/_0$ облигацій 1-го Внутренняго займа на .	300	» —	»
$4^0/_0$ облигацій 4-го Внутренняго займа на .	100	» $92^1/_2$	»
	620.875	р. —	к.
и б) наличными деньгами, хранящимися на особомъ счетѣ въ Государственномъ Банкѣ и состоящими въ кассѣ Комитета	113	» $16^1/_2$	»
Итого въ наличности	620.988	р. $16^1/_2$	»
Балансъ	992.375	р. 93	к.

Изъ общей суммы процентныхъ бумагъ и наличныхъ денегъ 620.988 руб. $16^1/_2$ коп. состоитъ:

1) *Въ расходномъ капиталѣ*, предназначенномъ на постройку церкви и текущіе по Комитету: расходы:

$4^0/_0$ свидѣтельствъ Государственной ренты на	216.500	р. —	к.
$4^0/_0$ облигацій золотаго займа 5-го выпуска на	108.625	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ свидѣтельствъ Крестьянскаго Поземельнаго банка на	53.900	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ облигацій внутренняго консолидированпаго займа 2-го выпуска.	18.000	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ закл. листовъ Дворянскаго Земельнаго банка на	2.000	» —	»
$4^1/_2{}^0/_0$ облигацій Внутренняго займа 1893 года на.	15.000	» —	»

4%, облигацій 4-го Внутренняго займа на	100 р. — к.
Наличныхъ денегъ	24 » — »
	414.149 р. 92½ к.

2) *Въ запасномъ капиталѣ* для обезпеченія содержанія будущаго причта и ремонта церкви:

4% свидѣтельствъ Государственной ренты на	151.300 р. — к.
4% облигацій Общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ на	26.800 » — »
4½% свидѣтельствъ Крестьянскаго Поземельнаго банка на	8.000 » — »
4% облигацій золотаго займа 5-го выпуска на	3.250 » — »
4½% закл. листовъ Дворянскаго Земельнаго банка на	3.000 » — »
4½% облигацій Внутренняго займа 1893 года на	700 » — »
	193.050 р. — к.

3) *Въ спеціальномъ капиталѣ* на устройство и содержаніе духовнаго училища при предполагаемой къ постройкѣ церкви:

4% свидѣтельствъ Государственной ренты на	4.900 р. — к.
4% облигацій Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ на	6.500 » — »
4½% свидѣтельствъ Крестьянскаго Поземельнаго банка на	500 » — »
Наличныхъ денегъ	17 » 05 »
	11.917 р. 05 к.

4) *Въ спеціальныхъ суммахъ*, имѣющихъ, по волѣ жертвователей, особыя назначенія:

4% свидѣтельствъ Государственной ренты на	600 р. — к.
5% облигацій С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества на	800 » — »
4% облигацій 1-го Внутренняго займа на	300 » — »
4½% облигацій Внутренняго займа 1893 года на	100 » — »
Наличныхъ денегъ	71 » 19 »
	1.871 р. 19 к.

Съ открытія Комитета по 31 Декабря 1894 г. поступило.

Пожертвованій на	434.647 р. 61½ к.

Въ томъ числѣ:

наличными деньгами	433.99 р. 16½ к.
и процентыми бумагами	650 » — »

Процентовъ съ этихъ денегъ, какъ по процентнымъ бумагамъ, въ которыя онѣ были обращены, такъ и по наличнымъ суммамъ, находившимся въ Государственномъ Банкѣ на текущемъ счетѣ . . . . 349.563 р. 89 к.

Прибыли, полученной отъ продажи и покупки, выхода въ тиражъ и конверсіи нѣкоторыхъ % бумагъ, въ видѣ приплаты по послѣднимъ . . 14.917 » 56 »

Всего поступленій на . . . . 799.127 р. 61½ к.

Изъ этой суммы израсходовано по 31-е Декабря 1894 г.; на заготовку строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей; на работы по постройкамъ и сооруженіямъ; на содержаніе строительнаго персонала; на командировки и разъѣзды; на изготовленіе смѣтъ, плановъ и чертежей; на составленіе архитектурныхъ проектовъ по конкурсу; на канцелярію Комитета и дѣлопроизводство; на охрану имущества Комитета послѣ пріостановки работъ по постройкѣ; на судебныя по имуществу Комитета пошлины; на пенсію потерявшему зрѣніе на службѣ Комитета черногорцу Николаю Цырлѣ; на стипендіи болгарскимъ воспитанникамъ въ русскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ; на уплату 5% государственнаго сбора съ капиталовъ (за полученіемъ обратно ежегодно по 756 р. 53 коп.) и проч., всего . . . . 161.299 р. 18 к.

Остальные затѣмъ . . . . 637.829 р. 43½ к.

помѣщены въ процентныя бумаги и заключаются въ наличныхъ деньгахъ. За послѣдовавшими въ капиталахъ перемѣнами: а) отъ реализаціи въ 1887 г. 5% облигацій 3-го Восточнаго займа на 27.000 р. нарицат., для строительныхъ расходовъ Комитета; б) отъ продажи въ 1884 года таковыхъ же облигацій на 100.000 р. нариц. и покупки, взамѣнъ ихъ, свидѣтельствъ 6% золотой ренты на 56.750 р. метр., съ уплатою 96.783 р. 57 к. кр.; и в) отъ покупки, какъ на поступившія пожертвованія и % доходы съ капиталовъ, такъ равно на полученныя по тиражнымъ бумагамъ капитальныя суммы, свидѣтельствъ 6% золотой ренты, сверхъ вышепомянутыхъ, на 55.125 р. нариц., съ уплатою за эти послѣднія 90.607 р. 83 к. кред., и г) отъ пріобрѣтенія на тѣ же средства % бумагъ, выпущенныхъ въ кредитной валютѣ,—къ 1-му Января 1895 г. состоитъ въ капиталахъ Комитета, какъ подробно изложено выше, процентныхъ бумагъ по нарицательной цѣнѣ 62,0875 р. и наличныхъ денегъ 113 р. 16½ к.

Поступившія пожертвованія распредѣляются по источникамъ поступленія слѣдующимъ образомъ:

Всемилостивѣйше пожаловано въ Бозѣ почившимъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ . . .	1.000 р.	—	к.
Пожертвовано покойнымъ Княземъ Александромъ Баттенбергскимъ	400 »	—	к.
Пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ	30.037 »	98	»
Поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторскими чиновниками	167.490 »	45½	»

NB. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Аѳонскими монастырями 8.112 р.

Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ .	5.918 »	38	»
Пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства	20.964 »	53	»
Пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подписки городскими головами, членами городскихъ управъ и служащихъ въ нихъ.	55.300 »	32	»

NB. Въ томъ числѣ пожертвовано Московскою Городскою Думою въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА 50.000 руб.

Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ.	7.189 »	70½	»
Собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами.	79.598 »	51	»
Отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго Общества Краснаго Креста	4.488 »	83	»
Отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границею	6.559 »	05½	»
Отъ ярмарочныхъ комитетовъ	991 »	91	»
Отъ частныхъ банковъ, обществъ и учрежденій.	2.222 »	40	»
Отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ	16.813 »	62	»
Отъ содержателей фабрикъ и заводовъ . .	8.580 »	02	»

Отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній	5.763 р. 07 к.
Отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей	974 » 22 »
Непосредственно отъ крестьянъ	7.509 » 25 »
Отъ клубовъ и общественныхъ собраній	430 » 50 »
Отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно	4.596 » 46 »
Отъ содержателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній	720 » 47 »
Отъ биржевыхъ маклеровъ и нотаріусовъ	462 » 50 »
	434.647 р. $16^1/_2$ к.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ Комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами:

Въ 1880 г.: отъ А. О. Лутушиной—образъ Св. Апостоловъ Петра и Павла въ серебряной ризѣ.

Отъ Настоятеля и Братіи Благовѣщенской Никандровской Пустыни, Псковской епархіи—икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный вызолоченый крестъ и Св. Евангеліе въ бархатѣ съ серебряными украшеніями.

Въ 1881 г.: отъ Мануфактуръ-Совѣтника Н. И. Оловяшникова—церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампады, 2 кадила, 3 блюда, 2 кроппла, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, мνропомазанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша,—мѣдные посеребренные, и 5 колоковъ въ 25 пудовъ вѣса.

Отъ священника Николаевскаго прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова—два шелковыхъ плата для престола.

Въ 1882 г.: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной—церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Пензѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискоса, потира, звѣздицы, лжицы, копія, ковшика и двухъ блюдъ.

73 аршины новины (холста), доставленной Ярославсковскимъ губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ.

Въ 1883 г.: отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи,—ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чаши, потира, дискоса съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Отъ Благочиннаго Боровскаго собора, священника Василія Казанскаго—26 аршинъ холста.

Въ 1885 г.: отъ бывшаго священника л.-гв. Егерскаго полка Протоіерея Павла Ѳаворскаго—образъ Рождества Христова, въ серебряномъ, позолоченомъ, окладѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, съ изображеніемъ

на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Отъ В. И. Иконникова—кіотъ краснаго дерева, рѣзной съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма, въ серебряномъ окладѣ и и позолоченной рамѣ.

Въ 1893 г.: отъ Чистопольскихъ мѣщанъ гг. Карнѣевыхъ—образъ святыхъ Маріи и Магдалины и Іонна Богослова, въ серебряномъ окладѣ и деревянной рамѣ.

Разновременно отъ неизвѣстныхъ—святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ и двѣ брошюры подъ заглавіями: «Св. Равноопостольные Просвѣтители славянъ Кириллъ и Меѳодій» и «Слово въ день Св. Равноопостольныхъ славянскихъ просвѣтителей Кириллъ и Меѳодія, произнесенное 11-го Мая 1882 года въ Исаакіевскомъ Соборѣ Протоіереемъ Іоанномъ Полисадовымъ.

На % расходнаго капитала Комитета воспитывалось въ учебныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства въ 1893 году 49 болгаръ, изъ нихъ въ академіяхъ: Петербургской 4, Кіевской 3; семинаріяхъ: Кіевской 27, Московской 4, Одесской 4, Кинишевской 2; училищахъ: Кіевскомъ Софійскомъ 2, Кіевскомъ Подольскомъ 1 и Одесскомъ 2. Въ 1894 году—54, изъ нихъ въ академіяхъ: Московской 5, Петербургской 5, Кіевской 1; семинаріяхъ: Московской 2, Петербургской 5, Кіевской 25, Одесской 5, Кинишеневской 1; училищахъ: Кіевскомъ Софійскомъ 2 и Одескомъ 3.

Отъ С.-Петербургской Конторы Государственнаго Банка.

С.-Петербургская Контора Государственнаго Банка доводитъ симъ до всеобщаго свѣдѣнія, что заявленія о добровольномъ обмѣнѣ облигацій 4% займовъ на Государственную 4% ренту принимаемы будутъ не только въ Кассахъ С.-Петербургской Конторы Государственнаго Банка, но и во всѣхъ частныхъ Коммерческихъ Банкахъ въ С.-Петербургѣ на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ Государственномъ Банкѣ, безъ взиманія за это какой-либо комиссіонной платы.

Управляющій Баронъ Г. Дризенъ.

Доз. Цензурою СПБ., 22 ноября 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

БЛАГОВѢСТЪ

Ноябрь

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

ЖИТІЕ И СТРАДАНІЕ СВ. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА МАКАРІЯ.

Свящ. Стеф. **Недѣльскаго.**

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 7-го ноября 1895 года.
Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ.**

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Подпись преподобномученика архимандрита Макарія Токаревскаго.

Подпись архимандрита Іова Заіончковскго.

Святый Преподобномученикъ Макарій, Архимандритъ Овручскій, Переяславскій Чудотворецъ.

(1605 годъ — 1678 годъ).

ВВЕДЕНІЕ.

Русскій православный христіанинъ искони любитъ посѣщать святыни христіанской церкви: св. землю, обители иноковъ, чудотворныя иконы, святыя мощи — и это особенно удовлетворяетъ религіозное стремленіе русскаго православнаго народа. Это свойство и религіозное стремленіе вполнѣ естественно и понятно уму и сердцу вѣрующаго христіанина. Ежегодно съ весны до поздней осени сотни богомольцевъ приходятъ на поклоненіе мощамъ св. препод. Макарія, нетлѣнно почивающимъ въ св. Вознесенскомъ Переяславскомъ монастырѣ, въ 100 верстахъ отъ св. града Кіева. Не простой только селянинъ, но и богатые и ученые приходятъ лобызать руку св. преподобномученика и помолиться у гробницы его. «Гробница его говоря словами св. Златоуста есть истинное украшеніе», Переяславской земли и града. Немощные тѣломъ получаютъ исцѣленія, немощные душею получаютъ уврачеванія душевныхъ болѣзней, очищаются отъ грѣховъ и оставляютъ пороки. Посему всякій — находится ли въ болѣзни, въ унынiи и скорби, или въ другомъ какомъ-либо житейскомъ обстоянiи, или страждетъ въ грѣховномъ помраченiи или злостраждетъ отъ пороковъ, пусть поспѣшитъ къ святынѣ за помощью. Если онъ съ вѣрою совершитъ свое путехожденіе къ сему святому мѣсту, гдѣ почиваютъ мощи св. преподм.

Макарія, онъ возвратится отсюда въ свой домъ и родную семью съ великою радостью и облегченіемъ. Для усугубленія радости духовной, поклонившись св. мощамъ, необходимо еще православному паломнику познакомиться съ жизнію и дѣятельностью подвижника, «во страданіи своемъ вѣнецъ нетлѣнія стяжавшаго». Изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ житій св. преподобномученика Макарія предлагаемое житіе есть обстоятельное и исторически вѣрное. Время — съ 1596 года по 1678 годъ и далѣе для всѣхъ монастырей, находившихся въ т. наз. Рѣчи-Посполитой и въ Малороссіи, было бурное; римская унія ураганомъ пронеслась надъ всѣмъ православнымъ въ семъ краѣ, и отъ дѣлъ православія и его учрежденій остались однѣ развалины и обломки, а многое, очень многое изъ историческаго матеріала уничтожено не временемъ, а хищнической рукой латинополяковъ, іезуитовъ и уніатовъ. Не легкій трудъ теперь изобразить жизнь тѣхъ или другихъ лицъ и дѣятелей православной церкви въ предѣлахъ исторической правды. Мы старались это осуществить въ предлагаемомъ житіи св. преподм. Макарія сообразно наличію матеріала историческаго въ надеждѣ принести своимъ трудомъ духовную пользу православному христіанину, съ вѣрою и любовію притекающему къ многоцѣлебной ракѣ св. прмуч. Макарія.

Св. преподобномученикъ Макарій прославился своею жизнію, трудами и мученическою кончиною не во времена оны—когда христіанство терпѣло отъ язычниковъ и иновѣрныхъ варваровъ, а во второй половинѣ XVII вѣка по Р. Хр., и не въ странѣ и государствѣ языческомъ, а въ Волынской и Кіевской земляхъ, находившихся въ подданствѣ Польскаго просвѣщеннаго королевства. Однако, жизнь православныхъ христіанъ и ихъ пастырей въ бывшей Малороссіи и въ это близкое къ намъ время (1605—1678 г.г.)—подъ владычествомъ польскихъ королей—римско-католиковъ и ихъ сотрудниковъ—іезуитовъ и латино-поляковъ—уніатовъ съ одной стороны, и съ другой—отъ свирѣпыхъ татаръ и турокъ, пользовавшихся безпорядками и смутами въ Рѣчи-Посполитой, была исполнена «скорби великой», и многіе православные христіане «убѣлили ризы своя» мученическою кровью за вѣру во Христа. Въ это злосчастное время гоненія на православную Церковь и русскую народ-

ность въ Малороссіи со стороны іезуитовъ, латино-поляковъ и набѣговъ татарскихъ, подвизался въ борьбѣ съ ними, какъ съ врагами вѣры и отечества, и словомъ и дѣломъ архимандритъ Овручьскій Макарій Токаревскій. Мужественный воинъ Христовъ, защитникъ православія и русскаго простого народа, архим. Макарій стяжалъ великую славу у Бога и удостоился принять мученическій вѣнецъ отъ враговъ Христа — турокъ и татаръ 4 сентября 1678 года въ г. Каневѣ, Кіевской земли; прославленъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, Подателемъ жизни и смерти, и нынѣ почиваетъ нетлѣнно и украшаетъ градъ Переяславъ и всю его окрестность. «Внидите узкими враты — узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его» (Мѳ. VII, 13—14).

---

1) Первые годы юности св. Макарія, его любовь къ храму и обученіе при монастырѣ Овручьскомъ Успенскомъ Заручайск. (1605—1625 годы).

Св. преподобномученикъ Макарій [1]) родился въ 1605 г. [2]) въ г. Овручѣ, Волынской земли [3]) отъ благочестивыхъ и знатныхъ дворянскаго рода родителей Токаревскихъ [4]). Трудно было тогда сочетать знатность съ благочестіемъ. Короли польскіе и латино-поляки лишали дворянъ русскихъ—богатыхъ и знатныхъ и чести и имущества, если они, по приверженности къ вѣрѣ и народности отцовъ своихъ, оставались православными и русскими, и наоборотъ—давали великія почести и надѣляли имуществомъ, отнятымъ у православно-русскихъ, тѣхъ, которые принимали унію, римско-католицизмъ,—которые отрекались отъ вѣры и народности отцовъ своихъ. Токаревскіе—родители св. Макарія сохранили вѣру, какъ ни великъ былъ соблазнъ пользоваться въ семъ мірѣ чинами и богатствомъ; презрѣли мірскую славу, потеряли имущество, жили въ бѣдности и родившагося сына Макарія [5]) воспитывали въ благочестіи и вѣрѣ отцовъ своихъ. Дни рожденія Макарія и дѣтство его были для родителей и для него впослѣдствіи тягостны и печальны. Въ это время носился надъ головами православнаго русскаго народа, имѣвшаго несчастье жить въ Волынской и Кіевской земляхъ, Литвѣ и Малороссіи, страшный вихрь-урагaнъ такъ называемой уніи, созданной и придуманной латино-поляками и Римомъ для уничтоженія православія и приведенія православныхъ въ католицизмъ и для ополяченія русскихъ. Замыселъ іезуитовъ былъ лукавый и сколько зла онъ надѣлалъ православной Церкви и русскому народу! Уже съ 1569 года, когда состоялась политическая унія, сторонники Рима и Польши употребляли мѣры къ подчиненію русской православной Церкви въ помянутыхъ земляхъ Риму, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны духовенства, народа, дворянъ и казаковъ. Но когда вступилъ на польскій королевскій престолъ Сигизмундъ III, руководимый іезуитами, онъ задумалъ подчинить православную Церковь папѣ и успѣлъ склонить въ пользу свою Кіевскаго митрополита Михаила Рогозу и боль-

шинство православныхъ епископовъ, находившихся въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Измѣнники-епископы, соблазняемые почестями и преимуществами въ сеймѣ, совершили 1596 года въ Брестѣ пагубное для своей матери—православной Церкви дѣло. Такимъ образомъ дѣтство пр. Макарія проходило среди тяжелыхъ обстоятельствъ гражданскихъ и религіозныхъ. И въ родной семьѣ и въ семьяхъ сосѣдей велась бесѣда о православной вѣрѣ, русской народности, объ особенностяхъ православія; находились, какъ и всегда бываетъ, и въ средѣ православныхъ и русскихъ враги, осуждавшіе вѣру православную и восхвалявшіе блескъ и славу римской церкви, богатство пановъ, ихъ зажиточность, пиршества, гульбу и т. п. Все это могло повліять на душевный складъ отрока Макарія, но вышло иначе—подъ вліяніемъ благочестивыхъ родителей онъ возросъ во славу Церкви православной въ краѣ.

Всѣ сомнѣнія и недоумѣнія, споры и доказательства въ его душѣ сложились такъ, что онъ бѣжалъ дѣтской шаловливости и веселыхъ дѣтскихъ игръ, а чаще всего съ матерью ходилъ въ архимандричій Овручскій монастырь на богослуженія.

Въ то время въ Овручѣ было два православныхъ монастыря: Успенскій Заручайскій и Спасскій Васильевскій [6]). Тогда еще, около 1614 года, когда прм. Макарію было 8—9 лѣтъ, православіе было сравнительно съ послѣдующими временами (1660—1760 г.) спокойно и богослуженіе православное совершалось благочинно въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ города Овруча и другихъ городовъ и селъ земли Волынской и всей Малороссіи. Хотя Брестская унія и состоялась, но православное населеніе было слишкомъ еще сильно для того, чтобы можно было его сразу подавить, оно имѣло много еще защитниковъ, не дозволявшихъ вносить въ законы враждебныя православной Церкви постановленія. Многочисленные и могущественные православные дворянскіе роды своимъ вліяніемъ въ сенатѣ и своимъ голосомъ на сеймѣ, заставляли королей признавать свободу вѣроисповѣданія; не подавленное еще и развивавшееся въ то время казачество поддерживало православную Церковь силою оружія; при всемъ томъ—со времени 1596 года православіе страдаетъ и терпитъ повсемѣстно, но не одновременно.

Частныя насилія, безнаказанно наглыя обиды православнымъ, наѣзды шляхты на православные монастыри и церкви, разбои и убійства православныхъ монаховъ и священниковъ, отнятіе зе-

мельнаго имущества и движимаго, наводили ужасъ на православный народъ; всѣ были въ страхѣ за себя; дворяне оставляютъ вѣру отцовъ и одинъ за другимъ устремляются въ католицизмъ и тамъ уже надѣляются чинами, должностями, сенаторскими мѣстами, доходными староствами, отнятыми у единовѣрныхъ братьевъ... да, православные тѣмъ не менѣе съ 1596 года по 1650 годъ тяжко страдали въ борьбѣ съ уніей и католицизмомъ, хотя въ польскихъ законахъ за это время и не видно постановленій въ ущербъ православію. Это время—было временемъ правительственныхъ козней; короли спокойно глядѣли на страданія православныхъ и на вопль ихъ никто не обращалъ вниманія.

Еще около 1614—1620 годовъ оба православные монастыри въ Овручѣ сохраняли свое значеніе и юноши обучались въ нихъ грамотѣ. Около этого времени отрокъ Макарій обучается при Успенскомъ Заручайскомъ монастырѣ; конечно, обученіе сосредоточивается на изученіи устава богослуженія и чтеніи св. книгъ и твореній отцовъ Церкви. Имѣются данныя, что отрокъ Макарій въ юныхъ лѣтахъ лишился своихъ настрадавшихся родителей и его душѣ, жаждавшей борьбы за православіе, стоянія въ вѣрѣ, духовныхъ уединенныхъ подвиговъ и молитвы, пріятно было монастырское житіе. Около 1620 года отрокъ Макарій Токаревскій состоитъ инокомъ Успенскаго Овручскаго монастыря. Какъ молодой инокъ, онъ несетъ всѣ виды иноческаго послушанія и началъ свое служеніе съ меньшаго чернорабочаго монастырскаго чина или послушанія. Уже тогда въ монастырѣ было не спокойно. Уніаты-базиліане, іезуиты и доминиканы старались овладѣть имуществомъ земельнымъ монастыря и преслѣдовали монаховъ. Инокъ Макарій около 1625 года,

2) Переходъ св. Макарія въ Пинскъ и Купятичскъ; санъ іеродіакона и іеромонаха (1625—1636 годы).

оставляетъ, съ благословенія архимандрита, монастырь и Овручь и удаляется въ Пинскъ къ Аврамію, епископу Пинскому (до 1620 года былъ греческимъ еп. Стагонскимъ) и съ благословенія епископа Аврамія въ Купятичскій, Пинской епископіи, монастырь. Въ Пинскѣ и Купятичахъ тогда было болѣе спокойно, такъ какъ іезуиты и латино-поляки обратили свои хищные взоры прежде всего на древле православные города и въ нихъ—монастыри. богатые земельными угодіями, и православные приходскіе храмы. Извѣстно, что послѣ смерти уніатскаго митрополита И. Поцѣя на каѳедру вступилъ Веляминъ-Іосифъ Рутскій—іезуитъ по образованію и латино-полякъ по происхож-

денію и душѣ, давшій клятвенное обѣщаніе Риму въ 1616 году возвеличить римскую церковъ и привести русскую унію къ полному слиянію съ римскою церковью, для чего съ 1617 года онъ началъ преобразовывать монастыри будто бы по чину св. Василія Великаго, а на дѣлѣ—по чину іезуита Игнатія Лойолы и насиліями и военными нападеніями отнимать у православныхъ монастыри и приводить къ уніи. Тяжелое это было время для пр. инока Макарія, который получилъ уже въ Купятическомъ монастырѣ санъ іеродіакона около 1630 года, какъ достойнѣйшій сего изъ всѣхъ иноковъ, бывшихъ въ монастырѣ. Исполненіе іеродіакономъ пр. Макаріемъ монастырскаго строгаго устава, благочестивая жизнь его—примѣръ для братіи, смиреніе, нестяжательность, постоянная молитва, трудъ и чтеніе слова Божія, обратили вниманіе епископа Аврамія Пинскаго и архимандрита монастыря и іеродіаконъ Макарій около 1632 года былъ почтенъ великимъ саномъ іеромонаха, въ каковомъ санѣ онъ началъ, при помощи и содѣйствіи благодати священства, проявлять еще болѣе свои нравственныя достоинства и труды къ славѣ Божіей.

Своимъ истинно-монашескимъ житіемъ іеромонахъ преп. Макарій пріобрѣлъ славу далеко за предѣлами монастыря и вотъ мы видимъ, что въ 1637 году монахи Симоновскаго Брестскаго монастыря обращаются съ смиренною просьбою къ настоятелю Купятичскаго монастыря игумену Иларіону Денисевичу отпустить къ нимъ въ настоятели-игумены монастыря іеромонаха Макарія Токаревскаго [7]), но іеромонахъ пр. Макарій нуженъ былъ и Купятичскому игумену Иларіону Денисевичу, какъ человѣкъ святой жизни и, кромѣ того, занятый въ эти годы святымъ дѣломъ собиранія пожертвованій на обновленіе святыхъ храмовъ Кіевскихъ. Въ 1636 году Кіевскій митрополитъ Петръ Могила прислалъ въ Купятичи и сосѣднія села и города подписной универсальный листъ для сбора пожертвованій на обновленіе и перестройку Кіевскаго Софійскаго храма [8]), Сборъ пожертвованій производился въ теченіи цѣлаго года. Собраны были деньги и игуменъ съ братіей поручили деньги отнести въ Кіевъ іеромонаху преп. Макарію. Безъ сомнѣнія святой мужъ весьма былъ доволенъ тѣмъ, что получаетъ возможность побывать въ Кіево-Печерской обители и помолиться у святыхъ мощей Кіевскихъ подвижниковъ. Съ радостью прибылъ іеромонахъ преп. Макарій въ Кіевъ къ митрополиту Петру Могилѣ съ пожертвованіемъ на

3) Сборъ пожертвованій на Кіево-Софійскій соборъ и отправленіе братіей іером. Макарія въ Кіевъ къ м. Петру Могилѣ.

святое дѣло; съ радостью принятъ былъ іеромонахъ Макарій митрополитомъ и братіей кіевскихъ монастырей.

Не безъ пользы для монастыря совершено было пр. Макаріемъ путешествіе въ Кіевъ.

Онъ разсказалъ митрополиту Петру Могилѣ о бѣдственномъ состояніи Купятичскаго монастыря и о полуразрушенномъ состояніи церкви этого монастыря и просилъ владыку выдать универсальный листъ для сбора пожертвованій на постройку [9]) и обновленіе разрушавшейся церкви.

Митрополитъ увидѣлъ въ іеромонахѣ преп. Макаріѣ преданнаго Церкви Божіей священнослужителя, мужа высокой духовной жизни, монаха приверженнаго своему игумену, монастырю и братіи, и исполнилъ его просьбу: выдалъ ему универсальный листъ для сбора пожертвованій на перестройку и обновленіе старой церкви Купятичскаго монастыря, а въ 1638 году назначилъ его настоятелемъ и руководителемъ братіи въ учрежденный имъ монастырь при Каменецкой Воскресенской Церкви (нынѣ Гродненской губерніи) [10]). Когда іеромонахъ преп. Макарій прибылъ въ 1637 году въ Кіевъ, тогда Кіево-Печерская обитель и храмы православные пользовались спокойствіемъ: въ лаврѣ собирались православные ученые мужи и вели борьбу съ латино-поляками дѣломъ и словомъ — издавали книги въ защиту Православной Церкви отъ нападокъ ея враговъ и оказывали всѣмъ гонимымъ православнымъ помощь — преимущественно тогда много православныхъ богослововъ бѣжало изъ Литвы [11]). Къ Кіеву латино-поляки съ ихъ замыслами подходили тихими шагами и хотя уніатскіе митрополиты именовались кіевскими, но на самомъ дѣлѣ жили во Владимірѣ Волынскомъ. При всѣхъ навѣтахъ враговъ, Господь хранилъ защитниковъ Православной Церкви. Такъ, когда большинство православныхъ епископовъ приняли унію, когда православныя епископскія каѳедры опустѣли — умерли послѣдніе православные епископы Гедеонъ и Михаилъ и остался одинъ Львовскій, къ которому надобно было обращаться за рукоположеніемъ, и м. уніатскій Рутскій считалъ себя на верху величія и прокладывалъ себѣ путь къ Кіеву, въ то время (1620 г.) прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, котораго казацкій гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный упросилъ посвятить на Кіевскую митрополію и на епископскія каѳедры, занимаемыя уніатами, лицъ, преданныхъ православію. Патріархъ исполнилъ просьбу право-

славныхъ и поставилъ митрополитомъ Кіевскимъ Іова Борецкаго и кромѣ его—6 епископовъ. Латино-поляковъ и короля Сигизмунда III, возстановленіе православной іерархіи сильно встревожило, но онъ сильно нуждался въ военной помощи Конашевича-Сагайдачнаго и долженъ былъ считаться съ существованіемъ православной іерархіи, хотя и признавалъ законною католическую и уніатскую. Послѣ этого, Православная Церковь въ краѣ имѣла епископовъ, охранявшихъ зорко и бдительно права православія, а Кіевъ такихъ митрополитовъ, какъ м. Петръ Могила, блиставшій среди современнаго общества умомъ, образованіемъ и политическимъ тактомъ.

Іеромонахъ Макарій настоятель Каменецкаго монастыря (Гродн. губ.). (1637—1642 годы).

Съ 1639 по 1642 годъ іеромонахъ преп. Макарій состоялъ настоятелемъ и руководителемъ Каменецкаго Воскресенскаго монастыря (Гродненской губерніи). Въ 1642 году этотъ монастырь былъ ограбленъ уніатами и захваченъ базиліанами подъ базиліанскій монастырь и возвращенъ былъ православнымъ лишь въ 1650 году [12]); къ этому злосчастному времени братія Кутятичскаго монастыря избираютъ іеромонаха преп. Макарія игуменомъ своего монастыря, въ которомъ онъ былъ игуменомъ до 1656 года. Всѣмъ онъ былъ въ монастырѣ извѣстенъ, какъ игуменъ, способный мудро править братіей, и посему монастырь принялъ своего новаго игумена и встрѣтилъ его управленіе съ радостію и покорностью. Игуменъ преподм. Макарій всего себя посвятилъ новому служенію: заботился о благоустроеніи монастыря и сопротивлялся уніатамъ-базиліанамъ, захватывавшимъ пахатныя земли монастырскія. Долго велъ неравную борьбу игуменъ пр. Макарій съ базиліанами, сознавалъ, что обстоятельства сильнѣе его и монастырь рано или поздно впадетъ въ руки враговъ православія—латино-поляковъ и уніатовъ, и дѣйствительно предвидѣніе пр. Макарія сбылось около 1656 года; вслѣдствіе того только, что монастыремъ управлялъ пр. Макарій, сбылось позже, чѣмъ могло быть при управленіи монастыремъ другихъ лицъ. Такъ какъ иг. Макарій предвидѣлъ судьбу монастыря, въ которомъ была икона чудотворная Божіей Матери, именуемая „Купятицкой“, то, не желая, чтобы святыня досталась уніатамъ, онъ, во время пріѣзда въ монастырь Епископа Лазаря Барановича, просилъ его взять съ собою Чудотворную икону въ Кіевъ. Еп. Лазарь Барановичъ взялъ икону и поставилъ въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ, гдѣ она находится и по сіе время съ конца 1655 года, такъ какъ

Игуменъ Купятичскаго мон. (Пинск. Еп.) (1643—1656 годы).

Совѣтъ игумена Макарія перенести чудотворн. икону въ Кіевъ.

въ мѣс. февралѣ 1656 года, когда прибылъ въ Москву одинъ пѣвчій Кіевскій, то говорилъ слѣдующее: „братцкаго монастыря строитель Барановичъ былъ въ маятности братцкаго монастыря и пріѣхалъ въ Кіевъ, а съ собою привезъ чудотворную икону (образъ) пречистой Богородицы Купятицкіе, что на крестѣ вырѣзанъ" [13]). Дѣйствительно, икона представляетъ собою—небольшой мѣдный и складной крестъ (въ 2 съ небольшимъ вершка въ длину и ширину), на которомъ съ одной стороны изображеніе Распятія, а съ другой — Богоматери, держащей Младенца Христа. Обрѣтена она была одной дѣвицей, которая увидѣла икону на деревѣ въ пламени, и сколько разъ ее ни вносили въ домъ, она скрывалась и опять обрѣталась на деревѣ. Въ 1629 году икона изъ приходской церкви была перенесена въ Монастырь и за время съ 1629 по 1636 годъ записано 14 чудесъ [14]). Игуменъ Макарій, во время посѣщенія монастыря Еп. Л. Барановичемъ, познакомился съ нимъ и епископъ полюбилъ пр. Макарія, какъ отецъ сына [15]), и любовь эта сохранилась между ними навсегда, какъ увидимъ послѣ. Послѣ отъѣзда Лазаря Барановича уніаты оттянули отъ монастыря пахатныя земли, а владѣльцы мѣстечка Копцы выжили изъ монастыря и самого игумена въ 1656 году. Игуменъ Макарій, оставивъ монастырь Купятицкій, перешелъ въ Пинскій монастырь игуменомъ, гдѣ и состоялъ три года съ 1656 по 1659 годъ. Въ послѣднемъ году совершилось торжественное открытіе св. мощей преподобнаго Іова, игумена Почаевскаго; на этомъ торжествѣ присутствовалъ архимандритъ Овручскій Ѳеофанъ Креховецкій [16]). Послѣ этого торжества въ 1660 году архим. Ѳеофанъ Креховецкій переходитъ въ Слуцкій монастырь на архимандрію [17]), а братія Овручскаго Успенскаго Заручайскаго монастыря избрали своимъ Архимандритомъ игумена Пинскаго [18]) преп. Макарія, какъ извѣстнаго имъ своею подвижническою жизнію, учительностью, а также любовью къ братіи и благоукрашенію храмовъ Божіихъ. Въ это тяжелое время борьбы православія съ уніатами братіи Овручскаго монастыря, ради своего спокойствія и благосостоянія монастыря, нуженъ былъ архимандритъ такого ума и образа жизни, какъ игуменъ Макарій. О таковомъ желаніи братіи и выборѣ было донесено мѣстоблюстителю Кіевской митрополіи Архіепископу Черниговскому Лазарю Барановичу, который съ 1659 года, вмѣсто Діонисія Балабана, управлялъ Кіевской митрополіей. Архіеп. Лазарь Барановичъ зналъ

Игуменъ Пинскаго монастыря (1656—1659 годы).

игумена Макарія еще съ 1655 года, когда по совѣту его взялъ съ собою чудотворную икону Божіей Матери Купятицкой и съ радостью утвердилъ избраніе братіи и возвелъ игумена Макарія въ архимандрита; впослѣдствіи, около 1671 года онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ этотъ выборъ его въ архимандрита и самое посвященіе, называя архимандрита Макарія „своимъ постриженцемъ" и „сыномъ любящимъ его, какъ отца" [19]).

Архимандритъ Овручскаго Успенскаго монастыря (1660—1671 годы).

Итакъ, въ 1660 году прибылъ архимандритъ преп. Макарій въ Овручь въ Успенскій Заручайскій монастырь, въ которомъ онъ былъ инокомъ и на послушаніи до 1625 года. Нельзя сказать, что монастырь пользовался спокойствіемъ—уніаты и базиліане и латино-поляки, а также іезуиты преслѣдовали монаховъ и лишали монастырь имущества и удобствъ, но жить пока и терпѣть возможно было. Принявъ на себя высокій санъ и отвѣтственное иго управленія Овручскимъ монастыремъ, прмуч. Макарій день и ночь бодрствовавъ въ виду опасности отъ враговъ православія, страдалъ, но не отчаявался. Іезуиты устроили въ Овручѣ свой монастырь и школу, доминиканы укрѣпились, базиліане тоже, — приходскія церкви были уже въ рукахъ уніатовъ. Монастырь терялъ съ каждымъ годомъ монаховъ, переходившихъ въ унію, но архим. прмуч. Макарій твердо стоялъ на своемъ отвѣтственномъ посту и старался то любовью, то уступками матеріальными, то молитвою къ Богу о защитѣ и помощи свыше, то жалобами къ королю Польскому сохранить ввѣренный ему монастырь и его имущество. Четырнадцать лѣтъ продолжалась эта непрерывная борьба съ латино-поляками. Монастырь нуждался въ самомъ необходимомъ. Но не только архимандриты и монахи, но и епископы православные жили въ страшной нищетѣ и нуждались въ насущномъ. Сила воли, мужественность борьбы за православіе, вѣра въ милосердіе Божіе, неусыпная молитва и надежда на облегченіе участи православныхъ удерживали арх. Макарія на бѣдной и опустѣлой архимандріи. Доминиканы, основавшіе свой кляшторъ въ 1628 году, при помощи польскихъ жолнеровъ, присвоили себѣ сперва пахатныя земли, принадлежавшія Успенскому монастырю, а потомъ отняли мѣсто, на каторомъ была построена православная церковь и наконецъ свою дерзость и грабительство въ отношеніи къ православнымъ закончили насиліемъ и разбойническимъ грабежемъ движимаго имущества и побоями монаховъ? Но подвижникъ, готовый бороться за вѣру до послѣдняго вздоха,

не оставилъ бы опустѣлаго монастыря, если бы весь Овручь не былъ опустошенъ въ 1671 году около Пасхи („святокъ великодныхъ") татарами [20]; послѣ этого разгрома всего Овруча и монастыря, изъ котораго всѣ до одного монахи разбѣжались, и архим. преп. Макарій оставляетъ Овручь, но предварительно пишетъ письмо архіепископу Черниговскому въ Новгородъ-Сѣверскъ Лазарю Барановичу о своемъ положеніи и участи Овруча и монастыря, а самъ отправляется въ Кіевъ съ цѣлью остаться для духовныхъ подвиговъ въ Кіево-Печерской обители. Послѣ всѣхъ страданій душевныхъ въ борьбѣ съ латинянами, борецъ за вѣру арх. Макарій, прибывъ въ обитель Кіевскую, поселился въ ней и думалъ не оставлять ее до смерти. Но отдыхъ его былъ сравнительно кратковременный. Дѣятели, подобные архим. Макарію, не могли бездѣйствовать въ тяжелое время для православія; для борьбы съ врагами нужны были умы и силы не только въ Кіевѣ, но и внѣ Кіева. Спустя непродолжительное время архіеп. преп. Макарій былъ осчастливленъ полученіемъ письма отъ арх. Лазаря Барановича, въ которомъ послѣдній отъ 16 Мая 1671 года писалъ: „Весьма соболѣзную о томъ приключеніи, котораго вы и отклонить не могли. Въ озлобленіи этомъ ищите утѣшенія въ одномъ Богѣ, который кого любитъ, того и наказываетъ. Вы находитесь какъ роза между шипами: она ростетъ между ними, а они ей ничуть вредить не могутъ; будете долго еще процвѣтать въ Церкви Божіей, какъ въ вертоградѣ, доколѣ не достигнете небеснаго... И Христосъ не легко пріобрѣлъ тотъ вѣнецъ, которымъ теперь Онъ украшенъ: сперва на землѣ перенесъ терновыя на главѣ своей колючки и затѣмъ получилъ на небѣ вѣнецъ неувядаемый. Умѣетъ Господь избавлять благочестивыхъ отъ напасти (2 Петр. II, 9). Много золъ праведнику, но Господь отъ всѣхъ избавитъ его (Пс. 31, 20). Крѣпко хотѣлось мнѣ жить по пріятельски съ вами у Всемилостиваго Спаса (вѣроятно въ Новгородъ-Сѣверскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ) или гдѣ бы вамъ понравилось: но теперь этихъ лыкъ не дерутъ; прежде гораздо удобнѣе было отыскать мѣсто, нежели теперь. Въ настоящее время и сами ѣдимъ хлѣбъ въ изнуреніи (Пс. 136, 2): но готовы съ вами подѣлиться тѣмъ-же, потому что другаго нигдѣ нѣтъ, развѣ только тамъ, гдѣ ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. Желаю вамъ послѣ многихъ лѣтъ многихъ обителей на небѣ и съ молитвами моими препосылаю благословеніе" [22]). Вмѣстѣ съ тѣмъ,

Разореніе Овруча и монастыря въ 1671 году татарами.

послалъ архіепископъ Лазарь Барановичъ письмо малороссійскому гетману Дорошенку, въ которомъ изложилъ свое ходатайство объ арх. Макаріѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Его милость о. архимандритъ Овручскій будучи не въ состояніи покойно жить въ своей архимандріи, ограбленный ордами и ляхами, лишенный служителей, которые умерщвлены, между тѣмъ какъ имѣнія забраны, отправился на поклоненіе святымъ мѣстамъ Кіевскимъ; будучи постриженцемъ моимъ, онъ посѣтилъ меня, какъ сынъ отца, и разсказалъ мнѣ о своихъ бѣдствіяхъ. Благоволите, вельможность Ваша, милостиво принять его, какъ человѣка достойнаго и заслуженнаго въ церкви Божіей; выслушайте его съ довѣріемъ, какъ вполнѣ стоющаго вѣры“ [23]). Въ то время, когда архіеп. Лазарь Барановичъ думалъ о благоустроеніи къ опредѣленному мѣсту архим. Макарія, въ Каневскомъ монастырѣ волею Божіею освободилось мѣсто игумена за смертью Іова Заіончковскаго, архимандрита Кобринскаго, игумена Каневскаго, строителя храма Сошествія Св. Духа Виленскаго, занявшаго это игуменство еще 1658 года [24]); митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, знавшій по личному опыту дерзость и беззаконность латино-поляковъ, принявъ во вниманіе и ходатайство Гетмана Дорошенка, самъ проживая въ Чигиринѣ, узнавши о вакантности игуменства Каневскаго, назначилъ игуменомъ архим. Овручскаго преп. Макарія. Преподобный Макарій предполагалъ послѣ 30-лѣтней съ лишнимъ борьбы съ врагами православія отдохнуть въ Кіевѣ или другомъ безопасномъ монастырѣ, но Господь велъ къ Царствію Божію своего избранника тернистымъ путемъ и узкими вратами. Придя въ монастырь Каневскій, преп. Макарій нашелъ въ немъ любимую имъ книгу Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на 14 посланій св. Ап. Павла (Кіевъ, изданіе 1621—1623 год.), и читая „похвалу скорбей“ успокоивалъ свою душу и вмѣстѣ пріобрѣталъ силу для новыхъ духовныхъ подвиговъ. Особенно пріятныя его уму и сердцу мѣста преподобн. отмѣчалъ чернильными помѣтками; такъ отмѣчено слѣдующее мѣсто (вкг посл. къ Филип. Нравоуч. іє): „скорбь бо есть юза нѣкая не разстерзаемая, любве растѣніе, умиленію и благовѣнію вина. Слыши бо Давида глаголющаго: Благо ми Господи, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ (118). И паки инаго пророка глаголющаго: Благо есть человѣку, егда возметъ иго отъ юности своея (Іер. плачъ 3). И паки: блаженъ человѣкъ, егоже аще накажеши,

Назначеніе арх. Макарія въ Каневскій монастырь игуменомъ.

Господи. И инаго нѣкоего глаголющаго: не пренебрегай наказанія Господня. И индѣ, аще приступаши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе. И Христосъ же къ своимъ ученикомъ глаголаше: въ мірѣ скорби имѣти будете, но дерзайте: и паки: восплачетеся и возрыдаете вы, міръ же возрадуется; и паки: тѣсенъ и прискорбенъ путь. Зриши ли повсюду скорбь похваляемую? вездѣ пріемлемую, аки нужную сущую намъ". Погруженный въ чтеніе такихъ божественныхъ заповѣдей и размышленіе о земной жизни—о томъ, что путь по спасенію для христіанина-мірянина, а тѣмъ болѣе для монаха долженъ быть во спасеніе скорбнымъ и тернистымъ, арх. Макарій принялся безбоязненно за благоустроеніе монастыря. Каневъ представлялъ въ то время мѣсто не безопасное. Монастырь подвергался уже нѣсколько разъ нападеніямъ латино-поляковъ, и татаръ. Внутреннее состояніе монастыря было далеко не въ духѣ сложившагося въ сердцѣ пр. Макарія устава монастырскаго. Есть основаніе думать, что ему приходилось вести борьбу съ монахами—это видно изъ той же книги св. Іоанна Златоустаго, въ которой хорошіе совѣты онъ отмѣчалъ для себя и для прочтенія братіи и повелѣвалъ читать напр. на стр. 2.891 о монашеской жизни слѣдующее мѣсто: „Воистину, монастырь есть домъ плача; суть монастыри, идѣже вретище и пепелъ, идеже уединеніе, идеже смѣхъ ни единъ, ниже житейскихъ вещей молва, идеже постъ, идеже долу лѣганіе; вся чиста сивара, кровій, плища, мятежа, многія молвы; пристанище тихое есть. Якоже отъ земли на небо, тако есть въ монастырь святаго мужа прибѣгати; въ семъ монастыри вси съ благоговѣніемъ, сонъ отложше, возстаютъ. Настоятелю возбуждающу ихъ, и стоятъ, святымъ стояще ликомъ, и руцѣ абіе простирающе, священныя поютъ пѣсни. Не убо якоже мы, многихъ часовъ требуютъ, ноеже сонъ отрясти и тяжкоглавіе мы бо убо купно возставше, сѣдимъ много протязающеся время, на потребу отходимъ, также умываемъ обличіе руцѣ: посемъ обуша и одѣянія пріемлемъ, и много изнуряется время, а тамо, ничтоже таково: ни единъ же зоветъ раба, кождо бо довлѣетъ себѣ; не требуетъ ризъ многихъ, не требуетъ сего еже сонъ отрясати, но купно очеса отверзе и много время бодрствовавшему уподобися трезвенія ради" и т. д. о подвигахъ и житіи въ монастырѣ, а также о смерти монаха, надъ которымъ не плачетъ ни жена, ни дѣти, ни рабы, который не занятъ мыслью о серебрѣ и златѣ и дѣлежѣ имущества и кото-

рый болѣетъ не отъ объядѣнія и пьянства, а отъ поста и бодрствованія и все сіе съ вѣрою и молитвою и радостью объ упокоеніи со Христомъ брата во Христѣ... Намъ теперь зрится преподобный Макарій, читающій съ умиленіемъ и слезами страницы бесѣдъ Іоанна Златоуста, богатыя примѣрами и поученіями изъ жизни богатаго и бѣднаго; священника, монаха и мірянина. Преп. Макарій совѣтовалъ братіи вести монашескую жизнь и самъ являлъ примѣръ достойный подражанія. Время было безпокойное. Въ 1672 году нашелъ пріютъ въ монастырѣ Юрій Хмѣльницкій, сынъ знаменитаго гетмана [25]), а Дорошенко не разъ бесѣдовалъ съ преп. Макаріемъ и, можно предполагать, по совѣту его отказался отъ подданства Турціи и въ 1675 году перешелъ въ подданство русскаго государя. Это было пріятно сердцу истиннаго сына церкви и русскаго народа. Въ семъ 1676 году Каневскій монастырь чуть было не лишился своего архимандрита преп. Макарія, вслѣдствіе того, что игуменъ Михайловскаго Кіевскаго Монастыря Ѳеодосій Сафоновичъ, умирая, просилъ назначить преемникомъ преп. Овручскаго архим. Макарія, но архіеп. Лазарь Барановичъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Господнимъ, назначилъ Кирилловскаго игумена Мелетія Дзика [62]). Такимъ образомъ архим. преп. Макарій оставался въ Каневѣ. Еще задолго онъ провидѣлъ и предсказывалъ бѣды для Малороссіи и разореніе Канева и монастыря и смерть многихъ православныхъ христіанъ. Дѣйствительно, предсказаніе преп. Макарія начало сбываться. Послѣ перехода Дорошенка — правобережнаго гетмана въ подданство Россіи, султанъ Магометъ II провозгласилъ вмѣсто Дорошенка гетманомъ и княземъ Малороссіи плѣнника своего Юрія Хмѣльницкаго и въ 1678 году послалъ многочисленное войско изъ турокъ и татаръ взять Украйну для Юр. Хмѣльницкаго. Православный народъ застоналъ, а преп. Макарій, предсказывая разореніе и Канева, увѣщевалъ православныхъ не падать духомъ, а готовиться къ смерти постомъ и покаяніемъ. Преп. Макарій зналъ по Овручу варварство турокъ и татаръ, ихъ жестокость и то, что они все будутъ грабить, чтобы не вернуться домой безъ хорошей добычи. Въ 1678 году налетѣли полчища турокъ и татаръ на города и села Малороссіи и начали жестокій разгромъ и, наконецъ, скоро приблизились къ Каневу. Препод. Макарій не убоялся татаръ. Они приступили къ нему и требовали монастырскихъ сокровищъ и сокровищъ, скрытыхъ въ монастырѣ каневцами, но такихъ сокровищъ не было

Желаніе игумена Кіево-Михайловск. монастыря имѣть преемникомъ арх. Овручскаго Макарія Токаревскаго.

Разореніе Канева въ 1678 году турками и татарами.

Мученическ. смерть арх. Макарія 4 сентября 1678 г.

въ монастырѣ. Чтобы достигнуть своего, они начали преподм. пытать: поставивъ его между двухъ столбовъ, начали его истязать желѣзнымъ орудіемъ, вертѣть ноги и скручивать, били его при этомъ по лицу, въ грудь, собирались кожу снимать, но, видя преподобномученика молящимся Богу съ поднятыми къ небу глазами, враги отрубили голову и бросили святаго мученика, а сами устремились за городъ къ своимъ полчищамъ въ станъ свой. Это совершилось 4 сентября 1678 года. Православные сошлись и, взявши тѣло святаго внесли въ храмъ и, для безопасности отъ враговъ, затворились въ монастырской церкви. О семъ лѣтописецъ такъ говоритъ: „а особливо въ старинномъ и красномъ монастырѣ Каневскомъ во церковь великую каменную много было людей Каневскихъ убѣгло и замкнулось; но турки церковь оную кругомъ дровами обложивши и со всѣмъ монастыремъ зажгли и всѣхъ людей въ церкви задушили“ [27]). Между тѣлами сожженныхъ въ церкви до неузнаваемости православные, сошедшіеся послѣ отхода враговъ, нашли тѣло мученика съ крестомъ въ рукахъ и во власяницѣ. „Хотя и много было тѣлъ,—говоритъ преданіе,—но ни одно не осталось въ цѣлости; тѣло же преподобнаго обрѣтено во власяницѣ, съ крестомъ на персяхъ и съ другимъ крестомъ въ рукахъ, которымъ онъ побѣждалъ скорби жизни и поборалъ по вѣрѣ православной, ради коей благодушно пріялъ мученическую смерть; тѣло его было какъ бы живое“ [28]). Православные съ любовію взяли блаженные останки отца и учителя своего и похоронили оные въ томъ же храмѣ, въ которомъ и нашли его—подъ жертвенникомъ (8 сентября 1678 года) [29]).

Обрѣтеніе св. мощей прмуч. Макарія.

Десять лѣтъ каменная монастырская церковь, послѣ татарскаго разоренія и пожара, стояла въ запустѣніи. Въ 1688 году приступили къ обновленію обгорѣлаго храма и, при наложеніи половъ, открытъ былъ гробъ и тѣло нетлѣнное св. преподобномуч. Макарія.

Многіе православные, лобызавшіе тѣло съ вѣрою и приходившіе ко гробу за тѣлесною и духовною помощью, получали просимое. Тогда по обновленіи храма св. мощи были поставлены во храмѣ для поклоненія народа и почитанія. Монастырь Коневскій не могъ уже обстроиться, спустя пять лѣтъ мѣсто монастыря и имущество земельное захватили уніаты, и православные Канева, чтобы святыня не досталась латино-полякамъ, перенесли съ подобающею торжественностью св. мощи въ Переславъ, Полтавской губерніи; вмѣстѣ съ святыми мощами была

Перенесеніе св. мощей въ Переяславъ.

перенесена и книга „Бесѣды Іоанна Златоуста“... на одной странпцѣ которой „рукою власною“ подписался архимандритъ Макарій Токаревскій [30]). Св. мощи были перенесены въ церковь Воскресенія Переяславскую и тамъ покоились до 1700 года. Въ 1700 году была возстановлена Переяславская епархія и епископъ Захарій Корниловичъ пожелалъ возстановить въ крѣпости Михайловскій монастырь, на мѣстѣ той церкви, въ которой были погребены останки многихъ святителей-епископовъ и россійскихъ князей. Послѣ полтавской побѣды въ 1709 году, когда императоръ Петръ I былъ въ Кіевѣ, испрошено было разрѣшеніе на построеніе Михайловскаго монастыря на томъ мѣстѣ, гдѣ была каѳедра епископовъ; церковь была построена и освящена въ 1713 году. 8 Ноября св. мощи были перенесены въ церковь св. Михаила, а монастырь продолжалъ обстраиваться. Но въ 1734 году году монастырская церковь каменная пострадала отъ пожара и св. мощи перенесены были въ трапезную домовую церковь. Къ 1742 году опять была возобновлена каменная церковь и святыя мощи были перенесены преосвященнымъ Никодимомъ изъ трапезной въ каменную церковь. Во время перенесенія мощей совершилось чудо: полковникъ Алексѣй Глѣбовъ, не владѣвшій руками и ногами, былъ принесенъ родственниками, по желанію больного, къ гробу преподобно-мученика Макарія; былъ отслуженъ молебенъ, больной приложился съ вѣрою къ святымъ мощамъ и на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ получилъ исцѣленіе совершенное. Въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ и 4 августа 1786 года св. мощи торжественно были перенесены въ возобновленный Вознесенскій монастырь [31]) и поставлены въ серебряной ракѣ съ лѣвой стороны церкви около иконостаса подъ особымъ куполомъ вблизи царскихъ вратъ втораго придѣльнаго храма-престола во имя св. прм. Макарія, гдѣ и по нынѣ почиваютъ во славу Отца и Сына и Святаго Духа. Святое тѣло, прославленное нетлѣннымъ, пребываетъ уже 200 съ лишнимъ лѣтъ и нынѣ „аки живое“, какъ говоритъ преданіе объ обрѣтеніи св. мощей,

Чудеса св. прм. Макарія при жизни и послѣ смерти.

Свят. Препм. Макарій въ жизни временной, со времени посвященія въ иночество и преемственно проходя должности игумена, архимандрита, являлъ себя всегда и во всемъ мужемъ высокой нравственности и духовной жизни. Постомъ, воздержаніемъ, молитвой, чтеніемъ слова Божія и поученіемъ другихъ, трудами на пользу братіи и ближнихъ, онъ явился угодникомъ Божіимъ

не только въ вѣчной жизни, но и во временной. Еще въ Овручѣ православный народъ приходилъ за помощью духовною и по его молитвѣ многіе получали просимое у Бога, но особенно онъ прославился подъ старость лѣтъ, когда былъ архимандритомъ-игуменомъ Каневскимъ. Здѣсь скоро, по прибытіи его, начали стекаться къ нему больные и обремененные жизненными невзгодами и всѣ, достойные милости Божіей, получали—одни—исцѣленіе, другіе—помощь и облегченіе. Такъ, пришелъ къ нему житель Канева, лишившійся зрѣнія послѣ болѣзни, потратившій многое на лѣченіе, прося его о врачевствѣ. Мужъ духовной жизни, черпавшій силу и здравіе въ помощи Божіей, указалъ слѣпому сей путь къ выздоровленію—„молись и вѣруй". Слѣпой пришелъ въ монастырь въ навечеріе Богоявленія Господня, когда совершалъ водоосвященіе самъ архим. Макарій, усердно молился и получилъ зрѣніе, помазавшись освященною водою [32]). Архим. Макарій заботился объ обращеніи заблудшихъ на путь истины и прилагалъ стараніе въ наставленіи дѣтей къ послушанію родителямъ и православной Церкви. Одинъ заблудшій юноша, за которымъ арх. Макарій постоянно наблюдалъ и наставлялъ въ истинахъ христіанской вѣры, обратился на путь истины, сталъ истиннымъ сыномъ Церкви и примѣрнымъ сыномъ своей матери, которая скорбѣла долго объ участи своего сына и свою скорбь излила предъ преподобнымъ [33]). Душа архимандрита, жаждавшая истины и правды, не мирилась съ злодѣяніями начальствующихъ, ради корысти вымогавшихъ послѣдніе гроши съ бѣдныхъ: былъ въ Каневѣ судія беззаконный и корыстолюбивый, котораго арх. Макарій обратилъ на путь истины слѣдующимъ образомъ: посылалъ часто деньги при запискѣ: „отдаю послѣднее, болѣе не имѣю, пощади себя и меня" [34]). Когда, однажды, преп. Макарій прибылъ въ Переяславъ, жители города окружили его и просили благословенія. Въ числѣ многихъ пришла женщина съ просьбой зайти въ домъ и помолиться объ умиравшемъ мужѣ своемъ, отцѣ дѣтей и кормильцѣ семьи. Архим. Макарій поспѣшилъ въ домъ съ христіанскою помощью и, совершивъ молитву надъ болящимъ, помазалъ его елеемъ. По молитвѣ преподобнаго больной выздоровѣлъ на утѣшеніе дѣтямъ и ближнимъ, для которыхъ онъ являлся другомъ и помощникомъ [35]).

Подъ конецъ жизни архимандритъ Макарій получилъ отъ Бога даръ прозорливости. Онъ съ точностью предсказалъ бѣды и разореніе Каневу, а также свою смерть и смерть многихъ

православныхъ гор. Канева, и предсказаніе его сбылось въ 1678 году, когда онъ принялъ мученическій вѣнецъ отъ Христа [36]).

Св. Преподобномуч. Макарій всю свою жизнь посвятилъ трудамъ, молитвѣ и духовному бдѣнію, являлъ себя сыномъ Церкви и по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ ему уготовано было перенести жестокія страданія отъ невѣрныхъ и принять мученическій конецъ жизни. Вѣра, сопутствуемая добродѣтелями въ часъ смерти и при жизни, вмѣнена ему Богомъ въ заслугу, каковою онъ сподобился пользоваться и по смерти. Нынѣ препм. Макарій является ходатаемъ предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ за всѣхъ немощныхъ душою и тѣломъ, прибѣгающихъ къ нему и многоцѣлебной ракѣ съ молитвою и глубоко-сердечною вѣрою въ Бога. За время пребыванія нетлѣнныхъ мощей въ Вознесенскомъ монастырѣ записано 11 чудесъ, совершившихся въ разное время и отъ разныхъ болѣзней по молитвѣ вѣрующихъ у многоцѣлебной раки преподобномученика. Послѣднее чудо записано штабсъ-капитаномъ А. Г. Бѣлинскимъ, который на войнѣ (въ послѣднюю войну съ Турціей) спасенъ отъ смерти образомъ преп. Макарія, пришитомъ къ мундиру, по молитвѣ къ прм. Макарію. Пуля въ упоръ скользнула по образу и не причинила никакого вреда. Въ заключеніе описанія чуда, г. Глѣбовъ убѣжденно предупреждаетъ вольнодумцевъ не вѣрящихъ въ силу молитвы святыхъ за насъ грѣшныхъ [37]). Мы думаемъ и знаемъ, что у раки прмуч. совершались и совершаются чудеса, но о нихъ знаютъ только тѣ вѣрные, кои получили помощь, хотя эта свыше помощь остается не записанною на память потомству.

Св. обитель, въ которой покоятся св. мощи преподобномученика Макарія благоукрашается и въ духовномъ отношеніи крѣпнетъ подъ бдительнымъ управленіемъ монастыремъ игумена Мелетія, прослужившаго въ священствѣ болѣе 30 лѣтъ и подъ старость лѣтъ посвятившаго себя всего монашеской жизни. Пріятное впечатлѣніе производитъ въ монастырѣ богослуженіе, соблюденіе уставовъ, порядокъ, прекрасное пѣніе и нощныя, когда мірскіе люди спятъ, моленія монаховъ. Да благословитъ Господь труды подвижника игумена!

ПРИМѢЧАНІЯ:

[1]) О жизни и страданіи въ русской церковно-исторической литературѣ имѣются труды: а) архіепископа Полтавскаго и Переяславскаго Гедеона, 1845 г. С.-Петербургъ. Этотъ трудъ списанъ въ общемъ съ рукописнаго житія неизвѣстнаго автора и страдаетъ историческими неточностями и грубыми ошибками. Онъ имѣлъ нѣсколько изданій съ опущеніемъ именъ и годовъ въ Кіевѣ. б) Проф. Богословія Нѣжинскаго Института свящ. А. Ѳ. Хойнацкаго въ «Очеркахъ изъ исторіи Православной Церкви и древняго благочестія на Волыни». Житоміръ, 1878 г. Этотъ трудъ списанъ въ общемъ съ труда еп. Гедеона съ опроверженіемъ даты рожденія и мученической смерти; съ 1671 года житіе изложено сравнительно съ прежнимъ первымъ трудомъ болѣе обстоятельно и исторически вѣрно. До 1671 года у о. Хойнацкаго свѣдѣній нѣтъ. в) Житія св. Россійской Церкви, А. Муравьева. С.-Петербургъ. 1858 г. — списано съ перваго труда. г) Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно. Черниговъ, изд. 2, 1865 г. архіеп. Черниговъ. Филарета. Почти тоже въ сокращенномъ видѣ, что и у о. Хойнацкаго. Словомъ, обстоятельнаго житія нѣтъ, а оно желательно.

[2]) Предположеніе основано на слѣдующемъ: въ 1637 году монахи Симоновскаго Брестскаго монастыря вызывали іеромонаха Макарія Токаревскаго изъ Купятичскаго монастыря въ игумены — слѣд. ему было въ 1637 г. не менѣе 30 лѣтъ. Діаріумъ Аѳанасія Филипповича въ Русской Историч. Библіотекѣ, т. IV, стр. 62.

[3]) Г. Овручь, нынѣ уѣздный городъ, Волын. губ.

[4]) Собственноручная подпись архим. Макарія на книгѣ «Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на 14 посланій Ап. Павла»—при семъ прилагается.

[5]) Имя его въ мірѣ неизвѣстно.

[6]) «Волынь»—изд. П. Н. Батюшкова, С.-Петерб. 1888 г., стр. 24 и 144.

[7]) Діаріумъ А. Филипповича. Истор. Русск. Библ., т. IV, стр. 62.

[8]) Тамъ-же, т. IV, стр. 52.

[9]) «Бѣлоруссія и Литва», изд. П. Н. Батюшкова. С.-Петербургъ 1890 г., стр. 235.

[10]) Тамъ-же.

[11]) «Бѣлоруссія и Литва», изд. П. Н. Батюшкова. Іовъ Заіончковскій былъ архим. Кобринскимъ, а съ 1658 года въ Каневѣ игуменомъ.

[12]) Тамъ-же, стр. 250.

[13]) Письма Лазаря Барановича,—письмо 72; акты Южной Россіи III, 518,

[14]) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора въ 1844 — 1853. Кіевъ 1854 г. стр. 60—61.

[15]) Письма Лазаря Барановича—письмо 90.

[16]) О. Хойнацкій «Житіе пр. Іова»; прим. у арх. Филарета къ 104 письму Лазаря Барановича.

[17]) О. Хойнацкій тамъ-же.

[18]) Подпись «власною рукою» на книгѣ.

[19]) Письма Л. Барановича—письмо 90; собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Кіевъ 1876 г., стр, 535.

[20]) «Волынь» Батюшкова. 1888 г., стр. 124. Монографіи Антоновича В. Б. Кіевъ. 1885 г., стр. 199. Памятники Кіевской Ком., т. II, стр. 257—266. Труды Кіевск. Дух. Акад. Юль. 1865 г., стр. 363. М. А. Максимовичъ, т. I, стр. 536.

[21]) Черниговъ. Еп. Вѣд. 1863 г., у о. Хойн., стр. 234.

[22]) Тамъ-же, стр. 233—234.

[23]) Тамъ-же, стр. 234.

[24]) Книга бесѣдъ и подпись архим. Іова Заіончковскаго подъ 1658 г., при семъ прилагаемая.

[25]) О. Хойнацкій, стр. 235 и прим. 1.

[26]) Письмо Л. Барановича 132.

[27]) О. Хойнацкій, стр. 238—239. Величка Лѣтоп. 2, стр. 485. Акты Зап. Россіи, т. V, стр. 150—151.

[28]) Житія св. Русской Церкви Муравьева. Августъ, стр. 203 по о. Хойн., стр. 239 пр. 3.

[29]) Тамъ-же, стр. 239.

[30]) См. книгу въ монастырѣ Вознесенскомъ Переяславскомъ.

[31]) Рукоп. Житіе при монастырѣ. Архіеп. Гедеонъ. О. Хойнацкій, стр. 239—240.

[32]) Рукоп. Житіе. Арх. Гедеонъ. О. Хойнацкій, стр. 235.

[33]) Тамъ-же, стр. 235—236.

[34]) Тамъ-же, стр. 236.

[35]) Тамъ-же.

[36]) Тамъ-же, стр. 236—237,

[37]) Сказанія о чудесахъ прмуч. Макарія іером. Парѳенія. Кіевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

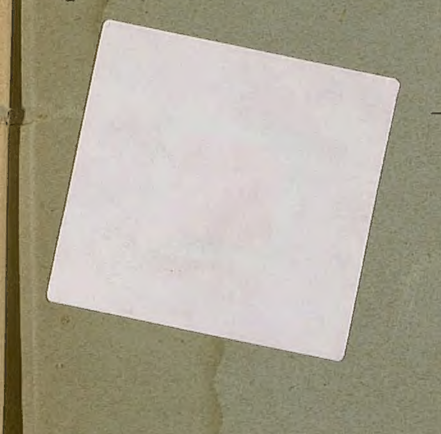
Стр.

Зарубежное Славянство.

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ.** Ноябрь 1895 г.

Содержаніе: „Жизнеописаніе Св. Преподобномученика Макарія, Переяславскаго чудотворца", Свящ. *Стеф. Недѣльскаго.*

Рисунки: Подпись Прдмч. Макарія; надпись его на книгѣ; подпись архим. Іова Заіончковскаго.

Открыта подписка на 1896 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ приложеніи «БЛАГОВѢСТЪ» помѣщаются статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль.**

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за $^1/_4$ 5 р.

Адресъ Редакціи и Конторы „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С. Драгомирецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Ноября 1895 года.